

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически
журнал № 3 (66) март, 2022

S. Nikas

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Представляем вашему вниманию мартовский, традиционно «женский» номер литературно-исторического журнала «Александръ». Сегодня все произведения имеют «женский почерк и стиль».

ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!

Сердечно поздравляю вас с прекрасным и нежным днём 8 Марта! В нашей стране этот весенний праздник всегда отмечается с особой теплотой, поскольку он олицетворяет глубокое уважение и любовь к вам. Вы окружаете близких людей любовью и вниманием и, несмотря на многочисленные заботы, связанные с работой и семьёй, дарите им покой и счастье. В этот праздничный день мы от всей души говорим вам спасибо за то, что вы есть, искренне желаем, чтобы ваша жизнь была полна ярких красок и неповторимых воспоминаний, незабываемых встреч и, конечно, любви!

От всей души желаю вам крепкого здоровья, красоты, материнского счастья и семейных радостей, мира и благополучия!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРАЗДНИКОМ, С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ ДНЁМ!

Мы, женщины, настолько многогранные существа, что нас невозможно в один шаблон загнать. Как писательница и коуч со сказочным уклоном, предлагаю вам вспомнить сказочные женские архетипы и актуализировать сильные женские качества.

Вот мой любимейший архетип – Баба Яга. Подлинная, мудрая и глубокая.

Достигнув определённой зрелости сознания, я достигла состояния наполненности энергией и креативными инициативами. Мне стало легче извергать из себя идеи и воплощать их. Я прониклась глубинными смыслами женского творения. И к этому была масса предпосылок: накопление, усиление и нарастание моих обширных проявлений в качестве ролевых моделей. Каждая моя роль вплетается в венок многогранной сущности божественной души. Я – православная женщина, жена, многодетная мама, писатель, автор 10 детских книг, член Союза писателей России, руководитель, предприниматель и социальный волонтер, нейрокоуч и наставник, лидер в сообществе ПроЖенщин, друг, коллега, сестра, дочь.

Женщины – прекрасная, причём большая, половина человечества. Каждая поглощает множество граней своей драгоценной и уникальной сути.

Вспомните Настеньку, сердечную и искреннюю, восхищающую чистотой своих духовных ценностей. В этом архетипе сосредоточен собирательный образ истинной женской красоты. Мы улучшаем и совершенствуем всё вокруг. Да просто оглядитесь по сторонам!

Сказочная героиня Царевна Лебедь олицетворяет спокойствие и мощь, близкую по магниту к силе притяжения ядра Земли. Правильно! Плодородная сущность проявляется в том, что женщина рождает детей и проекты, создаёт пространство для творения вокруг себя. Чувственный букет эмоциональных ощущений и тонких настроек расширяет и обогащает структурный и логичный мир мужской энергии в художественной культуре, науке и политике неповторимым изысканным многообразием оттенков и деталей, дополняя и гармонично завершая целостную картину бытия.

Архетип Золушки освещает заботливую, отзывчивую и любящую женскую природу, в которой всё самое главное про отношения. Ведь высокая эмпатия и интуитивная расшифровка невербальной информации – нечто абсолютно естественное в нас. словно в нашем сердце прошита не одна сверхточная и сложнейшая компьютерная программа по эмоциональному интеллекту.

Проницательная Шахерезада, как тонкий психолог и талантливая рассказчица, обучает искусным стратегиям управления процессами. Женщины гораздо больше склонны объединяться для помощи и поддержки, чем конкурировать. Соперничество и соревнование, особенно с мужчинами, напротив, ослабляют женщину, мешают ей расти. Ведь истинный рост женщины, самореализация и карьера, подъём духовности происходят только через творчество. А созидание рождается в потоке лёгкости и радости, никак не принуждения.

Свобода Алисы позволяет всему случаться и получать результаты, не завися от внешних обстоятельств. Женщина во все времена выигрывает за счёт гибкости мышления и природной адаптивности к ситуациям разной сложности.

Моё главное сказочное пожелание, которое я стремилась донести до вас, мои дорогие, – позвольте себе быть собой! Познавайте себя, свою многогранность и уникальные способности, подаренные вам природой. Слушайте своё сердце, в нём есть ответ на все вопросы!

**С любовью и поддержкой,
Наталия ЯРОСЛАВЦЕВА,**

детский писатель, член Союза писателей России

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУТЯТИ

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция выступает в переплёт только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (66), март 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.03.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ПУШКИНИАНА

- 6** Анна Барсова (Барсегян).
Из кавказского дневника: по страницам
«Путешествия в Арзрум»

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 11** Людмила Хлебникова.
Звукам души повинуюсь

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 15** Людмила Сизова
17 Натали Донч

ПАМЯТЬ

- 19** Эльвира Сапфирова.
Сумеречный поэт XX века
22 Валентина Останина.
Ф. М. Достоевский в Омске
25 Анатолий Труба.
Душа Москвы

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 29** Елена Осминкина
32 Жанна Ташма
Елена Татаринцева

КРЫМСКИЕ ТЕТРАДИ

- 33** Людмила Шишло.
Последняя морская катастрофа
Советского Союза
36 История, рассказанная улицами Керчи

ЖИТЕЙСКОЕ

- Полина Громова.
38 Паршивый пёс
41 Подмена

ИСТОРИЯ РОССИИ

- 44** Людмила Югова.
Благотворительность князей
Константиновичей в годы Первой
мировой войны (1914–1918)

МИР ЛИТЕРАТУРЫ

- Татьяна Осинцева.
55 Поговорим о странностях любви.
М. Пришвин и Ляля
56 Пущин

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

- 61** Людмила Брагина.
На панели
Наталья Баранова.
68 Культ личности
70 Пакт о ненападении
71 Спасибо Ваське-паразиту

ДЕБЮТ

- 73** Алина Абуллаева

НОВОРОССИЯ

- 76** Нина Ищенко.
«Новороссия гроз. Новороссия грёз»:
сакральное пространство Донбасса

ДЕТЯМ

- Галина Подымова (Боршковская).
80 Дружба девочки Саши с улиткой
Таней
83 Жители Бумажного города

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

- 88** Арина Беззубцева.
90 Метровой

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

- 93** Валерий Аршанский.
Трамвай «Желание»

ИЗ КАВКАЗСКОГО ДНЕВНИКА: ПО СТРАНИЦАМ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

«Путешествие в Арзрум¹», или «Путевые записки», как их называет Александр Пушкин, посвящены Кавказу, Грузии, Армении, военному конфликту России и Турции 1828–1829 годов. Поэт пишет о сложных проблемах освоения Кавказа, рисует военные действия, высказывает свои мысли о путях распространения просвещения, образования, размышляет о начинающихся связях России, Армении, Грузии, рисует быт и обычаи народов, с представителями которых ему удалось пообщаться. В этих «Путевых записках» А. Пушкин предстаёт перед читателем мыслителем, философом, публицистом и, конечно, художником.

На страницах «Путешествия в Арзрум» мы видим калмыков, осетин, кавказских

татар, черкесов, ногайцев, грузин, армян, турок.

Поэту интересно всё: и национальная кухня, и внешний облик людей, и крепости, и сакли, и аулы, и непростая военная служба, воинская доблесть русских солдат, и картины природы, постоянно меняющиеся и вдохновляющие его...

Вот перед ним дорога из Екатеринодара (ныне – Краснодара) до Владикавказа с okazji и такая картина: «Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников...»

Фактически отсюда начиналась Военно-Грузинская дорога, и она в те времена была непростой: «Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются: это называется

¹ Эрзурум (Эрзерум) – город в исторической Западной Армении, получил своё нынешнее название в XI веке. В 1048–1049 годы лежавший по соседству древнеармянский город Ардзн был разрушен сельджуками, и жители его бежали в Карин, который с этого времени стал называться Ардзн-Рум, что означает «Ардзн Ромеев» (ромеями называли себя византийцы, греки по преимуществу), (по-гречески «Арзен Ромеев») и т. д. Из этих слов Ардзн-Рум или Арзен Ромеев образовалось название АРЗРУМ (АРЗЕРУМ).

оказией. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в девять часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из пятисот человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за ними заскрыпел обоз двукольных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только пятнадцать верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец, непрерывный скрип нагайских ароб вывели меня из терпения».

И наконец Кавказ! Поэт поражен: «Кавказ нас принял в свое святилище. Мы слышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу. Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелье. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелье извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черных вершин...»

Да, и ныне та же картина! Вот село Ларс, деревня Казбек (Казбеги – Степанцминда), и между ними огромное Дарьялское ущелье, устрашающее и прекрасное, ревущий Терек, красавица Арагва (Арагви), сёла, примостившиеся на горных склонах, в ущельях и долинах, покрытых яркой изумрудной зеленью. Далее – Тифлис (Тбилиси), перевал, где А. Пушкин встретит тело А. С. Грибоедова, потом – Гумры (Гюмри), Карс, Арзрум. А в Эривани (Ереван) свирепствовала чума, об этом сказали поэту.

Ныне в Верхнем Ларсе – КПП (таможня), и это единственный путь по Военно-Грузинской дороге на Кавказ. Дорога тянется по Крестовому перевалу. На самой верхней точке перевала – крест, обновлённый генералом А. Ермоловым.

Поэту запомнился яркий, разноголосый Тифлис и прекрасные бани. «Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные тифлиские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах. При входе в бани сидел содержатель, ста-

**Анна БАРСОВА
(БАРСЕГЯН)**

Поэт, прозаик, переводчик, педагог, литературовед, член Союза российских писателей, действительный член Академии российской литературы, Пушкинского клуба города Екатеринбурга и других творческих организаций.

Лауреат всероссийских и международных премий и фестивалей. Автор поэтических сборников, методических пособий и множества научных публикаций. Стихи и проза автора публикуются в журналах «Москва», «Урал», «Подъём», «Берега», «Невский альманах», «Приокские зори» и др.

Долгие годы работала в Набережных Челнах, стояла у истоков создания детских и молодежных творческих коллективов города и объединения КАМАЗ.

В настоящее время проживает в Екатеринбурге.

рый персиянин. Он отворил мне дверь, я вошел в обширную комнату и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе не одетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. Я остановился. "Пойдем, пойдем, – сказал мне хозяин, – сегодня вторник: женский день. Ничего, не беда". – "Конечно, не беда, – отвечал я ему, – напротив". Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрую; ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны..."

Подъезжая к границе, поэт мечтал увидеть Арарат. И наконец – встреча, которая будит воображение поэта: «На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. "Что за гора?" – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: "Это Арарат". Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и врана, и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...»

С таким же восторгом поэт описывает встречу с Арпачаем. Для А. Пушкина граница – это нечто особенное, открывающее новый, неведомый доселе мир: «"Вот – и Арпачай", – сказал мне казак. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван...»

Нужно сказать, что до сих пор учёные спорят о том, видел ли Александр Пушкин Арарат или Арагац и где поэт встретил арбу с телом Александра Грибоедова. Учёные пусть ищут ответы на эти вопросы, а мы читаем текст поэта и верим ему.

Приехав в город Карс, поэт попал под проливной дождь. Турок, провожатый, слез с лошади и стал стучаться в двери, но никто не открывал.

Александра Пушкина пригласил из ближнего дома молодой армянин, который изъяснялся «на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жильё своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем... Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства».

Да! Блюдо это очень вкусное: баранина, лук, овощи... Мои родные и бабушка тоже его готовили, и я иногда угощаю им своих близких.

Случилось так, что несколько лет тому назад я поехала по Военно-Грузинской дороге в Армению, на свою историческую родину. Часть пути – на машине, а кое-где шла пешком. На самолёте лететь не могла по состоянию здоровья. Плохо, что не восстанавливают железнодорожное сообщение с Южным Кавказом! Эта дорога связывала народы, была артерией жизни, культуры, добрососедства! Народы Кавказа обречены жить вместе. Когда-то все знали хрестоматийные строки А. Церетели: «И край родной у нас один, Кавказа выси ледяные!»

Жаль, что не смогла пересечь границу с Турцией, добраться до Карса, Арзрума, Муша. Как рассказывал мой дедушка, во время резни они с родственниками бежали из своих родных городов в Восточную Армению. Здесь жили, работали, сажали сады, сеяли пшеницу, выращивали виноград. Братья, сёстры создали семьи, вырастили детей. Здесь родился мой отец, который воевал на фронтах Великой Отечественной, учился в Харькове после войны. Там родилась я. Училась я в Украине и Армении, а работала в России, в Набережных Челнах, где строился КАМАЗ.

После поездки на Кавказ у меня сложился поэтический цикл, в нём картины природы, мои переживания, мысли о прошлом и настоящем, мои чувства... К некоторым стихам я взяла эпиграфы из «Путевых записок» Александра Пушкина «Путешествие в Арзрум».

О Пушкинском перевале мной написан отдельный очерк, но стихотворение о перевале я включила и в эту подборку.

*«Вот и Арпачай», – сказал мне
казак. Арпачай! Наша граница!*
А. Пушкин. Путешествие в Арзрум

Я шла на зов – в далёкие края,
Пересекая горы, реки, скалы.
Рассыпала цветы кругом заря,
И Арарат звал, этого немало!

На трассе пробежали корабли –
Гружёные фургоны, КраЗы, фуры.
Арагви¹ говорила: «Не юли!
Ползи наверх и всё рисуй с натуры!»

Ползи наверх к дремучим облакам,
К цветам, рассыпанным зарёй на небе!»
Кура кричала: «Я своё воздам!
Придёт жара – забудешь ты о хлебе!»

Но вот мелькнул стрелою Арпачай²,
Глаза покрылись тонкой пеленою.
Встречай меня, мой друг, встречай, встречай!
За нашу встречу выпью я с тобою!

* * *

*Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя,
засмотревшись на огромные скалы,
между коими хлещет Терек...*
А. Пушкин. Путешествие в Арзрум

Позолотила осень горы,
И быстрый Терек стал резвее.
На перевале³ – разговоры,
И ночи гуще и темнее.

К скале прижавшись, встали фуры.
Таможня⁴ выдохнула: «Стойте!»,
А гор причудливых фигуры
Шептали: «Пойте, пойте, пойте!..»

¹ Арагви (Арагва) – река в Грузии, приток Куры.

² Арпачай (ныне Ахурян) – левый приток Аракса, располагается у предгорий Арарата.

³ Имеется в виду Крестовый перевал. Ныне – Грузия.

⁴ Таможня находится на КПП «Верхний Ларс». Отсюда можно проехать по Военно-Грузинской дороге через Дарьяльское ущелье в Грузию и Армению на автомобиле. По этой дороге проезжали А. Грибоедов, А. Пушкин, М. Лермонтов.

* * *

Свежий ветерок Тифлиса⁵,
Тень склонилась кипариса,
Запах шашлыка.
Неба синие разводы,
Гор, летящих в небо, своды,
Взгляд их свысока.
Не забуду эти взгляды
И Куры ночной рулады,
Что бежит, легка...
Так открой, Тифлис же, двери,
Девушки твои как пери!
Все – в шелках!

* * *

Тбилиси – тёплая вода,
Тбилиси, ты со мной всегда,
Как в годы юные мои,
Когда певали соловьи;
Когда ложился рдяный цвет
На храм из прошлых, давних лет,
Когда, читая «Мцыри»⁶,
Молилась дерзкой лире!

ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

*Я стал подыматься на Безобдал, гору,
отделяющую Грузию от древней Армении...*
А. Пушкин. Путешествие в Арзрум

В горах далёких – перевалы,
Там есть один в тени снегов:
Бьют воды, воды Безобдала⁷,
И нежен контур облаков.
Там, на высоком перевале,
Мы были в середине дня,
И не страшили нас обвалы,
И свет был соткан из огня.
И в этом свете возчик плыл
В арбе и тёр глаза сухие,
И Пушкину он говорил,
Как «Грибоеда» погубили.

⁵ Тифлис – старое название Тбилиси. «Тбилиси» переводится как «тёплый источник».

⁶ «Мцыри» – поэма М. Лермонтова.

⁷ Безобдал – родник на Пушкинском перевале.

...Свечою тонкой дни истают,
Закатом век тот догорит,
Но встречу эту в очертаньях
Природа бережно хранит!

* * *

...Я увидел минеральный ключ,
текущий поперек дороги.
Здесь я встретил армянского попа,
ехавшего в Ахалцык из Эривани¹.
А. Пушкин. Путешествие в Арзрум

ЭРИВАНСКИЙ БАЗАР

Ах, белёсые жемчуга,
Затоваренные века
И набитый едой базар,
Где товаров чёрт не считал!
Здесь халва, шашлык и кунжут,
И его здесь даром дают,
И вино, что солнца красней,
Виноград, что девы вкусней!
Эриванский родной базар,
Как давно я здесь пировал!
У тебя же пир каждый день,
Пригласи меня в свою сень!

* * *

А мне снится утро раннее,
Свежий день,
Даль, которой нет желаннее,
С нею – тень!
А мне снится город розовый,
Весь – в шелках,
Вечерами – абрикосовый,
Там – в горах!
А мне снится птица белая²
И гора³,
Винограда гроздь зрелые,
Песнь добра!

¹ Эривань – ныне Ереван.

² Птица белая – голубь. Согласно легенде о всемирном потопе, Ной, когда пристал к горе Арарат, выпустил ворона, а затем – голубя, который вернулся с масличным листом.

³ Имеется в виду библейская гора Арарат, к которой пристал ковчег Ноя.

ЕРЕВАНУ

Здравствуй!.. Ты меня забыл,
Город старый, верный?
Помнишь, как со мной парил,
Как была я серной?
Как носилась по лугам,
По полям зелёным,
Как молилась вещим снам
И ночам калёным;
Как спускалось по утрам
Солнце тропкой горной
И скользило по устам
Песней свежей бодрой?..

ГОРНЫЕ МАКИ

Горные маки, палящий зной,
Небо не просится на покой.
Воздух, как сахар, нежен и сух,
Выпью его – будет жарким дух!
Горные маки – алый ковёр,
Вас не сорву я, радуйте взор!
Дар этих свежих горных полей
Будет со мной до скончанья дней!

У ГОРЫ АРАРАТ

Солнце всходило. На ясном небе белела
снеговая двуглавая гора.

А. Пушкин. Путешествие в Арзрум

1

Мы у границы проезжали,
Лежал там Арарат в печали.
Одетый в сумраки чужие,
Глядел он на поля родные!

2

Аракс, Аракс⁴ – извечный бег,
Ты не широк, не говорлив.
Ты, как мудрец, проживший век,
Немногословен, молчалив.

⁴ Аракс – река, протекает недалеко от Арарата.

ЗВУКАМ ДУШИ ПОВИНУЯСЬ

Войдёшь в мастерскую художника Юрия Ужегова, и дух гармонии примет тебя в объятия. Этот вечно желанный дух, который сопутствует человеку даже в самые сложные времена. Тем художникам, в ком он дышал, легче было пережить трагедию 90-х годов. Это чувство гармонии, света которого и «тьма не объяла», во всех работах художника. Оно в непосредственных открытых лицах детских портретов, в кротких скромных цветах натюрмортов, в образах животных – умных задумчивых собак, – в солнечных двориках, в медленном течении речушек с невысокими берегами, в лесных и горных просторах его пейзажей. Ничто в мире не остановит пришествия в сердца людей всегда нового сладостного чувства ко много раз виденному чуду весеннего пробуждения, полыхания золота осени, летнего терпкого животворения, зимнего затишья, склоняющего ум сосредоточиться и поразмыслить... Никогда художник не откажется от простой нашей русской природы, собеседующей с ним, дающей ощущение связанности каждого человеческого сердца со вселенским дыханием невидимых сил и значений.

В этом чувствовании земных раздолий как безмолвно красноречивого собеседника, в котором человеческие вопрошания находят отзыв, и есть духовно-эмоциональная неисчерпаемость традиции русской пейзажной школы. Она не исчезнет, если только не убьётся творческое начало человека электронным миром, если не погубит он природу (ПРИ-РОДУ) своим неумным самоуправством. Но тогда и он перестанет быть.

Мотив природы как благодатного дома человека – главный в пейзажах художника. Он различно проявлялся в разные периоды творчества. В 1960–70-е годы Ужegovым было создано множество небольших картин элегического настроения, но с различным живописным решением. Все они обобщённой изобразительности, без детальной сухости. Одни созданы текучим, как бы плавящимся мазком (возможно, мастихином): «Тропинка» (1970), «Весна на Клязьме» (1960). Другие – более рельефным, способствующим передаче бликов света: «Март» (1972), «Берёзовая роща» (1970). Есть этюды совсем тонкого письма с просвечивающей фактурой холста или

ДВП. Возникающая при этом гобеленность придаёт особенную теплоту и мягкость настроению образа: «Рябинка» (1986), «У горы Серебрянки» (1986). Потом были путешествия по Уралу. Сама природа горного Урала сообщает художникам романтический ключ. Но каждый открывает им собственный тон. Романтизм Ужегова сдержанный, без патетических нот. Таинство первозданного творчества самой природы в картинах «На реке Хомес» (1997), «Конец лета» (1988), «Таёжная осень» (1996), «Октябрь» (1995) звучит ярче.

Песней пространств и горизонтов воспринимаются работы «Гора Ярута. Распогодилось» (1993), «Осень в тундре» (1994), «Река Шайтанка разлилась» (2010), «Слобода» (2010). В них не восклицания художника, а его поклон Высшему Творцу «всего видимого и невидимого...».

Во второй половине 2010-х годов авторское внимание обратится к картинам «тихой радости». Они исполнены с лирическим любованием преходящими мгновениями жизни природы, её простыми скромными видами, их благодатью и кротостью: «Мостик» (2015), «Утро в деревне» (2013), «Лето» (2017), «Пижма» (2017).

Простота, естественность – свойство и его натюрмортов: два флакончика с перекаати-полем, айва, рассыпанная на столе, стаканчики с веточками полевых цветов... Цветы как наивные лица. Всё просто. Но есть нечто одушевлённо-изысканное в этих почти не составляемых натюрмортах.

Особая страница творчества художника – портрет. Приятно ощущать, как источают тёплые чувства изображения из прекрасной семейной галереи портретов: сына, дочерей, жены. Этого на современных выставках почти не увидишь. Детскую открытость, хрупкость Ужегов передаёт с берегающим, трепетным любованием. Интересно сравнить несколько портретов дочери Насти. Они всегда с новым звуком, что естественно в растущем человеке, и создают впечатление о ней как о существе непосредственном, подвижном, характер и настроение которого, возможно, и наталкивают на разные творческие решения.

Есть её изображение на фоне как бы вытканном нарочито горизонтальным мазком, – «Настя» (1987). Этот светлый фон голубовато-сероватых оттенков воспринимается завесой, укрывающей задорную непосредственность чистой души. Фигурка девочки в палево-розоватых тонах выписана более сильной пластикой, чем фон. От этого она как бы выдвинута в поле зрителя, в общение с ним.

В 1988 году – два портрета Насти, уже повзрослевшей. Один – с очень серьёзным лицом. В нём автор акцентирует характер, просыпающуюся личность, а затемнённый нейтральный фон этому способствует. Он же сосредоточит внима-

ние и зрителя на состоянии девочки. Другой – задумчивый, несколько меланхолический образ, фигурка которого больше связана с активным живописи решением фона, соединена с ним стихией цвета и мазка. Зритель как будто приглашается в пространство портрета, в нежную уютность детства. Художнику не чужд эксперимент, не агрессивный, не опровергающий реализма, даже если он заходит довольно далеко. Как, например, в портрете Насти 1990 года с использованием контражурного эффекта, когда лицо лишается подробностей пластики, но возникает призрачность нежного видения.

В портрете другой дочери, Оли, 1988 года есть мотив возрожденческого подхода к образу. Быть может, сама натура, какое-то детское достоинство в ней вызвали эти ассоциации. Лицо девочки перламутровых оттенков в оправе тёмных вьющихся волос серьёзно, выписано подробнее, спокойнее. Кисть отца сосредоточена на передаче внутренней жизни маленькой личности с вопрошающим взглядом.

Любовь и нежность отцовства в этой серии детских портретов. Глядя на них, вспоминаешь слова художника Аркадия Пластова: «Писать детей просто наслаждение. Дети сказочно хороши. Как описать их очарование? В детском лице яс-

ность и свежесть цвета приближаются по красоте к звукам».

В мастерской художника долго висел портрет сына «Зимние грёзы» (1970). Это, пожалуй, не портрет, а композиция. В мальчика, стоящего на веранде, я всматривалась каждый раз, когда бывала в мастерской. Романтическое волнение цветовых пятен работы воспринимается причудливой игрой детских фантазий и мечтаний. Сам художник говорит, что всё в этой работе не так... Но почему-то хочется не анализировать её, а просто присоединиться к образу отроческой, расцветающей души. Композиция отзывается собственными воскресающими чувствами детства. Через десять лет художник изобразит повзрослевшего сына уже в романтических тонах юности, с книгой в руках, с задумчивостью в облике.

Нельзя обойти вниманием портрет жены 1975 года. Темпераментная живопись в переливах и отсветах, лёгкое, кажущееся быстрым письмом передаёт сердечность, благосклонность автора к внутреннему миру и достоинству спутницы жизни... Есть что-то царственное в её облике, что особенно ярко прозвучало в её графическом пор-

трете, который можно так и назвать – «Царица» (1977). Это графика лёгкого воздушного рисунка, парящей линии, которая будто сама собою находит нужное место. Такое впечатление производят его графические листы. Графика художника стоит отдельного внимания. Но портрет художника Райшева 1977 года всё же хочется описать. Его создают короткие тонкие линии, которые, будто опадая сверху, вдруг остановились в полёте, создав портрет художника – бесплотный иррациональный облик, смотрящий сверху. И это так соответствует произведениям Райшева, в творчестве которого взгляд на землю и её обитателей с небесной высоты был ведущим, композиционно созидаемым.

Всегда интересны автопортреты художника. В них невольно отражается его самоощущение. В автопортрете Юрия Ужегова 1974 года фигура художника с кистью в руке неподвижна в обдумывании идеи или первого касания холста, который не изображён, но подразумевается. За фигурой многоцветный подвижный в условных пятнах и формах фон. Контраст активного фона и остановленного движения фигуры создаёт напряжение образа... Перед нами момент творческой сокровенности, погружённости в атмосферу замысла. И совсем другой мир в автопортрете художника с младенцем «Двое» (1981). Сама живопись тревожного колорита, динамичного письма. Осуровевший взгляд художника, с вопросом, обращённым в предчувствие будущих сложных лет, направлен на зрителя. В беспокойной атмосфере картины младенец – самый светлый,

светоносный образ. В этой работе аналогия с иконой «Отечество». Новая душа преподносится будущему миру.

Через четыре года художник напишет автопортрет с собакой, большой красивой борзой, с которой он сидит на диване как с другом, с равным самобытным понимающим существом. «Автопортрет с Даном» (1984) – тёплая по живописи и чувству работа. Через двадцать с лишним лет, в автопортрете 2007 года, перед нами образ человека, погружённого в свои мысли. Его облик светит памятью, переживаниями непростого жизненного пути. Пути, окрасившего его внутренний мир достоинством и терпением, творческой сосредоточенностью.

Сейчас художник старше. Недавно ему исполнилось 80 лет, юбилей он отметил персональной выставкой. Он творчески активен, ведёт студию и верен своему идеалу восприятия мира, в котором жизнь природы и бытия людей «сливаются в единый строй сочувствий, в одну любовь, в согласие одно» (Пётр Вяземский).

Людмила ХЛЕБНИКОВА,
искусствовед, член ВТОО
«Союз художников России»

Я ТЕРЯЮ ТЕБЯ

Заметает зимою тропинки в саду,
И покрыта уж инеем прежняя дружба.
Я теряю тебя и уже не найду.
Ничего в этой жизни теперь мне не нужно.

Силуэт, словно призрак, метнулся в окне.
Цвет снежинок, что падают, так светел и чист.
Я теряю тебя в нашей древней стране,
В той нелепой игре, зачем-то названной
«жизнь».

Проклят тот, кто надеется лишь на людей,
Он разобьёт и утратит надежды свои.
Кто пройдёт испытанья скорбей и страстей,
Тот в дойдёт в небесное царство вечной любви.

ЧУДЕСНЫЙ ДАР

(Наилучшая новогодняя ночь)

Была волшебной эта ночь,
Седой зимы творенье,
И я не в силах превозмочь
Своё к тебе влечение.

Вот бьют часы двенадцать раз,
Отмерено мгновенье,
В сердцах рождается у нас
Любовное томленье.

А за окном метель метёт.
В фате земле-невесте
Бродяга ветер песнь споёт,
Что нам жить в счастье вместе.

Надолго ль, миг или года,
Дан тот новогодний дар?
Но в моём сердце навсегда
Он разжёт любви пожар.

АНГЕЛ ПРИЛЕТЕЛ

Ко мне небесный ангел прилетел,
На лире псалом исполняя,
Вверху оставил горний свой удел,
Привратника с ключами рая.

О том псалом пел ангел, что свят Бог.
Благословенно то мгновенье,
Что Богу он внимал у Его ног,
И в Нём черпал он вдохновенье.

В своих он песнях также вспоминал,
Пел гимн он христианской вере,
Как он в сочельник Господу играл,
Лежащему в яслях в пещере.

Он Библию с восторгом вспоминал
И тысяч сто сорок четыре,
И каждый гусли с пением держал,
Созвучным принесённой лире.

На озере стеклянном все стоят,
А оно как будто из огня,
И как Господь Саваоф свят, вторят.
Тот свет огня осветил меня.

В благоговенье ангел тот застыл,
Славословие поют уста
Пред алтарём, где Бога образ был,
Для младенца Господа Христа.

МЫСЛЬ-ПТИЦА

Сковано Морозом-воеводой
Суеты земное бытие,
Но в борьбе с враждебной непогодой
Выстоит сознание моё.

И пусть ветер за окном завоет,
А ему вторит спросонья пёс.
Мир пушистым пледом весь накроет,
Что соткал с узорами мороз.

Пусть озябнут пальцы и чернила
Вдруг замёрзнут, не извлечь пером,
Только мысль, родившись, не застыла,
А покинула моё чело.

Вывется из золочёной клетки,
Полетит в заоблачную даль,
Птицею среди снегов на ветке
Песней утолит мою печаль.

В ЦАРСТВЕ БЕРЕНДЕЯ

Загадок полон русский лес
И удивительных чудес.
Здесь лебедь белым бьёт крылом,
Там притаился снежный гном.
В ливреях сосны сторожат,
Как часовые царских врат,
Дом Берендея здесь стоит.
Медведь в берлоге сладко спит.
Метелям и ветрам назло
Сверкает сказки волшебство.
Под ветром хвойный лес шумит,
Лишь матушка зима не спит.

УЗОРЫ НОВОГОДНЕЙ СКАЗКИ

Узоры новогодней сказки
Покрыли окон сонм уснувших,
И мир подлунный ждёт развязки
Узлов событий дней минувших.
Когда же встречу с переменной
В прошедших дней седом тумане?
Я верю, будет непременно
Мне призрачных огней сиянье.
Покой сей ночи не нарушу,
Но согревает состраданье
Мою озябнувшую душу,
Живущим мира пожеланье.

ДРАГОЦЕННЫЙ СНЕГ

Снежки, как жемчуг, рассыпает
Бог щедрою рукой.
На землю людям посылает
Он радость, мир, покой.
Алмазами переливает
Под лунным светом снег,
А после, когда он растает,
Селенит то, оберег.
Под небесами речка вьётся
Топазом голубым,
А над водой туман несётся
Своим крылом седым.
Сверкает ярко под луною
Лёд – голубой топаз,
Сереет небо надо мною,

Людмила СИЗОВА

Людмила Владимировна Сизова живёт в деревне Старые Петушки Владимирской области. Писать стихи начала с семи лет. Училась в вечерней школе с. Новоблагодарное Предгорного района Ставропольского края. Образование высшее – биофак ДГУ (1975–1980), аспирантура Академии КХ, ныне Центр стратегических исследований (1980–1984). Работала преподавателем, доцентом. Кандидат биологических наук.

Были опубликованы два методических пособия, 20 статей, с 2003 года – стихи и статьи в казацких буклетах «Сечь», газетах «Вестник Приазовья», «Приазовская правда», «Вперёд», журналах «Трамонтан», «Литературный Генитеск», где Л. В. Сизова в 2013–2014 годах была редактором, «Литературный корабль», альманахе прозы и поэзии районного литературного объединения «Радуга», перевод в стихах шотландской поэзии XIX века в научной работе «Сравнительная типология английского языка в шотландской поэзии XIX века и русского языка в современной поэзии» в X Международном научно-практическом конкурсе «Лучшая научная статья 2017 года», произведения в литературно-историческом журнале «Александръ» и в книге «Петушинский район в годы войны. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В 2020 году стала лауреатом IV открытого смотра-конкурса художественного слова в номинации «Самодетельные поэты».

Как соколиный глаз.
А за околицей, синяя
Сапфиром, лес стоит.
Заря взойдёт ли, пламенея,
На страже он не спит.
Блестит в серебряной оправе
Пейзажа звёздный вид,
То Новый год творенье славит,
С небес на снег глядит.

Натали ДОНЧ

* * *

А жизнь должна нас научить
Любить душою и прощать,
Обиды глупые забыть
И в сердце радость поселять,
Быть провожатыми в судьбе,
Уметь прощаться и терять,
Не лгать другим, не лгать себе,
Вставать и путь свой продолжать...

* * *

Бездорожье душевное,
Куда жить, неизвестно,
Где покой, в чём спасение,
Чтобы вновь – интересно.
Направленье не найдено,
А быть может, потеряно,
Сколько солнца украдено,
Чуда дней не измерено.
Бездорожье душевное
Грустной ленью является,
Где же время весеннее?
Пусть скорей возвращается...

* * *

В стихах есть музыка особая,
Её нельзя накрыть роялем,
Она ведущая, ведомая,
Взывает к радостям, к печалям.
Она, как арка триумфальная,
Ведёт в таинственные страны,
То разноцветная, хрустальная,
То одиночества туманы.
А дым дождей, на миг стихающих,
Затянет путь, но ненадолго,
В стихах, так нежно обнимающих,
Есть музыка, есть чуда долька...

* * *

Вспомни солнце, вот и луч,
Будет свет тебе подарен,
Он и нежен, и могуч,
Он полезен и коварен.
Он согреет, и спасёт,
И прольётся вдохновеньем,
Если надо, подождёт
Там, за облаком, в волненье.
Если в жизни много туч,
Если грустно иль тревожно,
Вспомни солнце, будет луч,
С ним как в детстве, с ним надёжно.

* * *

Где вы, мечтатели –
Вестники радости,
Сказок создатели,
Верные благости,
Чуда дарители,
Лекари горестей,
Мира спасители,
Преданы скромности?
Добрые, милые,
В чём-то блаженные,
Очень ранимые,
Где вы, бесценные?

* * *

И холодное море способно согреть,
Заменить красоту ярких улиц,
Стойкость свежих ветров
в своём сердце воспеть,
Строгость туч – фиолетовых спутниц.
И холодное море способно понять
Все печали души, все сомненья,
Поделиться добром и тревогу унять,
Подарить волн солёных творенья.
И холодное море покинуть нельзя
Лишь на время, а после вернуться,
Не отпустит надолго его бирюза,
Лучший день твой там сможет проснуться...

* * *

Из хаоса гармонию явить
И музыку услышать непременно,
В разноголосом мире не забыть,
Что есть такое слово – «вдохновенно»,
И музыку явить в своих словах,
Чтоб сохранить достоинство, духовность,
Чтоб не забыть о долге, о правах,
Оберегая искренность и скромность.
Чтоб было чем утешиться и жить,
На что душа способна опереться.
Поэт, ты должен не казаться, быть,
Чтоб в этом мире каждый мог согреться.

* * *

Как уходит память, хочется понять,
То, что было свято, можно ли терять?
То, что душу грело, продлевало жизнь,
Пело,
Пело,
Пело,
Устремлялось ввысь.
Как уходит память? Ведь ещё вчера
Было всё понятно, с ночи до утра
Сердце билось ровно в такт прошедших дней,
Помним,
Помним,
Помним,
На душе светлей.
Как уходит память, дерево времён?
Корни не засохли, листья, словно сон,
Листопадом кружат над родной землёй,
Память,
Память,
Память
Быть должна живой.

* * *

На свете есть светящиеся люди,
Которые согреют, если рядом,
Тревожиться не стоит, что же будет,
Они способны успокоить взглядом.
Деревья есть, светящиеся где-то,

И фиолетовыми вечерами
Они, как чудо, добрая примета,
Вплоть до рассвета будут фонарями.
И есть ещё светящееся небо,
Что дарует гармонию и благодать,
В нём Веры свет, и нежность вешней вербы,
И тихая застенчивая радость.

* * *

Не каждому подходит осень,
Не каждому она идёт,
Пушистые улыбки сосен,
Кружение мыслей и полёт.
Кленовые ковры, дорожки,
Рябиновый печальный взгляд,
Грибов огромные лукошки
И разноцветный листопад.
Осенний дым, холодный ветер,
Предзимье, мокрые леса,
И вальс зонтов, и грусть о лете,
И пасмурные небеса.
Не каждому подходит осень,
Не каждому она идёт,
Туман Гримшоу, липы проседей
И дождь, который льёт и льёт...

ЛИПА

Почему ненастоящее
Называют словом «липа»?
Липа – дерево дарящее,
Не сомнительного типа.
И она стоит, душистая,
Ароматом окрыляет,
И душа такая чистая,
И воздушней не бывает.
Как обидно бедной липоньке,
Беззащитной и медовой,
У сердечной её скрипоники
Звук печальный и бедовый.
Не грусти ты, липа, липочка,
Береги свои цветочки,
Ведь поэт чудесной скрипочке
Посвящает свои строчки...

Стихи пишут романтики. Они фонтанируют ими, как шампанское брызгами, а потому их творения, лёгкие, неудержимые, не ценятся создателями. Тютчев, например, оставлял их на салфетках, Высоцкий – на спичечных коробках. Записал, освободился, уронил, как выдохнул, и забыл.

Другие рожают стихи в тяжких трудах, заботясь о каждом звуке. Юрий Кузнецов, например, признаётся в статье: прежде чем родились две строчки, он две недели читал тринадцать книг. Одни фонтанируют, другие препарируют. Конечно, можно и так творить. Разница лишь в том, что одни жаждут вознаграждения и славы (без этого никак), а другие, беззаботные, легкокрылые, брызжут творениями, с лёгкостью дарят идеи, сюжеты, образы друзьям. Их стихи переписывают в дневники, заучивают наизусть. Они издаются «при жизни не книжкой, но тетрадкой». Поцелованных Богом немного, гораздо больше поэтов-тружеников.

Юрий Поликарпович Кузнецов – один из них. Рождённый в кубанской станице и взлелеянный Страной Советов, он и воспел то, что его породило. И хотя Юрий Кузнецов – ровесник начала Великой Отечественной войны и, конечно, не был на фронте, цикл стихов о Сталинградской битве, о сражениях на Сапун-горе, где погиб его отец-офицер, о подвиге народа, отстоявшего свободу, – яркая живая картина летописца. Просто однажды поэт понял: Россия сражается за свободу и независимость уже больше ста лет. Он, солдат и поэт, был бы благодарен судьбе, если бы «сумел два разорванных света: тот и этот – замкнуть на себе».

О поэзии Ю. Кузнецова написано немало. При жизни было издано более двадцати сборников стихов. Он лауреат Государственной премии РСФСР в области литературы, получал премии имени С. Есенина, М. Лермонтова, Дм. Кедрина, профессор Литературного института. Отчего же критики называют его «поэтом

конца», «сумеречным ангелом русской поэзии второй половины двадцатого века»?

Читая стихи юного Кузнецова, вы физически ощущаете бедность, неприкаянность сиротства. Его родные «жёлтые станицы по буграм расселись...»

*Двор наш пустынный и голый.
Дом наш сутулый и блёклый.
Зябко стучатся жердёлы
Серыми ветками в стёкла.*

Посреди этой скуки и грусти «стынет лужа с забытым шестом». Лирический герой приземлён и меркантилен. Даже на грозу в степи он смотрит из окна и слышит: «тучи трещат, как арбузы», «в глубоком кювете грызутся ручьи», «капли с куриным упорством клюют в прорехе дубовое днище». В стихотворении «Гнула ветка...» пишет парень вроде бы о любви, но как! «Ты губами своими, как чаем, через ветер меня обожгла».

Слава приходит с созданием стиха «Атомная сказка». Стих – загадка. О нём много говорили, спорили. Действительно, произведение поражает.

Появляются более радостные мотивы в лирике. Тоска сменяется удивительным ощущением радости видеть солнце и неожиданно в траве найти «молочный, свежеснесённый, в пуху ещё, шар земной».

Деревенская тема ненадолго сменяется военной, и поэт опять заскучал: «Жизнь прошла, а до нас не дошла. А быть может, она только снится». Его хандра, конечно же, в стихах. «Не выходят стихи!» – кричит он. Поэт не видит путей развития. Годы застоя. Нет поэтов, нет поэзии, и сами они «растеряли все начала», «оборвали все концы» и «не приходим ни к чему». Что это? Узость мышления? Осознание своей бесталанности или разочарование в идеалах? Но ведь обобщение звучит для всей русской поэзии. В статье «О державности поэтического мышления» Кузнецов пишет: «Стихотворец подменил поэта... Алмаз всё-таки не стекло, хотя то и это блестит. Но нынче стихотворец в силе. Он полностью забил поэта».

Это написано в 1981 году. Именно тогда тема родины становится главной в его творчестве, а он – летописцем эпохи. Стихи приобретают трагический характер.

Осмысливая события девяностых годов, Ю. Кузнецов пытается понять происходящее, ищет ответ, почему «на белом свете всё перевернулось. Русия от Бога отвернулась, в синем небе над родной державой вместо солнца всходит нож кровавый». Поэта охватывает страх. Растерянность, боль, горечь звучат в строках «Я родину по памяти зову, но родина меня не слышит». В «Сербской песне» Кузнецов с болью восклицает, «как случилось, как же так случилось?! Наше солнце в море завалилось?»

Распад страны – шоковое состояние многомиллионной, многонациональной огромной страны, и поэт кричит в растерянности:

*Кто-то предал, ад и пламень лютый!
В спину солнца нож воткнул погнутый.
Кто нас предал, жги его лют пламень.
Знает только Бог и Чёрный камень.*

Большое видится на расстоянии. Поэт обращается к творчеству народа, к сказочным образам, символам, пытается там найти ответ, но не находит. Обращается к классике. «Мелькнул в толпе Блок, что Русь назвал женой. И лучше выдумать не мог в раздумье над страной», а там Пушкин на пиру у Гомера, Софокла и Данте «отхлебнул глоток, но больше расплескал». А сам поэт? Он пил в глубокой тишине за старых мастеров, в надежде создать когда-нибудь что-нибудь подобное.

Он видит, как народ в одночасье проснулся нищим, «высокое пало в грязь, а низкое и грязное вылезло наверх и заявило о своих правах», как «трясёт державу гнев небес, и слышен плач и вой». Поэт возмущён тем, как легко «принял ложные святыни рассеянный и гордый человек» и не понимает, что «третья мировая началась до первой мировой».

Если не знаешь, что ждёт впереди, оглянись назад. Оказывается, всё это уже было, всё повторяется. Распад империи продолжается.

В ноябре 1917 года М. Волошин пишет:

*С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И Родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.*

Безудержную мощь народного гнева не смог постичь ни один поэт. Но если Н. Гоголь любовался Русью-тройкой, гордился, что другие народы сторонятся и дают ей дорогу, то Русь Блока, степная кобылица, летит и мнёт ковыль «сквозь кровь и пыль». Блоку страшно: куда летит? «Из сердца кровь струится», «закат в крови», но её ничто не остановит. И поэт восклицает: «до боли нам ясен долгий путь», «покой нам только снится!»

Они свидетели великого распада, крушения царства.

Это был первый страшный удар по Российской империи. Она оправилась, воспряла вновь, но не искупила «смирненно и глубоко Иудин грех до Страшного Суда!»

Кто слушает поэта в это тяжкое время? Не прошло и восьмидесяти лет, как Россия стонет вновь. Опять удар! Второй, оглушительный, смертельный, без войны, без выстрелов. Но сколько крови! Сколько жертв и бед! Сирот в детских домах больше, чем в Отечественную войну. Нет больше Страны Советов. Лирический герой бредёт с поминок. Распался великий Советский Союз, союз республик. Его родина исчезла.

*Он возвращался с собственных поминок
В туман и снег, без шапки и пальто,
И бормотал:*

*– Повсюду глум и рынок,
Я проиграл со смертью поединок,
Да, я ничто, но русское ничто.
Глухие услышали человека,
Слепые увидели человека,
Бредущего без шапки и пальто;
Немые закричали:*

– Эй, калека!

А что такое русское ничто?

Каждый вдруг вспомнил, кто он. Адыг и туwineц, башкир и мордовец, осетин и нанаец – все решили строить свои государства. Без русских. Лирический герой Кузнецова с болью кричит: «Я ухожу. С моим исчезновением мир рухнет в ад и станет привиденьем». Прав поэт? Предугадал беды вновь образовавшихся государств?! Люди забыли, что все они давно уже русские. Все народы, живущие тысячелетие бок о бок, давно уже стали единым народом. Все мы русские.

Герой не борется, не бунтует. А с кем воевать? Вокруг все с радостью приняли чужую идеологию. Ведь врагов нет! Всем надоело сидеть в осаждённой крепости, за железным занавесом. Распахнулись настежь слепые, глухие, немые. Кто они? Не мы ли?

*Глухие человека не слышали,
Слепые человека не видали,
Немые человека замолчали,
Зато все остальные закричали:*

– Так что ж ты медлишь, русское ничто?

Возможна ли сейчас диванная поэзия? Наверное, да. Но поэтом вне политики быть невозможно. Юрий Поликарпович Кузнецов в последние годы жизни переводил на современный русский язык проповедь митрополита Иллариона князю Владимиру и его сыну Ярославу. Она звучала в 1038 году и называлась «Слово о Законе и Благодати». Мысль о любви к своей земле, традициям своего народа, о единстве народов звучала за 150 лет до написания «Слова о полку Игореве»! Не устарели эти заповеди и сейчас.

Современная поэзия перекочевала в интернет. Море стихов! Печатайся кто хочет! Исчез естественный отбор, исчезло уютное, тихое раздумье, когда над стихом можно было размышлять, как над романом. А хотелось бы полистать, почитать, лёжа на диване, совершенные строчки, чтоб «глаголом жгли», как повелось в русской литературе. Ведь Иудин грех так и не искуплен.

Эльвира САПФИРОВА

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В ОМСКЕ

**В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ ИМЕНИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹**

- 1 -

Здесь тишина совсем иная.
Здесь каждым шагом дорожу.
И, руку к сердцу прижимая,
Сюда с волнением вхожу.
Вот на свидетельства страданий
Евангельский ложится свет.
Смотрю,
 во что в дни испытаний
Обут был гений и одет.
Хранитель чистых устремлений
В потёмках каторжного дна
Воспринял Светлое Ученье
И непосильный труд сполна.

¹ Дом, где расположен музей, представляет собой памятник истории, построенный в 1799 году. Это дом коменданта Омской крепости. Здесь бывал писатель.

Молчаньем долгим измождённый...
А я ходатаем стою.
Здесь дух царит непобеждённый –
Черты России узнаю.
Прошу опоры и защиты,
Прозренья час не тороплю,
И всё, что в будущем сокрыто,
С моей Россией разделю.

- 2 -

Евангелие, бережно хранимое
Под спудом арестантского тряпья,
Открыло истины, необходимые,
Чтоб сострадать,
 страдания терпя.
Так было волей свыше продиктовано:
Где жизнь держалась лишь на волоске,
Воспринял гений,
 в кандалы закованный,
Свечу любви на лютном сквозняке...

Несём свечу дорогами тернистыми.
Сгущает тучи мировое зло.
Святыни христианские освистаны,
А пламя бездны многих обожгло.
Гори, гори, свеча неугасимая,
Для всех, кому тревожно, тяжело.
Над бедами, заботами Руси моей
Архангела незримое крыло.

В ХРАМЕ

Себя ощутив на мгновенье
Разбойниками на кресте,
У Господа, пав на колени,
Просили прощения те,
Кому от преступных видений
Не скрыться в стенах крепостей,
Чьи души, казалось, истлели,
Погрязшие в нечистоте.
Смотрел потрясённый раб божий
Феодор и слёз не скрывал.
– У Бога ведь всё возможно! –
Он радостно осознавал.
С ним рядом
 молился Рогожин,
Раскольников к Богу взывал.

ГОРОДУ ОМСКУ

Можешь быть хмурым,
Серым, дождливым,
Строгим по-зимнему и торопливым.
Всё-таки есть где сердцу укрыться –
В храмах твоих о родных помолиться.
Есть у тебя призванье такое –
Связывать судьбы единой судьбою.
Словно от скорби земной независим,
Вновь приглашаешь нас в дали и выси.
В горку, всё выше, через ворота –
Нам открываются два поворота.
Выберем правый – путь с Достоевским
От Партизанской – в храм Божий
 Успенский.
Выберем левый – выйдем на берег.
Встретит иртышский ветер-соперник.
Здесь укреплялось мировоззренье,

**Валентина
ОСТАНИНА**

Член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Оклик», «Веточка вербы», «Черты России узнаю», «Слушай друг друга» и др. Лауреат нескольких литературных премий. Член Петровской академии наук и искусств. Живёт в посёлке Таврическое Омской области.

Символом веры пришло озаренье...¹
Ты скоростями века пронизан,
Ревностно служишь глубинкой Отчизне.
Можешь быть хмурым,
Серым, дождливым,
Необходимым и неповторимым.

¹ Символ веры Ф. М. Достоевского: «Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивой любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

НАШ ТЫЛ

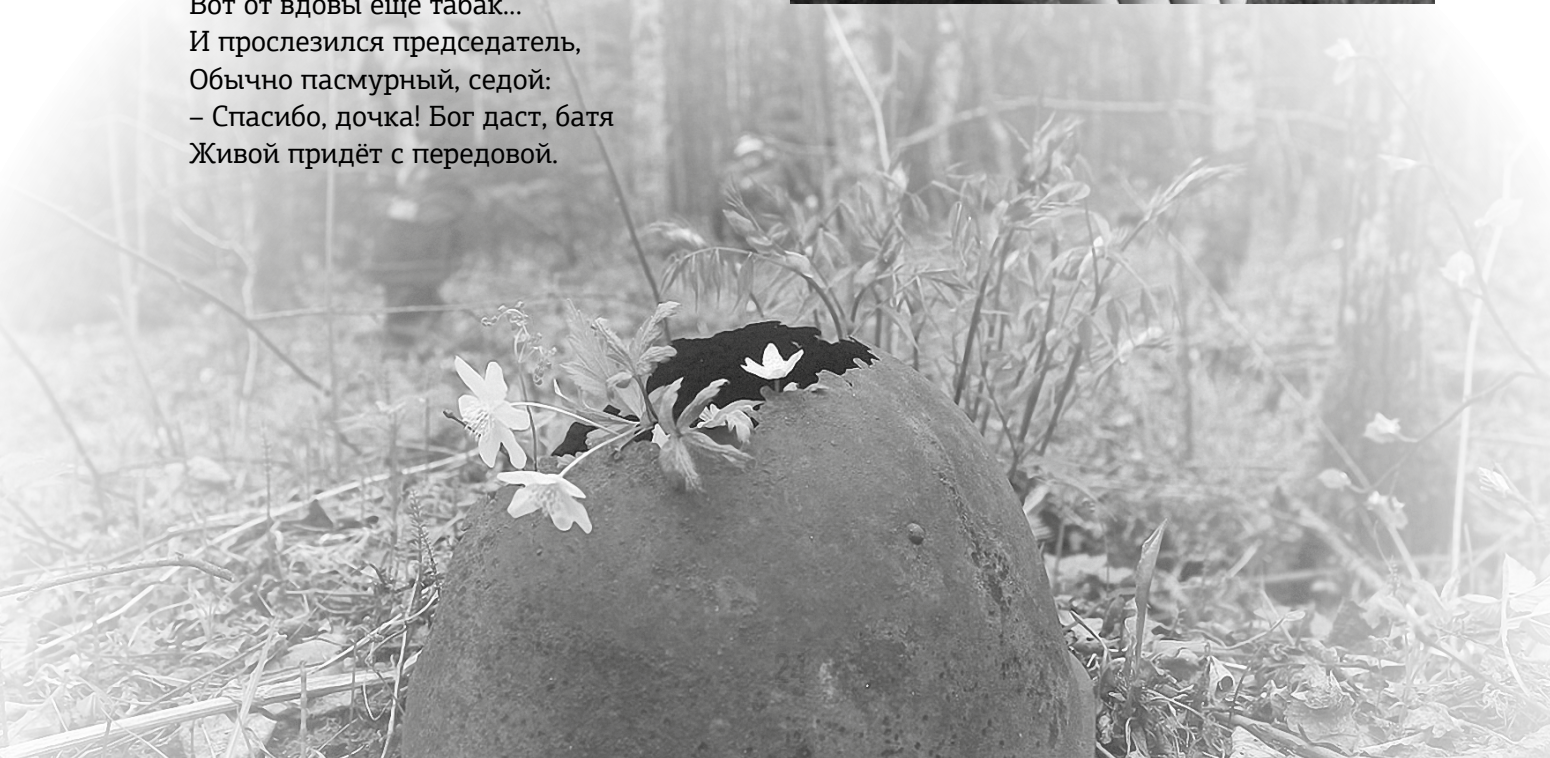
Памяти Марии Михайловны Мякишевой

Знакомство наше и соседство
Благословляю с давних пор
За их врачующее средство –
Неторопливый разговор.
Встаёт бывшее год за годом...
Как хорошо быть молодым!
В беде и в радости с народом
И знать, что ты необходим.
Ещё вчера ты в класс входила
Комсоргом, светлой головой...
Война! Чудовищная сила
Рвёт нашу землю под Москвой.
Ушли на запад эшелоны.
Час испытания настал.
Остались матери и жёны
Да те, кто были стар и мал.
А ты теперь учитель в школе,
Ты – старшая в родной семье.
На заготовку дров и в поле –
Везде успеи и всё сумеи.
С рассветом тусклым от калитки
Из дома в дом под ветра вой,
Ты с миру собрала по нитке
Посылку для передовой.
Делились люди чем богаты,
Никто не натравлял собак.
Вот валенки от пимоката,
Вот от вдовы ещё табак...
И прослезился председатель,
Обычно пасмурный, седой:
– Спасибо, дочка! Бог даст, батя
Живой придёт с передовой.

МИР НАД БЕЗДНОЙ...

*Памяти героев,
павших в битве за Москву*

Мир над бездной повис в колыбели.
Всё опасней раскачки волна.
Не скрывая глобальные цели,
Ложью потчует мир сатана.
Кормит с ложечки денно и ночью,
Чтоб враждебный огонь не угас.
А в России, в берёзовой роще,
В поисковом отряде сейчас,
Поднимая героя останки,
Проржавевший нашли медальон.
С ним герой останавливал танки,
Гул войны останавливал он.
В медальоне хранилась молитва,
Упованье на помощь Христа.
Сколько было высот с ней отбито –
Знают точно одни небеса.

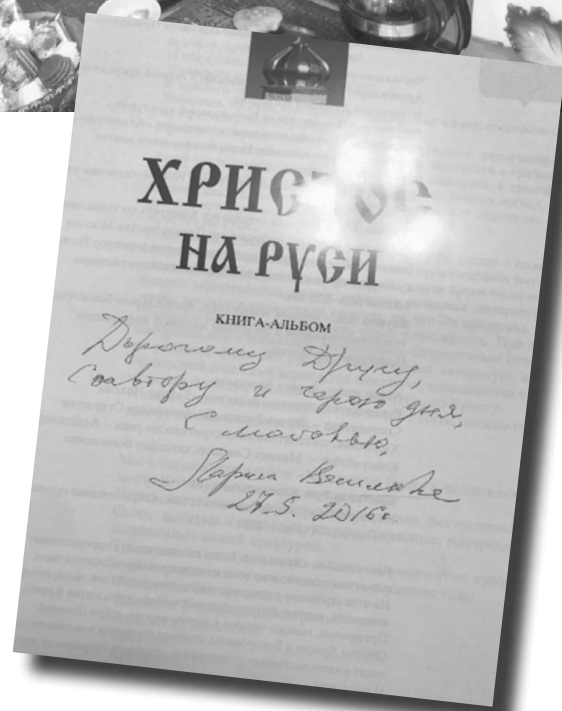
ДУША МОСКВЫ

МОСКВОЧУВСТВОВАНИЕ ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Лариса Николаевна Васильева родилась в Харькове. Её первая встреча с Москвой состоялась 7 сентября 1947 года – в день празднования 800-летия белокаменной столицы. Ларисе Николаевне тогда ещё не было и 12 лет, но в её памяти навсегда запечатлелось, как в тот день она будто шагнула в шумное торжество, в настоящий праздник. Улицы, пестрящие народом, лучи прожекторов, портреты товарища Сталина в ярких огнях иллюминации – почти мгновенно Москва стала источником вдохновения, воплотила в себе «музу и натурщицу» для поэтической индивидуальности Ларисы Николаевны, чьи стихи с лёгкостью весеннего ветерка увлекают за собой воображение каждого, кто их слышит.

Постепенно к девочке, публиковавшейся в «Пионерской правде», приходило осознание того, что Москва позирует многим, её живописуют художники, ей посвящают стихи, о ней пишут романы. А Москва величаво поворачивается к своим любимым авторам то одной своей стороной, то другой: позволяет увидеть в себе чудо и не обижается, если кому-то доведётся вдруг обнаружить в её облике чудовище. Она щедро дарит творцам героев и героинь, заслоняет собой в трудный час, дарит сокровенные смыслы, открывает волнующие тайны.

В 1958 году Лариса Николаевна окончила филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Главным педагогом для неё был Николай Иванович Либан, преподаватель без степени и званий, не считающий нужным растрачивать себя на написание банальных диссертаций. Его Лариса Николаевна не раз приводила в пример, подтрунивая надо мной, называя «собирателем корочек». Он и подал своей молодой слушательнице плодотворную мысль о том, что Москва готова всё отдать и взять всё, что дают. Любое усилие при этом она равнодушно перемелет,

перемолотит, своим сделает, язык обогатит, оросит аканьем и т. д.

Мне близко изречение «У каждого свой Тамбов», Ларисе Васильевой же, несомненно, – «У каждого своя Москва». Она чутко понимала, что каждый город наделён особой душой, сложной и многогранной, как душа человека. Для Ларисы Николаевны Москва была и боярыней, и стрелецкой жёнкой, купчихой и девушкой в

красной косынке, городом мастеров и крепостью защитников, перекрёстком встреч и развилкой разлук, огромным семейным домом и одинокой песней в окне.

Поэтический голос Ларисы Васильевой вырывается из «насквозь прожаренной квартиры» на просторы многовековой памяти, и она даёт нам увидеть Москву во всём многообразии её ликов: Москва – это холмы и низины, это излучины и стрелы реки, это зелёные дымки весенних парков и чёрные дымы заводских труб, это долгая зима и короткое лето, в блеске её куполов таятся теплота и гостеприимство, а шпили её высотных зданий грозят решительностью и настороженностью.

Обладая метким словом и острым умом, Лариса Николаевна подмечала, что Москва – это ещё и кольца: Кремль, Бульварное, Садовое, Третье транспортное, Окружная дорога обхватили, окольцевали Москву, словно боясь растерять город.

Лариса Николаевна видела Москву разной, но этот город представлялся ей в первую очередь живым, наделённым сложным характером, одновременно тихим и буйным, мудрым и безрассудным, скромным и хвастливым, отважным и осторожным. Как живой организм, стольный город Москва был, есть и будет средоточием всего происходящего в России, в других её городах и деревнях. Карамзин справедливо писал: «Кто был в Москве, тот знает Россию». Словам русского писателя вторит сентенция Ларисы Николаевны: «Как любой город и деревня России есть Москвы стозвонное эхо».

Есть у Москвы любимчики, но с них и спрос особый, к ним особый счёт. И не раз, признаваясь Москве в любви, Лариса Николаевна, будучи сама в любимчиках у Москвы, замечала, что время уносит князей, царей, вождей, но остаётся Москва со своим постоянно меняющимся обликом. Она жива любовью, сильна ею, и пока это чувство не иссякло – Москва непобедима в битве с врагами. Во все времена её оберегают святыни, сами нуждающиеся в бережном отношении: эта взаимная любовь даёт Москве силу выстоять в любой

смуте. Выстоять помогла и сама Лариса Николаевна. В 2001 году её усилиями был создан музейно-мемориальный комплекс «История танка Т-34», который и по сей день остаётся единственным в мире военно-историческим музеем, посвящённым легендарной боевой машине XX века.

XX век – грозное время в истории России, эпоха сложных потрясений, которые, прежде всего, коснулись столицы нашей страны. Первая русская революция, Первая мировая война, крушение Великой Российской империи, Гражданская война, страшные годы Великой Отечественной войны... Среди морских терминов встречается понятие «девятый вал» – самая высокая и беспощадная волна. Лариса Николаевна, говоря о своём времени, использовала метафору «двадцатый вал», отождествив кровавый век, с которым оказались связаны её жизнь и творческая судьба, со смертоносной силой морской стихии.

Три земных времени – прошлое, настоящее, будущее России – встречаются на московских холмах, разлучаются, чтобы встретиться вновь, проникают одно в другое, противостоят друг другу и воплощаются в каждой судьбе, в каждом характере, в обликах улиц, переулков, домов, в полной мере любви, в которой сливается всё: и счастье, и горе, и взлёт, и падение, и память, и беспамятство, и свет, и тень.

Проницательный взгляд Ларисы Николаевны ясно различал в обыденном – возвышенное, в мгновенном – вечное, в малом – великое. В то же время она остро ощущала, что душа – это белый голубь, гнездящийся в каждом, кто бы он ни был, чем бы ни занимался, где бы ни жил.

Любовь к Москве Ларисы Васильевой – до конца не познанная любовь поэта, которой нет ничего проще, но и нет её сложнее. Это целая жизнь. «А над всей этой неохватной жизнью, где, как ни желай, нельзя объять необъятное, царит вечное московское время, в нём сплетено всё, что было, что есть, что будет и даже то, чего не может быть».

Анатолий ТРУБА

Никас Сафронов. Весна. Предчувствие лета. 50х40, х. м.

Никас Сафронов. Семейная идиллия или Подружки, х. м. 60х90, 2018

Никас Сафронов. Весна Леонардо. Холст, наклеенный на картон, масло. 50х40, 2017

Никас Сафронов. Анфиса Чехова.
Из серии «Река времени». 50х40, 2019

S. NIKAS

НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ

Над городищем веет аромат
Из запахов веков и трав медовых.
И время катится клубком назад,
Туда, где плакали, прощаясь, вдовы,

Где были войны, свадьбы и пиры,
Где в храме у огня Скилур молился
И от богов за щедрые дары
Свет мудрости на плечи тихо лился.

Там хлеб пекли, любили жён, детей
И силой мерились в бою кулачном
На площади в присутствии вождей...

И будто сквозь столетия привет
В рассветной радости, в закатном плаче –
Неаполь Скифский, давней жизни след.

БАХЧИСАРАЙ

Мелкой точкой южный рай
Нанесён на синий глобус.
Отправляется автобус
В городок Бахчисарай.
В сказку еду с ветерком
Живописными местами –
Околдована холстами
Из лаванды за окном.
Вот он, древний городок,
С колоритом улиц – узких,
Чуть пропахших сном и грустью;
Вот и крошечный мосток,
Башни ханского дворца
(Словно миф Шахерезады!),
Ароматы роз из сада
С пряной нотой чабреца.
Затаились времена
На ветвях каштанов зрелых,
Даже щебет здесь – несмелый,
Всем владеет тишина.
В синем небе облака
Лебединой белой стаей
Всё летят над крымским раем,
Как и в прежние века.

Елена ОСМИНКИНА

Республика Крым, г. Симферополь

Окончила филологический факультет Крымского государственного университета. Член Союза писателей России. Заслуженный деятель искусств Республики Крым. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Гумилёва (Москва) и Пушкинской премии (Крым), международных литературных конкурсов имени И. Крылова (Петербург), имени А. Куприна (Крым). Награждена Знаком отличия и Почётной грамотой Президиума ГС Крыма (2017), почётной грамотой Правления Союза писателей России (Москва, 2018). Член редакционного совета издания «Литературная Феодосия». Автор девяти поэтических книг. Более 400 публикаций в республиканских, московских, минских и региональных изданиях РФ. Среди них – «Сибирь», «Подъём», «Дон новый», «Александръ», «День литературы», «Литературная газета», «Слово», «Новый Енисейский литератор», «Невский альманах», «Гостиный дворъ», «Метаморфозы», «Брега Тавриды», «Крым», «Литературная Феодосия», «Евпаторийский альманах», «Воскресение» и другие. Проживает в Симферополе.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

* * *

Своя у Севастополя душа:
Мятежная и нежная, как скрипка;
Открыта всем готовым не спеша
Идти навстречу солнечным улыбкам.
Гуляю в сквере – рядом, напрямик,
Белеющий собор Петра и Павла,
Где в Крымскую дарил всем Божий лик
Надежду на победные литагры.
Сражался город, был неустрашим,
И бронзовый орёл с венком лавровым
Напоминает ныне нам, живым,
О корабельной участи суровой¹
Здесь был Нахимов... Шмидт... ноябрьский бой
В ожесточённом, гулком сорок первом:
Набухло тучей небо, бил прибой,
И гребни ярых волн как саван верный...
У города своя судьба: слились
Дорогой общей жизненные тропы;
Слагаются страницы, каждый лист
В одну живую книгу — Севастополь.

На планете Крым живу и рада
Завязям рассветов золотых
И летящим струям водопада,
Эдельвейсам горной высоты.

Вновь над бухтой вызвездились крошки,
Заливает серебром луна
Волны присмирившие, дорожку,
Силуэт могучий валуна.

Аю-Даг зарылся носом в море,
Хоть ещё столетия пройдут,
В этом бризом пахнущем просторе
Я с орбиты крымской не сойду!

И совсем не нужно быть мессией,
Чтоб считать и близким, и родным:
Под лучами солнечной России
Греется моя планета Крым.

* * *

РЯБИНОВЫЕ БУСЫ

*Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылём.
С. Есенин*

В молитвословии ковыль
Склонился к землям Тарханкута,
Где настоящее и было
Веков ушедших просто спутать:

Всё та же бездна синевы
Над хрупкой далью горизонта,
Ветрами будто бы волхвы
Раздули жар палящий солнца.

И шёпот ковылей седых
Звучит как вечная молитва,
В картинах строгих и простых –
Иконописная Таврида.

Рябиновые бусы
На листьях кружевных
Как символ тайны русской
Души и старины.
В сиреневых закатах,
В туманах берегов
Неистово и свято
Молились на Покров.
Славянские истоки –
В ромашковых полях,
В озёрах круглооких,
В берёзовых кудрях.
И словно эхо предков
Рябиновая гроздь.
Всё – сладко, горько, терпко –
В судьбе переплелось.

¹ Орёл венчает колонну памятника русским кораблям, затопленным при защите города в 1854–1855 годах.

* * *

ЛЕТНИЙ САД

Радость, печали и плавность у линий
В чутких картинах российской природы.
В розовой нежности тают восходы,
Виснут рубинами кисти калины.

Шумной нарядности, знойности красок
Не отыскать, но в гармонии цвета –
Скромных цветов полевые букеты,
Стройных берёз хороводная ласка.

В строгом изяществе светлые тени,
Синь колокольная, травная россыпь.
Счастье – и грусть одинокая после,
Звёзд проступивших ночное моление.

Вольный размах и скорбящие дали,
Дух созерцанья, разлитый повсюду,
Видятся тихою мудростью, чудом,
Тайны которого не разгадали.

БЕРЁЗЫ

Окунулась в царство штапеля,
Где берёзы тихо в лад
В сарафанах с чёрной крапиной
О России говорят.

То с грустинками, то весело
Шепчут вечером и днём,
Вторю я припевам песенным
На певучем, на родном.

Я стволы шероховатые
Трону, вспомнив дедов дом.
Будто в чём-то виноватая,
Капля падает в ладонь.

Летний дождь, узоры капелек
Обронив опять, на бис,
На берёзах в белом штапеле
Задержался и повис.

Литьё ажурное ворот –
Я в Летний сад иду неспешно,
Чтоб вновь мирок заветный здешний
Дал ощутить души полёт.
Брожу среди скульптур живых,
Что лишь на миг остолбенели
От птичьей голосистой трели
И острых запахов травы.
Наверное, под шум листвы
Сам Пушкин рифму ждал от музыки,
А нынче парочка из вуза
Сидит, хмелея от любви.
И сеет солнце благодать,
И, выгнув шею, лебедь белый,
Взмахнув крылом слегка, несмело,
Разбил воды зеркальной гладь.
И зреют новые стихи,
Торопятся нахлынуть строчки,
Без запятых и нужных точек,
И своенравны, и легки...

ОЖИДАНИЕ

Багровой печалью закат полыхает,
И сумерки пряжу ночную сполна
Прядут. В эти тёмные нити вплетает
Серебряный луч молодая луна.

А через окно в даль речную тревожно
И грустно глядит постаревшая мать.
В ней зреет надежда, что завтра, возможно,
Приедет к ней дочь, как когда-то, опять.

И скрипнет калитка с утра, спозаранку,
И горло прочистит дремавший петух,
И в запахах мёда и свежей буханки
Раздастся дочерний размашистый стук.

Неспешную ночь в полусне коротая,
Чуть слышно вздохнула озябшая мать.
И Дева Мария, вовек Пресвятая,
С иконы глядит над мерцаньем лампад.

Жанна ТАШМА

ВЕРЮ, НАДЕЮСЬ, ЛЮБЛЮ!

«Верю, надеюсь, люблю!» –
Три этих слова прекрасных
Я много раз повторю,
Чтобы прожить не напрасно!

«Верю, надеюсь, люблю...»
Как бы судьба ни сложилась,
Мне они силы дают,
Что бы со мной ни случилось.

«Верю, надеюсь, люблю» –
В жизни могу отступаться,
Но, как волшебная нить,
Слово поможет подняться!

«Верю, надеюсь, люблю» –
Три этих мудрых слова
К людям меня приведут,
Чтоб улыбнуться им снова...

«Верю, надеюсь, люблю» –
Радость в глазах засияет,
И, как чудесный ковёр,
Красками жизнь заиграет!

КЛЯЗЬМА

Клязьма – это чудное место под Москвой!
Родничок целительный напоит водой!
Речка золотистая, тишина, покой
И друзей приветливый домик голубой!

Мы сидим под яблоней, стол большой накрыт!
И котёнок рыженький рядышком лежит!
Солнышко закатное, лёгкий ветерок...
Я бегу к друзьям моим от своих тревог...

МАМИН ГОЛОС

Мамин голос звонкий, яркий...
Я всегда о нём тоскую.
Мамин голос был подарком,
До сих пор его люблю я.

Мамин голос, тёплый, мягкий,
Словно слышу, засыпая.
Мамин голос напевал мне:
«Спи, как в детстве, дорогая».

Мамин голос, ясный, сильный,
Звал и вёл меня куда-то.
Он дарил мне праздник жизни,
Светом, красками богатый.

Он привёл меня на сцену,
Где я пела, танцевала
И где мама на рояле
Свой любимый вальс играла...

Мамин голос, мамин голос...
Символ нежности, заботы...
Для меня он – голос детства,
Он как радостные ноты!

И пока жива я буду,
Будет он всегда со мною.
И со мною будет мама
Путеводною звездой!

Елена Татаринцева

ИСПИТЬ ВОДЫ

Испить воды, обнять коня,
Но неизбывна эта жажда.
Она, к земле родной клоня,
Над нею вознесёт однажды...
В тот странный и неспешный миг
Всех дум впитаю колыханье...
Твой запоздалый ученик
Изведаль тайну пониманья...
Приземлится, подняться, и быть,
И нести на себе мирозданье...
Лишь Тебя мне теперь не испить,
Не овечься ветром дыханья.

ПОСЛЕДНЯЯ МОРСКАЯ

КАТАСТРОФА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1991 год. В среду, 18 декабря, чудовищной силы волна-убийца у берегов Шотландии атаковала керченский рыболовный морозильный траулер «Картли», погибли четыре члена экипажа, были ранены. Погибло судно. А через восемь дней не стало и Советского Союза.

Гибель керченского «тропика» «Картли» с бортовым номером ФБ-7083 стала последней катастрофой морского флота СССР.

Книга Игоря Ракитина «Дневник капитана Гармашова. Повести, рассказы и страницы памяти» знакомит читателя с событиями того страшного рейса. И даже продолжает историю траулера до наших дней.

Судно осталось брошенным на месте гибели – у шотландского острова Гиа. В 2016 году его торчащие из воды корму и мачты увидели, огибая остров на байдарке воскресным днём, наши соотечественники Андрей и Аня Мячиковы – преподаватели университета в Глазго. Поинтересовавшись у местных жителей, что это за судно, они были поражены их ответом: это советский корабль.

Жители острова отвели Андрея и Анну в дом, где показали стенд, установленный их руками

в память о пострадавших советских моряках. На нём фотографии лежащего на левом борту «Картли» и описание произошедшей трагедии, что ещё больше потрясло наших земляков: «Жители острова помнят об этой трагедии! А мы?.. Не пришло ли время установить памятную доску на месте, с которого ещё виднеются мачты "Картли"? И не пора ли сказать спасибо английским спасателям, рисковавшим своими жизнями ради спасения наших моряков и оказавшим материальную поддержку семьям погибших?»

А сказать спасибо есть за что. Уже через полтора часа после крушения пришла помощь: над «Картли» завис вертолёт, с него на корабль стал спускаться спасатель, но порывы шквального ветра бросали его и вертолёт из стороны в сторону. Улучив момент, спасатель отстегнулся от троса и совершил рискованный прыжок с большой высоты на бак судна. Наши моряки поверили в спасение. Началась эвакуация, сначала раненых и женщин. Тяжелораненый капитан Владимир Иванович Гайдук в числе первых покинуть судно отказался.

Погода бесновалась, пробоина набирала воду, продолжалась борьба за живучесть судна. Сбоку «Картли» прикрывал и рассеивал мрак ночи всеми своими источниками света нефтеналивной танкер «Друпа», он первым обнаружил наше судно локатором, поспешил на помощь и связался с берегом. У «Картли» рубка была разрушена волновым ударом страшной силы, звать на помощь нечем.

В считанные минуты поднялись по тревоге береговые службы и Королевские военно-морские силы Великобритании: вертолёты, спасательные суда и катера, самолёт «Нимро-51» координировал их действия, нужно было в бурлящем море найти плоты и людей. Взлетая до небес на 12-метровых волнах, спасательный катер с острова Айлей искал пропавшую в пучине Нину Трошину. С огромным риском для экипажей вертолётов и самих моряков продолжалась эвакуация с борта судна.

Все живые члены экипажа были доставлены в госпитали Шотландии и Ирландии. Уже 19 декабря к советским морякам началось настоящее паломничество: из разных городов и местечек Великобритании к пострадавшим ехали машинами и автобусами, причём полиция выделяла «зелёные» полосы на автобанах и дорогах городов. Ехали представители общественных и религиозных организаций, члены правительства, сотрудники посольства и дипломаты, военнослужащие, учителя, школьники и студенты. У дверей госпиталя дневали и ночевали репортёры, писатели, сотрудники радио и телевидения. Всех волновало состояние спасённых, они были для всех героями, как и спасатели. Но через два дня советские чиновники начали спешно организовывать отправку экипажа на родину, что на фоне пережитого

стресса привело ещё к дополнительной потере члена экипажа уже на пороге своего дома.

А тем временем английские спасатели продолжали детальный осмотр помещений судна и с ужасом и возмущением обнаружили, что не все живые были сняты с борта той страшной ночью. Среди хлама прятались два судовых кота. Спасатели пытались их отловить, но коты не дались, спрятавшись в только им известных «шхерах» корабля.

Нашим советским чиновникам, наверное, очень странной показалась бы озабоченность англичан, которую они высказали в своём донесении: «При обследовании жилых помещений мы видели двух котов, но, к сожалению, поймать их не удалось ни нам, ни спасателям. Мы обсудили с джентльменами ситуацию с двумя котами, находящимися на судне, и решили, что шотландское общество защиты животных попытается изловить их и доставить на берег» (цитата).

2016 год. Андрей Мячиков и Игорь Ракитин взялись за работу, чтобы изготовить памятную доску и издать Книгу памяти керченских моряков-рыбаков, не вернувшихся из промысловых рейсов. Игорю для осуществления задуманного требовались средства, он стал обращаться в различные организации, но получал один ответ: бюджетом не предусмотрено. Пришлось просить помощи у обычных людей. Необходимую сумму собрали, табличку из нержавеющей стали сделали в Москве, книгу издали в 2020 году, до этого была осуществлена публикация в мемориальной книге «Рыбацкая слава Керчи».

Когда Игорь прибыл на остров Гиа, был поражён тем, что увидел: там полным ходом шла подготовка к установке полноценного памятника. Место было выбрано на высоте, с которой видно судно. Территория оказалась в частном владении. По закону охрану и уход за памятником должны осуществлять хозяева. И они дали на это согласие!

Местные умельцы привезли камень, облицевали памятник, вмонтировали в него компас, снятый с «Картли». На открытие памятника были разосланы приглашения спасателям, службам береговой охраны, консульству России, высоким чинам из палаты лордов. Гостей ожидалось множество, а мест для их размещения совсем мало.

На острове в 14 кв. км жителей всего 160 человек, однако они дали согласие принять гостей в своих домах.

Все СМИ Шотландии постоянно освещали процесс подготовки к мероприятию: телевидение, пресса, информационный отдел Би-би-си.

На открытии мемориала было очень много народа, об уровне мероприятия можно судить по участникам: прибыл представитель королевы Великобритании лорд-лейтенант Патрик Стюарт, Генеральный консул России в Шотландии А. А. Прицепов, вице-консул А. Ильинская, спасатели Королевского флота, Королевских ВВС, представители общественности, местного совета, школьники, все жители острова. Из России был только Игорь Ракитин и телекомпания НТВ, Анна и Андрей Мячиковы – граждане Великобритании.

В 11:00 зазвонил колокол местной католической церкви, началась поминальная литургия. После в холле отеля Игорь Яковлевич обратился со словами благодарности к спасателям и жителям острова от имени жителей Керчи. И вручил всем присутствовавшим спасателям ордена, которые по своим эскизам заказал на геральдическом заводе в Санкт-Петербурге! Оставшиеся награды с именными орденскими удостоверениями переданы в комитет ветеранов для розыска остальных участников спасательной операции.

Во время открытия мемориала Андрей обратил внимание: «Смотри! Над памятником пролетели четыре птицы!»

В Керчи в это время во всех храмах служили организованные Павлом Борисовичем Муравленко поминальные молебны и панихиды по погибшим морякам...

Несколько слов об авторе книги

Игорь Яковлевич Ракитин – старший научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, кандидат технических наук. Участник множества научных рейсов. В составе инженерно-технической группы подводных аппаратов «Мир» участвовал в экспедиции канадского кинорежиссёра (фильмы «Терминатор», «Чужие», «Аватар») Джеймса Кэмерона к затонувшему «Титанику» перед созданием эпического фильма «Титаник».

И. Я. Ракитин (справа) с Дж. Кэмероном
в экспедиции к «Титанику»

До Москвы Игорь Яковлевич Ракитин долгое время работал в Керчи на судах управления «Югрыбпромразведка», участвовал в промысловых и совместных с ЮгНИРО научно-исследовательских рейсах в Атлантическом, Индийском и Южном океанах. Сейчас, кроме основной работы, ведёт активную просветительскую деятельность.

Чтобы написать эту книгу, Игорю Ракитину пришлось провести настоящее расследование, ведь дело хранилось в транспортной прокуратуре и было окутано ореолом секретности. РТМ «Картли» был судьбоносным для Игоря, он ещё юношей познакомился в Кривом Роге с матросом этого судна, заслушиваясь его рассказами о дальних странствиях, о заморских городах, экзотических островах, что и определило его жизненный путь. Ракитин не мог допустить, чтобы «Картли» ушёл в небытие. Так родилась эта мощная повесть.

Каждый керчанин обязан её прочесть! Каждый керчанин должен помнить о рыбацкой славе гордого морского города Керчи и верить, что придёт время и всё повторится сначала. Верой живёт человек, вера возрождает города.

Я – морячка, дочь моряка и жена моряка, я благодарна тем неизвестным англичанам – морякам, спасателям, островитянам – и моему коллеге-океанологу Игорю Ракитину за их равнодушие, за сохранение памяти, за то тёплое чувство и ощущение единения со всем миром, которое их поступки вызвали в моей душе. Благодарю вас!

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ УЛИЦАМИ КЕРЧИ

Есть в городе улица имени Казакова. Это название она носит с 1959 года по инициативе главного архитектора города того периода А. Н. Морозова. Переименование улицы было приурочено к 225-летию со дня рождения русского архитектора Матвея Фёдоровича Казакова, творившего в эпоху Екатерины II.

М. Ф. Казаков – один из крупнейших представителей русской псевдоготики, разработчик типовых проектов. Это ему было доверено перестроить центр Москвы в стиле, включающем античное наследие.

Античность была в моде. Ещё бы! Россия в 1774 году стала обладательницей территорий античной культуры на берегах Боспора Киммерийского, присоединив по мирному Кючук-Кайнарджийскому договору город Керчь, а также Ени-Кале, Азов и Кинбурн. С этим документом завершилась первая русско-турецкая война 1768–1774 годов, и Россия получила выход к Чёрному морю.

Но сначала были фейерверки. По случаю празднования в Москве такого грандиозного события в 1775 году на Ходынском поле архитекторы В. И. Баженов и М. Ф. Казаков создали площадку для народных гуляний. Сценарий придумала сама императрица, описав его в письме к Гримму: «...за три версты от города

есть луг; представьте себе, что этот луг – Черное море и что из города две дороги, ну вот, одна из сих дорог будет Танаис (Дон), а другая – Борисфен (Днепр); на устье первого вы построите столовую и назовете Азовом; на устье второго – театр и назовете Кинбурном. Из песку сделаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникале, которые будут служить бальными залами. Налево от Танаиса будет буфет с вином и угощением для народа; против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная пущен будет фейерверк, а на месте, имеющем изображать Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете; по берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и, таким образом, у нас выйдет праздник без вычур, но, может статься, гораздо лучше многих других.

...Я забыла вам сказать, что направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога. Правда, что море на твердой земле, не совсем имеет смысл, но простите этот недостаток».

Россия ещё не видела такого размаха «увеселения». На временные строения, которые были выполнены в натуральную величину, по всем правилам архитектуры, были отпущены огромные деньги.

Основные события празднования проходили в великолепном керченском павильоне сказочного города, перед которым архитектором М. Ф. Казаковым был выстроен обелиск в честь Кючук-Кайнарджийского мира.

После обеда давали французскую комедию, потом русскую оперу «Иван Царевич», затем был маскарад, где танцевали для этого случая кадрили кавалеры и дамы, одетые в богатые турецкие и рыцарские костюмы.

На другой день государыня в городке Таганроге закупала роскошные азиатские товары на большие суммы, а вечером отправилась на

Рисунок керченского павильона, выполненный М. Ф. Казаковым, 1775 г.

корабли, с которых и смотрела на блистательный фейерверк, изобразивший Чесменскую битву.

В праздновании, по свидетельству самой императрицы, приняли участие 4 тысячи экипажей, побывало 60 тысяч человек, которые «веселились, как только можно».

Обошлось без происшествий, и все остались довольны, особенно архитекторы, получившие крупные заказы.

Основные работы М. Ф. Казакова в Москве:

- Петровский дворец, это здание оставалось царской гостиницей до 1918 года, а начиная с 1920-го и до 1990-х во дворце размещалась Военно-воздушная академия имени Жуковского;

- Сенат, который в 1990-е годы преобразовали в дом Администрации Президента России, разрушив при этом интерьеры Казакова;

- Московский университет, построенный в 1798 году;

- Бутырская тюрьма и много-много других объектов.

Однако большей частью «казаковская Москва» исчезла при пожаре 1812 года, когда М. Кутузов в Филях принял решение оставить Москву: «С потерей Москвы не потеряна Россия... Приказываю отступить».

А вскоре в Москве в разных местах, но почти одновременно начался пожар.

Наполеон полагал, что его армию ожидает «полное благосостояние на зимних квартирах», но разгоравшийся пожар заставил французов спасаться. Да и сам Наполеон, не тратя времени зря, покидал Кремль пешком, направившись к Арбату, заблудился там и, еле уйдя от пожара, выбрался к селу Хорошему. Переправившись через Москву-реку по плавучему мосту, мимо Ваганьковского кладбища, он только к вечеру дошёл до Петровского дворца. Свита Наполеона проехала по горящему Арбату до Москвы-реки, двигаясь относительно безопасным путём вдоль её берега.

В Петровском дворце, расположенном за городом, французский император находился три дня.

Очевидец вспоминал: «На четвёртый день мы вернулись в город и увидели там только развалины и пепел».

Пожар длился неделю.

«...Сжечь собственные города! Демон вдохновляет этих людей. Варвары! Какая жестокая решимость, какая смелость!» – скажет император при виде города, охваченного огнём и пеплом.

Дела давно минувших дней, но керчан не покидает мечта: воссоздать в Керчи обелиск работы Матвея Фёдоровича Казакова, установив этот памятник на улице Казакова, у детской школы искусств имени керченского скульптора Р. В. Сердюка, так как эта площадь находится в равном удалении от исторических центров Керчи и Ени-Кале.

Вот такие зигзаги истории.

Людмила ШИШЛО

Архитектор М. Ф. Казаков

Памятный знак в сквере
у Адмиралтейского проезда
в честь двух присоединений
Крыма: 1774 г. и 2014 г.

ПАРШИВЫЙ ПЁС

Дверь приоткрылась, и в щель, куда, наверное, не пролетела бы и бабочка, юркнул Володька. С усилием упёршись ладонью в тёплое, пахнущее домом дерево, он прижал дверь к косякам. Петли негромко пискнули. Володька не успел решить, хорошо это или плохо: бабушка, стоявшая у плиты спиной к нему, всё равно не обернулась. То ли не слышала, то ли... сердилась.

Конечно, сердилась. Глупо было надеяться на то, что это не так.

Володька пробрался вдоль стены и сел на лавку. Несколько минут он сидел молча, лишь изредка тихонько, как бы невзначай всхлипывая да растирая по лодыжке струйку крови, сочившуюся из разбитой коленки. Бабушка тем временем – большая, тёплая, домашняя бабушка – возилась у разделочного стола. Время от времени она неопасно пошатывалась – подавалась к плите, на которой бурлили и булькали кастрюли. Запах говяжьего бульона в доме стоял одуряющий: казалось, голодный желудок вот-вот вывернется наизнанку и высунется наружу – пусть не поест, но хотя бы впитать ароматы. А то, что находилось ниже желудка и не имело даже теоретической возможности вывернуться, ныло и возмущалось. Наконец Володька осторожно позвал:

– Баб... А баб...

Бабушка не оборачивалась. Её большая широкая спина – а спиной ведь иногда можно выразить не меньше, чем лицом, – красноречиво говорила, что ничего не будет. Ни прощения, ни обеда.

– Ну бабушка... – захныкал Володька.

– Что тебе бабушка? Что? – бабушка всплеснула руками.

Движения её были резкими, порывистыми. Они отражали недоброе настроение пожилой женщины. Володька старался не приставать к бабушке, когда она двигалась так, даже если не он был причиной расстройства. И только в исключительных случаях...

– Баб, дай зелёнки... пожалуйста...

Бабушка бросила короткий взгляд через плечо. Для себя она уже оценила разбитую коленку и решила, что в воспитательных целях с зелёнкой можно повременить.

– Не будет тебе никакой зелёнки, – заявила она. – Ишь, ещё чего – зелёнку на тебя переводить! Тебе всё одно: что мажь, что не мажь, через день расквасишь опять. Не коленку, так нос, не нос, так локоть.

– Ну баба... дай, а...

Бабушка повернулась наконец к внуку и упёрлась кулаками в бока.

– Сказано: не будет тебе зелёнки! Пускай там у тебя зараза начнётся, нога загниёт и отвалится! Не будешь где попало целыми днями носиться!

Сказав это, бабушка снова отвернулась и принялась убирать со стола. Звякала и звенькала посуда, в пару, валившем из-под крышки кастрюли, болталась очумевшая от запаха муха.

Успокоившийся было Володька снова всхлипнул. Потом ещё. И ещё. Ему очень не хотелось терять свою ногу, ведь это была его

личная, собственная и очень нужная нога. Но бабушка зелёнки не давала, а зараза, наверное, уже попала в ранку, пустила там свои гадкие белые корни, и, если сейчас, вот прямо сейчас ничего не предпринять, всё случится, как сказала бабушка, – нога отвалится! От этих мыслей Володьке стало так страшно, что коленка заболела сильнее. И всё же он твёрдо решил, что сделает всё возможное...

Внук притих, и это насторожило бабушку. Она обернулась и ахнула:

– Что ж ты такое делаешь! Ах ты, Господи! Прекрати, прекрати сейчас же!

Володька поднял на бабушку свои большие, полные слёз голубые глаза, потом опустил голову и снова принялся вылизывать разбитую коленку.

– Прекрати! Прекрати, кому говорят! – В голосе бабушки слышались сердитые и жалостливые нотки одновременно. Она подскочила к внуку, схватила его за руку, сдёрнула с лавки, усадила на стул.

– Сиди! Сиди, кому говорят! И чего тебя черти носят где попало... Достался же ты мне на старости лет, как с цепи спущенный, прости, Господи...

Несвязно причитая, бабушка слазила в аптечную полку, приготовила похожий на ягодный компот раствор марганцовки, взяла бинт, потом передумала, положила бинт на место и оторвала лоскут от столовой тряпицы.

– За что ж меня так Боженька наказал-то? Горбаться целыми днями, ни помощи тебе, ни спасибо, да ещё и тебя, убогого, на меня повесили, когда ж это кончится...

Приговаривая, бабушка промывала разбитую Володькину коленку и роняла в миску с марганцовкой крупные тяжёлые слёзы. Володька смотрел на бабушку, на розоватый пробор в седых волосах, на крупные, разбитые работой руки, на которых помимо положенных линий время нарисовало ещё десятки – покороचे и подлиннее, – и силился понять, отчего же бабушка плачет.

Плакать было отчего: Володькина мама, бабушкина дочка, осталась с Володькой одна. Муж её бросил, выгнав из жилья, за метры ко-

торого и алименты мать судилась с не бывшим ещё, но уже и не родным мужем третий год. Одновременно с этим она пыталась хоть как-то устроить и личную жизнь. Володьку же пока, на летние каникулы перед вторым классом, отослали к бабушке в деревню, откуда восемь лет назад в университет и почти сразу же замуж уехала его мать.

Володьке в деревне нравилось. Можно было целыми днями носиться по улице, лазить по деревьям, купаться и бродить в лесу. Дома он почти не появлялся, разве что ночевать приходил да перекусить – иногда. Это-то и заставляло бабушку переживать. Она любила внука и, стоило Володьке исчезнуть с её глаз, начинала беспокоиться за него. А вдруг упадёт откуда, подерётся с кем, взлезет в чужой огород, заблудится в лесу, собаки покусает, машина сожёт на шоссе, как дурного пса... Случиться могло всё что угодно. Володька был не хулиганистым, но чрезвычайно любопытным мальчишкой. А любопытство часто приравнивается к хулиганству, особенно напереживавшимися за свою жизнь бабушками с большим, тревожным и любящим сердцем.

– Ну, где ты на этот раз коленку убил?

– О коряжку споткнулся.

Бабушка выплеснула остатки марганцового раствора. Пока розовая вода с громовым грохотом стекала в пустое ведро под раковиной, бабушка щедро налила в металлическую миску супа.

– О коряжку он споткнулся... Ешь давай.

Второй раз предлагать не пришлось. Володька придвинул к себе миску и бодро замолотил ложкой. Примирение было достигнуто.

А вечером того же дня бабушка, уже смеясь, рассказывала зашедшей на огонёк соседке Антонине Ивановне, как Володька зализывал раны. Соседка хохотала, прихлёбывая чай. Посмеивалась и Оля, беленькая конопатая девчушка лет десяти, соседкина внучка. Бабушка уже без горечи, только для проформы жаловалась на Володьку:

– Бестолковый он у меня, Тонь. Надоумишь его – сделает, не скажешь – сам никогда не догадается. А не доглядишь за

ним – ищи-свищи! Что пёс бродячий, прости, Господи.

– А помнишь, Наталь, у вас кобель был...

– Во-во! – подхватила бабушка. – Такой же бестолковый...

– Я не бестолковый! – выкрикнул сидевший на лавке Володька. За окнами моросило, и это была единственная причина, по которой он находился дома.

Старушки оглянулись. Баба Тоня улыбнулась, сощутив почти ничего не видевшие глаза.

– Я... толковый! – гордо заявил Володька. И тут же спросил: – А что за кобель?

– Да тебя тогда ещё и в проекте не было, – отмахнулась бабушка. – Дед твой Семён, Царствие ему Небесное, живой ещё был. Он этого пса беспутного и повесил, когда мамка твоя родилась.

– А что пёс ему сделал?

– Да ничего! – громко сказала бабушка.

Володька вжался в стенку, чувствуя, что бабушка опять сердится. Только непонятно было, из-за чего. Володька не хотел сердить или расстраивать бабушку и поэтому молчал. А бабушка, тяжело переведя дыхание, неохотно заговорила:

– Толку от этого пса не было никакого. Даром что здоровый, как телёнок, – дурак дураком. Пока на цепи сидит, вроде лает, да что толку от одного собачьего брёха? Ластился ко всем – что свои, что чужие, всё одно. А спусти его с цепи, так ускачет и вернётся через месяц. Тощий, паршивый. Отожрётся – и опять за своё. А главное, детей любил. Увидит – ластится, лизаться лезет. А сам-то размером с жеребёнка! Дети в крик, а ему всё игрушки. Он же и прикусить мог – несильно, но много ребёнку надо? Вот бабы к моему Семёну и пристали: сделай что-нибудь с собакой. Дед пробовал его на цепи держать, да какая цепь этакого зверя удержит? Особо если сука какая охочая в соседней деревне, прости, Господи... Вот и отвёл он его к лесу, повесил на дубе да там и закопал. Да что теперь говорить... Зря животину сгубили, конечно.

– Значит, жалко было?

– А как же не жалко? Жалко, ещё как. Только вся деревня была недовольна, за глаза

врагами народа называли, фашистами.

– Наталь, а ты к Семёну-то на могилку ходила? – спросила баба Тоня. – Не глянула, как там мой лежит?..

Старушки говорили о чём-то ещё. Но Володька уже не вслушивался в их разговор. Он сидел, ошеломлённый услышанной историей. Если бы его спросили, что именно так поразило его, он не смог бы ответить. Это были и страх, и горечь, и облегчение, и любопытство, и непонимание одновременно. Мальчишку охватило ощущение, будто бы он вспомнил что-то такое, что никак не мог знать.

Олька заметила, что с Володькой творится что-то неладное, наклонилась к его уху и шёпотом спросила:

– Хочешь, сходим туда завтра? Я знаю, я покажу...

Олька не сказала, куда это – «туда». Но Володька понял, кивнул. На следующий день они вместе пошли искать безымянную могилу повешенного пса.

День был тёплый, но пасмурный. С утра снова шёл дождь, трава была в крупном бисере капель, из чашечки бараньего ушка можно было выпить целый глоток небесной воды. И хотя дождь закончился, ветер не поднялся, и низкие сизые облака покачивались над летней, тёмно-зелёной землёй в белых, жёлтых и алых цветах.

Володька и Ольга шлепали по дороге. К сандалиям липла мокрая пыль, и следы, двумя цепочками остававшиеся позади них, были сухими.

– А ты откуда про собаку знаешь? – спросил Володька.

– А меня ей бабка всё детство пугала, – заявила Ольга. – Говорила, если я буду плохо себя вести, за мной придёт мёртвый пёс с края леса. Бабушка его не прогонит, и он заберёт меня к себе. А когда я начинала плакать и просила прощения, бабка говорила, что прогонит пса. Я ей верила. Только мне всё равно было страшно.

– А теперь не страшно?

Олька удивлённо посмотрела на Володьку.

– Нет, конечно. Я же уже взрослая.

– Понятно...

Дорога уходила влево, а правее начинался луг, за которым клубилось тёмно-зелёное облако леса.

– Нам сюда, – Олька ступила на тропинку, ведущую через луг. – А тебе не страшно?

– Мне страшно, что меня точно так же повесят, – честно признался Володька.

На краю леса росли дубы. Невысокие, коренастые, они стояли далеко друг от друга, и между ними поднимались крохотные, в две-три веточки, молодые деревца. Их стволы были похожи на струны, невидимой силой натянутые в воздухе.

Дети побродили по краю луга, потоптались около одного дуба, обошли другой, заглянули в дупло третьего. Конечно, никаких следов могилы пса не нашлось: она давно сровнялась с землей.

– Ну чего, пошли назад? – спросила Олька. – У меня сандалии намокли.

– Ты иди... – ответил Володька.

– А ты?

– А я тебя догоню... Попозже, ладно?

– Ладно, – Олька пожала плечами и зашлёпала через луг.

Володька проводил её взглядом, дождался, когда пёстренькое платьице скроется за поворотом дороги. Потом он запрокинул голову, заглядывая дубу под крону. Дерево протягивало вверх и в стороны могучие узловатые ветви, листва не двигалась, темнея плотным куполом.

Обойдя дуб, который они даже вдвоём с Олькой не смогли бы обхватить, Володька направился к лесу. Влажные запахи земли, травы, живой мшистой древесины стали острее, послышался тонкий, как волос, ветерок. Володька скинул промокшие сандалии, ступил босиком на упругую, напитавшуюся дождем землю. Обогнув затаившуюся в траве колючку – капли воды висели над листьями, приподнятые седыми волосками, – Володька пошёл быстрее. А потом он и вовсе побежал, легко перепрыгивая лесные овражки, лежащие на земле ветви и стволы поваленных деревьев. И быстрые, похожие на собачьи лапы оставляли во мху аккуратные округлые следы.

ПОДМЕНА

– Ты здесь? – крикнул он во мрак за порогом.

Ответа не последовало. Он ещё какое-то время постоял у порога, выпуская из дома навязчивое душноватое тепло, впуская с улицы крепкий, морозный холод. Никто так и не появился. Притерпевшиеся к темноте глаза видели долгую, оледеневшую поселковую улицу, фонарь над перекрёстком, вертикальные чёрточки изгородей, горизонтальные ровные тени от них. Никого там не было. Никого живого.

– Кто там пришёл? – раздался голос с кухни.

Это была жена: уютная, домашняя, удивительно приземлённая женщина. Звали её Катерина: тут и тесто, и картошка, и вся тёплая надёжность её женской пятерни.

– Петь, а кто должен прийти-то? – спросила она, когда муж вошёл в кухню, где даже свет был тёплым.

– Знать бы ещё кто, – странно ответил он.

Жена только вздохнула, покачала головой: муж был с причудами... Зато не гуляющий, да и курить уж пять лет как бросил – экономия. Правда, выпить любил – вот и сейчас рыскал на холодильник, помня о стоящей там початой бутылке беленькой. Но ведь не буянил же по пьяной лавочке, не дрался ни с кем, не обижал никого – даже её, жену. Наоборот, в любви признавался, а если летом дело было, то и цветами осыпал – надранными с чужих огородов. Ну и ничего, кто без греха-то...

Выпить ему хотелось. Водка в такие минуты почти не пьянила, да и что ему водка? Пётр работал хирургом в районной больнице. Этим многое объяснялось, в том числе и устойчивость к водке (спирта в больнице было – залейся), и отвращение к блюду. «Блудных» привозили через два дня на третий, кого с пробитой головой, кого с ножом в груди. Он даже топор один раз вытаскивал – домашний, правда, не большой, для кухонных работ, а не для колки дров. Но тоже впечатлился. А его коллега Семён

Морозов как-то арматуру у одного такого вытаскивал. Понятно откуда. Законный супруг засунул, значит...

Пётр сделал над собой усилие – чего пить, всё равно сейчас без толку, а может, от этого оно и приходит, – и перевёл взгляд с холодильника на дверь.

– Ты ждёшь кого, что ль, не понимаю? – спросила Катерина. Обычно она, замечая за мужем «причуду», старалась его отвлечь. Но когда сама она, как сегодня, была уставшая за день, «причуды» её раздражали. – Шёл бы ты спать. Время-то позднее.

Пётр посидел ещё немного, словно собираясь с силами, потом закивал, поднялся.

– Я пойду у брата лягу, – сказал он. – Что-то мне...

Не договорив, он махнул рукой и вышел из кухни. Брат Петра Володька, как и он сам, родился и вырос в этом доме. И хотя Володьки не было в живых уже шесть лет, комната по-прежнему называлась «братовой». Пётр оставался там на ночь, когда не спалось.

– Иди, иди, болезный, – сказала себе под нос Катерина, когда муж уже ушёл. Работы предстояло ещё много, а ночь была недлинной...

Пётр вошёл в комнату к брату. Он любил здесь оставаться – в такие ночи. Секрет был в том, что эта комната была единственной во всём доме, имеющей собственную дверь. Остальные либо задёргивались занавеской, либо вообще никак не прикрывались. А ещё в этой комнате было обычно немного прохладней, чем во всём доме. Возможно, потому что она была угловой.

В комнате стояла кровать, тумбочка, старый приёмник с каким-то хламом на крышке. На обеих стенах висели книжные полки, и книги со всего дома были собраны именно здесь. Впрочем, было их немного. В основном справочники по медицине, кое-что из старых учебников и художественной литературы, которая распространялась ещё по подписке. На левой стене, около кровати, висел пыльный трогательный коврик с изображением трёх богатырей. Место на полу занимали пахучие слежавшиеся подшивки газет – брат Петра был

журналистом, много ездил по району, писал, печатался. Кое-какие его материалы выходили даже в центральных изданиях. Здесь подшитыми хранились только местные газеты. Вырезки из центральных до сих пор хранила в отдельной папке мать, благоговевшая перед печатными органами ещё по-советски.

Пётр присел на кровать, просунул руку в щель между тумбочкой и батареей. Пошарив пальцами, он ухватил за горлышко заначку – выудил из щели початую бутылку. Отвинтил крышку, приложился, краем глаза заметил в окне чью-то фигуру – поперхнулся, закашлялся. Завернул крышку, вытер губы рукавом. Посмотрел в окно... Никого. Темнота. Показалось.

Вернув бутылку на место, Пётр сложил руки на коленях. Потом уронил лицо в ладони, помассировал лоб. Закурить бы сейчас, да во всём доме ни грамма табаку – бросил же. Да и будет, как с водкой, – ни вкуса, ни толка. Если бутылку целиком или две, то да. Но завтра на смену. Мало ли кого с чем привезут.

Пётр качнулся – взгляд снова скользнул по окну, пустому и тёмному, как будущее, – и, не раздеваясь, лёг в постель. Лучшее, что можно было сделать в такую ночь, – уснуть. Ну или не спать, быть начеку, но всякий раз, когда оно подкрадывалось, шелестело, звало, держать себя в руках. Слышать, но не слушать его зов и не ходить на него. Хотя он же ни разу не подошёл к нему достаточно близко для того, чтобы рассмотреть, что это такое. Оно не позволяло...

Когда это пришло к нему первый раз, он счёл, что у него галлюцинации. Допился до чёртиков, благо с его профессией это недолго. Здравствуй, белочка, – как на бутылке водки какой-то марки: поворачиваешь её, и на этикетке появляется голографическая белка с ошалевшей мордой и надпись «Я пришла!»... Но вскоре Пётр заметил, что на него находит и в трезвом состоянии. Причём когда трезвый – страшнее.

Это начиналось с чувства тревоги – спрятаться и бежать куда-нибудь одновременно. Это чувство можно было заглушить людьми, но приходило оно чаще ночью, когда обычно нет возможности нырнуть с головой в какую-нибудь шумную компанию. А потом возникало ощу-

щение присутствия, но не прямо здесь, рядом, а где-то поблизости. За изгородью, в саду, под окном. Оно приближалось настолько, насколько, видимо, могло, а потом лишь подзывало, подманивало к себе. Чаще это происходило ночью, но иногда случалось и днём. Пётр мог сидеть у себя в кабинете, один, за столом, спиной к окну, до или после обеда, и вдруг как будто бы наступала ночь. Пётр явственно ощущал, что за окном глубокая ночь и в парке, разбитом перед больницей, среди оголённых деревьев стоит это и ждёт его. Он не вставал со своего места, никуда не уходил, даже не оборачивался, чтобы взглянуть в окно и увидеть там день. Одна его рука сама тянулась к выключателю настольной лампы, а другая – к нижнему ящику стола... Таким его однажды застала медсестра: сидящим при включённой старенькой, ужасно греющейся настольной лампе со стаканом спирта в руке... С душой, выпитой до дна чем-то неведомым.

Что это, Пётр не знал и даже не предполагал. В больнице мистика была чем-то обыденным – но это была нормальная, объяснимая, порой даже обязательная мистика. Вроде больного, который во время трёхдневной комы, пока врачи договаривались о переводе его в специализированную клинику в региональной столице, парил над своим телом, бродил по коридорам больницы и помимо всего прочего наблюдал за утками анестезиолога Калашникова и его глубоко любимой, уже третьей за этот год гражданской жены медсестры Котюк (которая, между прочим, числилась обычной, не гражданской, а личной женой Павла Котюка, водителя-рейсовика из соседней деревни). Всякие привороты, порчи, проклятия тоже были обычным делом. Обычным деревенским делом. Верилось в это серединка на половинку: вроде есть, а вроде и нет, чего люди только не говорят, послушать иногда любопытно. Но если вдуматься, всему можно найти объяснение.

А вот то, что приходило за Петром... Не было ему никакого объяснения. Более того: обрза у него тоже не было никакого, было оно безобразным, безликим, никаким. Не было это никакое ничем, даже смертью. Смерть Пётр хорошо знал, сталкивался едва ли не каждый

день и был с ней, что называется, на короткой ноге – её короткой костяной ногой, которой не препятствие любое расстояние. Сам Пётр в молодости дурил, был готов умереть. Потом остепенился, передумал, потом снова – когда нашли рак лёгких. Но вроде выбрался, захотел жить, тем более дети маленькие оставались да жена. Но потом снова потянуло в могилу – от тоски, когда брата, разбившегося аж на вертолёте, схоронил. Но отлегло и это – и опять захотелось жить... То, что преследовало Петра, не подталкивало его к смерти или мыслям о смерти, но и не усиливало в нём желание жить. Оно просто было само по себе – присутствовало, существовало, и их с Петром сосуществование в одном мире, казалось, было невозможным...

Когда время перевалило за полночь и зов, слышный ему одному, стал оглушительным, он наконец решился. Не задумываясь о том, что потревожит домашних, он быстрыми размашистыми шагами вышел в коридор, распахнул входную дверь, готовый встретиться лицом к лицу с чем угодно, – лишь бы всё это прекратилось. Но за дверью никого не было. Ночь была тиха, улица пустынна. Зов оборвался и не возобновлялся более. С кухни позвала жена, и он вернулся в дом. И хотя ничего не произошло, холодный пот прошиб его. Вроде бы вернулся... Или всё-таки не вернулся?..

Или не он?..

...Он понял, что замечтался. Свой дом, такой тёплый и манящий, с женой, детьми, стенами и дверями, за которыми можно прятаться от чего угодно, был для него отныне недостижим. Он прошёлся вдоль внешней стороны стены, заглянул в окно – мимолётно, чтобы остаться незамеченным и всё же успеть в последний раз взглянуть на картину столь милого сердцу уюта. А потом вышел из палисадника, не потревожив скрипучей калитки, и отправился своей – то есть отныне своей – дорогой. Он не остановился и даже не обернулся, хотя услышал чей-то голос за спиной.

– Ты здесь? – окликнул его кто-то во мраке за порогом.

Полина ГРОМОВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

Первая мировая война стала величайшим испытанием для России. Эта война оказалась в пять раз губительнее, чем все войны XVIII века, вместе взятые. По количеству людей, погибавших в среднем ежедневно, эта война превзошла русско-японскую войну 1904–1905 годов в 23 раза, русско-турецкую войну 1877–1878 годов – в 30 раз, Крымскую 1853–1856 годов – в 45 раз¹.

В такое исключительно трудное, трагическое для России время задача развития благотворительной помощи пострадавшим от войны имела очень важное значение.

Исследования показывают, что развитие благотворительности в России в годы Первой мировой войны достигло наибольшего размаха и охватило практически все слои населения.

Но объективности ради надо признать, что не все страницы истории русской благотворительности в это время были изучены с достаточной степенью научной глубины и основательности.

В благотворительном движении участвовали все сословия, профсоюзные объединения, общественные организации, государство, церковь, частные лица. Российское общество, особенно в первый период войны, который сопровождался всеобщим патриотическим подъёмом и громадной волной благотворительности, продемонстрировало единение самых различных слоёв населения с государством.

Большой реальный вклад в дело развития благотворительности в годы Великой войны внесли представители императорского дома Романовых. В делах благотворительности в

той или иной степени принимали участие представители четырёх ветвей дома Романовых – Александровичи, Константиновичи, Николаевичи и Михайловичи. Они являлись продолжателями благотворительных традиций своих августейших предков – императора Павла I и императрицы Марии Фёдоровны, императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны.

На благотворительную деятельность великих князей шли проценты с неприкосновенных капиталов, а сотни великокняжеских благотворительных организаций существовали благодаря жизнеспособной, проверенной временем законодательной и банковской политике государства.

Наиболее разносторонняя помощь действующей армии, раненым и увечным воинам была прежде всего связана с именами князей Константиновичей.

Знакомство с научными исследованиями, посвящёнными благотворительности князей Константиновичей в годы Первой мировой войны, принесло разочарование.

Во-первых, благотворительность Константиновичей в них рассматривается односторонне, в основном только как помощь фронту, раненым и увечным воинам. На самом деле их благотворительная деятельность была значительно шире.

Во-вторых, детально изучена в основном благотворительность только представителей среднего поколения князей Константиновичей: великого князя Константина Константиновича и его супруги великой княгини Елизаветы Маврикиевны, старшей сестры великого князя

¹ Первая мировая. Неизвестные страницы / Сост. В. А. Золотарёв. М., 2014. С. 9.

Константина Константиновича вдовствующей королевы Греции Ольги Константиновны и его младшего брата великого князя Дмитрия Константиновича. Благотворительность же младшего поколения Константиновичей¹ – князей Иоанна и его супруги княгини Елены Петровны, князей Константина и Игоря, княжны Татьяны – явно недооценивается.

В-третьих, не выявляются истинные причины успешной благотворительной деятельности князей Константиновичей в годы Первой мировой войны.

Среди них можно выделить следующие.

Крепкие семейные традиции, созданные родоначальником ветви великим князем Константином Николаевичем и великой княгиней Александрой Иосифовной, которые стояли у истоков Российского Красного Креста и были одними из первых его членов.

¹ В том числе алапаевских мучеников – князей императорской крови Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей.

Иоанн Константинович, князь императорской крови (1886–1918), старший сын великого князя Константина Константиновича (1858–1915) и великой княгини Елизаветы Мавриковны (1865–1927). Окончил 1-й кадетский корпус (1905), Николаевское кавалерийское училище (1907), флигель-адъютант, штабс-ротмистр (1916), военную службу проходил в лейб-гвардии Конном полку (1907–1917). С 1911 года женат на сербской принцессе Елене Петровне (1884–1962); у них дети: князь Всеволод (1914–1973) и княжна Екатерина (1915–2007).

Константин Константинович, князь императорской крови (1890–1918), третий сын великого князя Константина Константиновича (1858–1915) и великой княгини Елизаветы Мавриковны (1865–1927). Окончил специальные курсы Пажеского корпуса (1910), выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк, флигель-адъютант, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка (1910), в составе которого участвовал в Первой мировой войне.

Игорь Константинович, князь императорской крови (1890–1918), пятый сын великого князя Константина Константиновича (1858–1915) и великой княгини Елизаветы Мавриковны (1865–1927). Флигель-адъютант, образование получил в Пажеском корпусе (1914), откуда выпущен в лейб-гвардии Гусарский полк, в составе которого участвовал в Первой мировой войне.

Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: архивная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. / Составитель Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 882, 889, 881.

Все трое убиты большевиками в ночь на 18 июля 1918 года под Алапаевском. В 1920 году погребены в склепе Свято-Серафимовского храма Русской духовной миссии в Пекине (Китай). Захоронение не сохранилось.

Константин Константинович Романов

Преемственность в делах благотворения: по завещанию все благотворительные заведения, созданные представителями старшего поколения, переходили под покровительство детей, а затем – внуков. Примером может служить семейное шефство над Усиленным Благовещенским лазаретом лейб-гвардии Конного полка.

Высокий авторитет семьи Константиновичей среди представителей разных общественных сил – об этом свидетельствует серьезное финансирование учреждений, находившихся под их покровительством, и прежде всего Комитета Мраморного дворца, представителями русской буржуазии, такими как крупный нефтепромышленник Эммануил Людвигович Нобель, владелец часового дома Павел Буре, владелец ювелирного дома Карл Фаберже, деятелями искусств, такими как выдающийся русский певец, солист Императорских театров Леонид Витальевич Собинов и организатор благотворительных вокально-симфонических концертов, солистка Императорских театров Мария Ивановна Горленко-Долина. А также об этом свидетельствуют бескорыстные, искренние и посильные пожертвования со стороны рядовых участников Комитета Мраморного дворца – от дьякона церкви Павловского дворца до служа-

щих дворницкой команды и воспитанников военно-учебных заведений¹.

О высоком авторитете великих князей Константиновичей, о признании их благотворительной деятельности свидетельствует и то, что их имена были присвоены многим благотворительным организациям.

Например, имя «королевы эллинов» великой княгини Ольги Константиновны было присвоено передовым отрядам № 5 и № 15 Российского общества Красного Креста, Петроградскому лазарету на 20 кроватей для раненых и больных воинов, этапному лазарету Общества святой Елены в городе Сарны Волынской губернии, а имя бесребреника дома Романовых великого князя Дмитрия Константиновича было присвоено лазарету для увечных и выздоравливающих солдат в Петрограде и Дворянскому военно-санитарному поезду № 170/20.

Одной из причин успешной благотворительной деятельности князей Константиновичей является также семейственность в решении всех проблем, взаимодействие представителей среднего и младшего поколений в делах милосердия.

Так, общими усилиями семьи был создан подвижной лазарет Мраморного дворца на 50 кроватей. Приобретение его обошлось в 18 тысяч рублей, а содержание в течение полугода – в 28 тысяч рублей. Формирование лазарета проходило с 23 июля по 14 августа 1914 года. Потребовался специальный поезд для доставки снаряжения лазарета на фронт, поэтому он был снабжён вагоном-лазаретом с необходимыми материалами для госпиталя, оборудованием для работы в походных условиях (полевые кухни, котлы, палатки, лошади, автомобиль) и десятью парными фургонами-повозками².

Личный состав подвижного лазарета Мраморного дворца включал 30 человек – старшего врача Б. Г. Шарецкого, младшего врача, 6 сестёр милосердия Кауфманской общины, заведующего хозяйством, представителя Красного Креста, 16 санитаров. Вне штата были зачислены сёстрами

Великая княгиня Мария Павловна

милосердия супруга князя Иоанна Константиновича великая княгиня Елена Петровна³ и великая княгиня Мария Павловна (младшая)⁴.

Начальником подвижного лазарета Мраморного дворца был назначен генерал Геринг, управляющий Павловска, а помощником – барон Менд, адъютант великого князя Константина Константиновича.

Личный состав лазарета не имел представления о шаткости своего положения. Первая армия Ренненкампа была рассредоточена, позиции не укреплены, тыл не защищён⁵. События развивались следующим образом.

³ Княгиня Елена Петровна (Карагеоргий) (1884–1962), урождённая сербская принцесса, дочь короля Петра I (1844–1921) и дочери короля Черногории Зорки Любицы Николаевны Негош (1864–1890), супруга князя Иоанна Константиновича с 21 августа 1911 года. Августейшая попечительница приюта во имя великой княгини Александры Николаевны в Санкт-Петербурге и приюта для русских детей в Белграде. Разделила впоследствии с мужем и его братьями все тяготы ссылки в Вятку, Екатеринбург и Алапаевск. Узница Напольной школы с 20 мая по 18 июня 1918 года.

⁴ Мария Павловна (младшая, 1890–1958) – великая княгиня, дочь великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны.

⁵ Романова М. П. Воспоминания великой княжны. М., 2007. С. 174.

¹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 266. Л. 69–70.

² РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 266. Л. 69–70.

18 августа лазарет удалось разместить в Инстербурге, где находился штаб 1-й армии. Для него было выделено 3-этажное здание мужской гимназии, где удалось разместить 300 кроватей.

23–25 августа персонал лазарета работает дни и ночи.

К 28 августа через лазарет прошло свыше 200 раненых, из них 64 тяжелораненых и 6 офицеров. По данным старшего врача Б. Г. Шарецкого, переданным в контору двора великой княгини Елизаветы Маврикиевны, за время нахождения в Восточной Пруссии медицинская помощь была оказана 300 нижним чинам и 30 офицерам, было проведено 58 операций.

Утром 28 августа, как пишет в своих воспоминаниях великая княгиня Мария Павловна, внезапно поступил приказ отгрузить всех тяжелобольных на санитарные обозы и готовиться к отступлению. Фронт перемещался очень быстро, лазарет был свёрнут на рассвете 28 августа. Имущество лазарета вывезти не удалось, однако персонал лазарета был эвакуирован без потерь.

3 сентября состоялась встреча личного состава лазарета Мраморного дворца на Александровской станции Петрограда.

За сентябрь имущество лазарета было восстановлено. Поражает быстрота восстановительных работ – уже в начале октября лазарет вторично отбыл из Петрограда для следования за 1-й гвардейской дивизией¹.

В начале 1915 года лазарет Мраморного дворца был объединён с эвакуационным транспортом королевы Ольги Константиновны.

20 мая 1915 года последовало Его Императорского Величества соизволение на пожалование Её Императорскому Высочеству великой княгини Марии Павловны и Её Королевскому Высочеству княгине Елене Петровне георгиевских медалей 4-й степени² за самоотверженную

деятельность в качестве сестёр милосердия при лазарете Мраморного дворца в Инстербурге в августе 1914 года³.

Княгиня Елена Петровна не была новичком в благотворительности⁴. За помощь в делах милосердия во время русско-японской войны 1904–1905 годов императрица Мария Фёдоровна пожаловала Её Королевскому Высочеству княгине Елене Петровне знаки отличия Красного Креста. За создание на свои средства санитарного отряда, носящего её имя, и сопровождение его на театр военных действий первой Балканской войны 1912–1913 годов она была награждена в 1913 году сербским орденом «Крест Милосердия».

Говоря о семейственности в благотворительных делах князей Константиновичей, необходимо отметить сотрудничество старших и младших князей в работе лазарета № 2 для нижних чинов имени Её Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны в казармах Сводно-казацкого полка в городе Павловске.

Лазарет № 2 был открыт 27 августа 1914 года и был рассчитан на 15 кроватей, а 15 марта 1915 года расширен до 40 кроватей и размещён в новом двухэтажном здании.

Примечательно, что в нём размещалось 5 именных кроватей:

- великой княгини Александры Иосифовны;
- великого князя Константина Константиновича;
- великой княгини Елизаветы Маврикиевны;
- князя Олега Константиновича, содержание которой оплачивалось Управлением делами Их Императорских Высочеств князей Гавриила, Константина и Игоря;

четвертая степень: ...серебряная медаль, носимая на груди, на Георгиевской ленте, без банта... Достойны награждения Георгиевской медалью: ...кто из фельдшеров или санитаров, находясь в течение всего боя в боевой линии, под сильным и действительным огнем, проявляя необыкновенное самоотвержение, будет оказывать помощь раненым...» (Алешин А. Награды Первой мировой. М., 2010. С. 322, 323).

³ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. СПб., 2005. С. 209–210.

⁴ Шевцова Г. И. Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912–1914) // Сборник материалов научной конференции «Константиновские чтения». 2013. С. 83.

¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 4. Д. 328. Л. 190–191 об.

² «Георгиевская медаль установлена для пожалования нижних воинских чинов за проявленные ими в военное или в мирное время подвиги мужества и храбрости. Георгиевская медаль может быть жалуема и лицам, не имеющим воинского звания и даже не принадлежащим к составу армии и флота, но лишь за отличия, оказанные ими в бою против неприятеля. Георгиевская медаль имеет четыре степени...

- князя Всеволода Иоанновича, которая содержалась на средства его родителей, князя Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны¹.

Есть ещё одно свидетельство сотрудничества старших и младших Константиновичей.

1 октября 1915 года в помещении офицерского собрания и квартиры командира Сводно-казацкого полка были открыты лазарет № 4 для раненых и ампутированных воинов имени великого князя Константина Константиновича на средства Её Величества королевы Ольги Константиновны. В нём была палата № 1 на 45 кроватей имени князей императорской крови Гавриила, Константина и Игоря Константиновичей.

На содержание лазарета в первый год потребовалось 17 630 рублей, причём почти всю сумму внесли великая княгиня Ольга Константиновна, князь Гавриил, Константин и Игорь Константиновичи².

Совместными усилиями женщин семьи в Мраморном дворце был создан склад Её Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны, Её Величества королевы эллинов Ольги Константиновны и Её Высочества княгини Елены Петровны для сбора пожертвований деньгами и вещами на нужды фронта. Княгиня Татьяна Константиновна организовала в Мраморном и Стрельнинском дворцах склады белья для раненых воинов, а также пошив и ремонт белья, сбор вещей, продуктов, подарков к праздникам.

Княгиня Татьяна с гордостью носила на груди Георгиевскую медаль – эта награда была вручена ей за одну из поездок в предрождественские дни в Эриванский полк.

Впрочем, обратимся к дневниковым записям её отца великого князя Константина Константиновича от 2 февраля 1915 года: «Татьяна с мужем ездила из Варшавы в автомобиле на позицию к эриванцам и была в сфере артиллерийского огня (что, по-моему, совершенно лишнее). Она раздала офицерам фуфайки, а корпусный командир с согласия командующего

армией пожаловал ей Георгиевскую медаль 3-й степени (что тоже лишнее)»³.

Особого внимания заслуживает благотворительная деятельность князя Олега Константиновича⁴, корнета лейб-гвардии Гусарского полка, служившего вместе с братьями Гавриилом и Игорем. В письмах к родителям, написанных князем Олегом с фронта с 12 августа по 26 сентября 1914 года, содержатся многочисленные просьбы:

- купить походную офицерскую кухню;
- прислать мотоциклетку и мотор (то есть автомобиль);
- заказать форменные тулупы на баране или белке не только для него самого, но и для четырёх его сослуживцев;
- прислать бурки, которые больше греют, чем пальто.

В последнем письме князь Олег Константинович пишет, что нужны перчатки солдатам и фуфайки⁵.

³ Татьяна Константиновна, княжна императорской крови (1890–1979), старшая дочь великого князя Константина Константиновича (1858–1915) и великой княгини Елизаветы Маврикиевны (1865–1927). С 24 августа 1911 года супруга князя Константина Александровича Багратион-Мухранского (1889–1915), флигель-адъютанта, поручика Кавалергардского императрицы Марии Фёдоровны полка, во время Первой мировой войны прикомандирован к 13-му лейб-гренадерскому Эриванскому полку. Убит 19 мая 1915 года. От первого брака дети: князь и княжна Багратион-Мухранские Теймураз (1912–1992) и Наталия (1914–1984). Эмигрировала. В 1946 году приняла постриг в Женеве с именем Тамара. Монашескую жизнь начала в Гефсимании. В 1951 году переселилась на Елеонскую гору, где стала игуменьей Вознесенского монастыря.

Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: архивная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. / Составитель Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 933.

⁴ Олег Константинович, князь императорской крови (1892–1914), четвёртый сын великого князя Константина Константиновича (1858–1915) и великой княгини Елизаветы Маврикиевны (1865–1927). В 1913 году окончил с серебряной медалью Александровский лицей в Петербурге. Корнет лейб-гвардии Гусарского полка, в составе которого участвовал в Первой мировой войне. Скончался от ран в госпитале в Вильне 29 сентября 1914 года. Похоронен в имении великого князя Константина Константиновича в селе Осташёво Московской губернии. Могила не сохранилась.

Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: архивная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. / Составитель Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 914.

⁵ Хрусталёв В. М. Дневник великого князя Константина

¹ Вестник Царскосельского района. Пг., 1915. № 4. С. 78–79.

² Вестник Царскосельского района. Пг., 1916. С. 46–61.

О деликатности просьб князя Олега свидетельствуют такие строки из его письма: «Дорогой Пас, мне очень совестно, что приходится всё время приставать с разными просьбами, но это необходимо». И далее перечисляет самое нужное для солдат и офицеров: табак для своего взвода и взводов князей Гавриила и Игоря, папиросы, консервы, шоколад, одеколон – и делает приписку: «Всё это нужно в большом количестве».

Великий князь Константин Константинович без промедления исполняет все просьбы сына. Например, просьба о присылке мотоциклки и автомобиля поступила от князя Олега в письме от 28 августа, а уже в письме отцу от 11 сентября мы читаем слова сыновей благодарности: «Не знаю, как и благодарить вас, наши миссии¹, за все, что вы для нас делаете...»

Князь Олег умер в госпитале в Вильне 29 сентября 1914 года от полученного в бою 27 сентября смертельного ранения.

Вся последующая благотворительная деятельность семьи Константиновичей посвящена его памяти.

Государь император Николай II после гибели князя Олега присвоил первой роте Полоцкого кадетского корпуса наименование «Рота Его Высочества князя Олега Константиновича». Великий князь Константин Константинович учредил стипендию в Полоцком кадетском корпусе, где числился Олег. Великая княгиня Елизавета Маврикиевна принесла в дар Императорскому Александровскому лицу 1000 рублей, с тем чтобы доход с этого капитала ежегодно шёл на изготовление серебряной медали имени князя Олега Константиновича, которой награждались лицеисты за лучшее сочинение по отечественной словесности. В Стрельне великий князь Дмитрий Константинович открыл и содержал на свои средства лазарет имени князя Олега Константиновича, а также военно-санитарный поезд № 85 имени князя Олега для выздоравливающих нижних чинов.

Семья организует приют его имени на Политехнической улице в Петрограде².

Константиновича, 1911–1915 годы. М., 2013. С. 428–436.

¹ «Миссии» вместо «милые» – принятое обращение в семье великого князя Константина Константиновича.

² Алексеева Т. А. Татиана Дома Романовых. СПб., 2010. С. 192.

Всей семьёй князя Константиновичи во исполнение желания князя Олега приступили к строительству храма-усыпальницы во имя святых благоверных князей Олега Брянского и Игоря Черниговского и святого Серафима Саровского в Осташёво.

5 октября 1914 года, через день после похорон князя Олега, великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Приехал по нашей просьбе всеми нами любимый инженер Сергей Николаевич Смирнов³. Мы хотим согласно желанию Олега выстроить над его могилой церквушку во имя святых преподобных князей Олега Брянского и Серафима Саровского»⁴.

Несмотря на трудности военного времени – нехватка рабочих рук, дороговизна материалов, отсутствие сыновей-воинов, – семья решила приступить к строительству без промедления. Такая поспешность объяснялась ухудшающимся с каждым днём состоянием здоровья великого князя Константина Константиновича.

Преклоняясь перед памятью погибшего князя Олега, архитектор М. М. Перетяткович, инженер-строитель С. Н. Смирнов, художественные мастерские, где делали алтарное изображение, работали безвозмездно.

Однако смертельно больному великому князю Константину Константиновичу не удалось увидеть начало строительства храма-усыпальницы над могилой сына. Вместе с князем Игорем он только смог ознакомиться с его рабочими чертежами⁵. 2 июня 1915 года великий князь Константин Константинович умер от приступа стенокардии в Павловске. Все расходы по постройке храма-усыпальницы стали теперь уплачиваться в равных долях от трёх сумм: Её Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны и Их

³ Сергей Николаевич Смирнов (1877–1958) – инженер-строитель, действительный член Археологического института, видный учёный в области древнеславянского искусства, знаток храмового строительства Древней Руси.

⁴ Хрусталёв В. М. Дневник великого князя Константина Константиновича, 1911–1915 годы. М., 2013. С. 358.

⁵ Как сказано в помете на рабочих чертежах храма, они были представлены Его Высочеству 24 апреля 1915 года. (РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 131–138.)

Высочеств князей Константина и Игоря Константиновичей¹.

Уже в конце октября 1915 года возведение храма-усыпальницы в основном было завершено². К этому моменту из-за болезни князь Игорь был назначен государем флигель-адъютантом³ в свиту Верховного главнокомандующего в Могилёве. Но, несмотря на плохое самочувствие и постоянные дежурства в Ставке, князь Игорь находил время для участия в делах строительства храма в Осташёво. На заседаниях строительного комитета, которые проходили в Петрограде, он принимает участие в обсуждении вопросов, связанных с внутренним убранством храма, утверждает детали иконостаса и рисунки печей, решает различные технические, художественные и финансовые вопросы.

К 1 февраля 1916 года окончилась уплата из сумм Её Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны на постройку храма в Осташёво⁴. Таким образом, все расходы по строительству храма пришлось нести уже только князьям Константину и Игорю⁵. Необходимо заметить, что на детей великого князя Константина Константиновича, которые были правнуками императора Николая I, согласно именному указу императора Александра III от 2 июля 1886 года, не распространялись титулы, права и финансирование великих князей.

О материальных затруднениях, которые испытывали князья в ходе дальнейшего строительства храма, свидетельствуют следующие документы.

В письме князю Игорю Константиновичу, датированному 28 ноября 1915 года, инженер-строитель С. Н. Смирнов даёт ему совет: «...строго придерживаясь старины, давать возможность молодёжи делом участвовать в этой идейной постройке. Не дело при наших

средствах оплачивать первейших художников, обставляя дело знаменитостями»⁶. С целью экономии средств к разработке рисунков для разбивки на листе иконостаса С. Н. Смирнов пригласил студента института гражданских инженеров В. И. Ходова⁷.

Возможно, зная о материальных затруднениях князей-братьев, Роберт Эрихсон в письме С. Н. Смирнову предлагает оплатить счёт за устройство парового отопления низкого давления в храме-усыпальнице в рассрочку в следующие сроки: «2750 рублей – при подтверждении сего письма, 1650 рублей – при доставке материалов на место работ, 1100 – при окончании работ»⁸. Если первые два взноса были внесены своевременно, то по завершении всего объёма работы к 26 сентября 1916 года князья затруднились произвести окончательный расчёт.

В письме от 23 ноября 1916 года Р. Эрихсон напоминает князьям о долге⁹. Оплатить его Константин и Игорь смогли только 8 декабря 1916 года¹⁰.

Из-за нехватки средств произошла задержка оплаты счёта № 14055 от 25 ноября 1916 года за 6 колоколов, 1 язык, приводной ремень и за их доставку из Ярославля в Осташёво¹¹.

Эти и другие материальные трудности объясняются тем, что «стоимость всей постройки храма-усыпальницы, определенная раньше в 30 тысяч рублей, ввиду вздорожания рабочих рук и строительных материалов, увеличилась до 40 тысяч рублей»¹².

Обеспокоенная этим обстоятельством, великая княгиня Елизавета Маврикиевна оплачивает одну треть сумм по оплате счетов Р. Эрихсона и Торгово-промышленного товарищества «П. И. Оловянишников и сыновья» за иконостас в усыпальнице¹³.

Следует отметить, что князь Константин Константинович не только помогал строитель-

¹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 148–149.

² РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 40–40 об.

³ Флигель-адъютант – с начала XIX века до 1917 года почётное звание, которое присваивалось офицерам, состоящим в свите русских императоров.

⁴ РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 84.

⁵ 8 ноября 1915 года было сформировано Управление делами Их Высочеств Гавриила, Константина и Игоря Константиновичей (РГИА. Ф. 358. Оп. 1. Д. 321. Л. 36–42 об.).

⁶ РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–2 об.

⁷ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 199.

⁸ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 216.

⁹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 239.

¹⁰ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 229.

¹¹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 201.

¹² РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 148–149.

¹³ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 224.

ству храма материально, но и непосредственно активно в нём участвовал.

28 сентября 1916 года после осмотра церкви князя Константин и Игорь Константиновичи внесли в планы её строительства существенные поправки.

Последний документ о строительстве храма в 1916 году датирован 28 ноября. В нём – программа и приблизительная стоимость работ, которые надо произвести, чтобы приготовить церковь к освящению¹.

На заседании строительного комитета 19 января 1917 года из-за нехватки средств было решено исключить из намеченных заказов хохом (500 рублей), крест на престольный заменить более дешёвым (в 250 вместо 700 рублей), а полученную экономию в 950 рублей обратить на заказ басменных² престола и жертвенника, то есть назначить за них не свыше 1450 рублей, а утварь (в 1500 рублей) отложить на 1918 год.

В списке заказов на 1917 год было решено оставить витрину для хранения окровавленной одежды погибшего князя Олега. Строители храма хотели создать не просто «церквушку», а «исторический памятник воинской славы и жертвы Отечеству»³, но осуществить задуманное им не удалось. 20 марта 1917 года Управление делами Их Высочеств князей Константина Константиновича и Игоря Константиновича вынуждено было объявить С. Н. Смирнову, «что ввиду прекращения денежных отпусков князьям, покорнейше прошу Вас временно остановить расходы по постройке храма в Осташёво»⁴. Строительство храма так и не было завершено, и летом 1917 года, как они намеревались, им не удалось перенести тело князя Олега в его усыпальницу.

Несмотря на большие материальные трудности, которые они испытывали при оплате различных счетов по строительству храма в Осташёво, князя Константин и Игорь Константиновичи тем не менее оплачивали много других благотворительных проектов.

В отчёте по первому операционному году Управления делами Их Высочеств князей Гавриила, Константина и Игоря Константиновичей за 1916 год читаем: «...по указанию великой княгини Управлением делами было отослано в Германию и Австрию – 51 один ящик с провизией и подарками для военнопленных, по преимуществу уроженцам Осташёво и окрестных ему мест». В отчёте указывается также на оказание благотворительной помощи служащим Мраморного дворца: «В отчетном году, ввиду сильного вздорожания цен на все жизненные продукты и вообще трудности их приобретения, по указанию <...> Августейших братьев, Управление делами приняло на себя заботу по мере возможности помочь служащим всех званий в получении дешевых и доброкачественных продуктов». Управлению удалось выписать из первых рук и раздать служащим по заготовительным ценам (намного уступающим рыночным) следующие продукты: сахара – 215 пудов, сахарного песка – 78 пудов, макарон I сорта – 15 пудов, картошки – 16 мешков, масла сливочного – 10 пудов 9 фунтов, крупы 47 ½ пудов, мыла 48 пудов и муки пшеничной – 360 пудов.

Кроме того, Его Высочеству князю Константину Константиновичу благоугодно было предоставить не только служащим при Их Высочествах, но и служащим Мраморного дворца получать за минимальную плату лучшего качества молока с собственной фермы Его Высочества, которого доставляется в Мраморный дворец ежедневно по 121 бутылке»⁵.

В смете расходов по Управлению делами Их Высочеств князя Константина Константиновича и князя Игоря Константиновича⁶ на 1917 год предусмотрен раздел «Пособия служащим на воспитание детей» в размере 150 рублей⁷.

Князь Иоанн Константинович не принимал непосредственного участия в строительстве храма-усыпальницы в Осташёво. В это время

¹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 35.

² Басменный – о серебряных церковных вещах: тонкий, листовой. (Даль В. И. . Толковый словарь. Т. 1. С. 52.)

³ РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 62. Л. 3 об.

⁴ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 35.

⁵ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 321. Л. 36–42 об.

⁶ 9 апреля 1917 года после заключения морганатического брака князь Гавриил Константинович выходит из Управления делами августейших братьев. (Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. 2001. С. 300.)

⁷ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 321. Л. 5.

он вместе с дядей, великим князем Дмитрием Константиновичем, был занят устройством в Стрельне подворья Казанской Амвросиевской Шамординской женской пустыни Калужской губернии. Пустынь находилась недалеко от Козельской мужской Оптиной пустыни. Обе пустыни сыграли исключительно важную роль в духовной жизни представителей не только среднего, но и младшего поколения князей Константиновичей.

В Оптиной пустыни духовно окормлялись великие князья Константин Константинович и Дмитрий Константинович, а оптинские старцы молились о молодом князе Иоанне с самого младенчества¹. Вот почему князь Иоанн Константинович несколько лет добивался разрешения на строительство Шамординского подворья в Стрельне².

Великий князь Дмитрий Константинович исходатайствовал высочайшего соизволения государя императора «на отчуждение участка в 1200 сажень»³, который князь пожертвовал названной обители. На отчужденном участке земли (на Петербургском шоссе, напротив Константиновского дворца, на берегу Капустина пруда) планировалось сооружение храма (часовни). Как видно из письма князя Иоанна Константиновича графу М. Е. Нироду от 10 июня 1916 года, он, являясь председателем высочайше учрежденного Комитета по сооружению собора во имя Святой Троицы (на месте сгоревшего собора на Петроградской стороне близ Троицкого моста), ходатайствует о «безвозмездной передаче леса и прочего материала от сгоревшего собора на постройку церкви в Стрельне, основанной, как и Троицкий собор, Императором Петром Великим»⁴.

Осенью 1916 года под руководством председателя Строительного комитета князя Иоанна из Петрограда в Стрельну силами благотворителей, предоставивших безвозмездно барки, пароходы, людей для разборки и погрузки

стройматериалов, были благополучно перевезены остатки Троице-Петровского собора.

Осенью 1916 года преподобный Анатолий Оптинский (младший) приехал в Стрельну на закладку Шамординского подворья. Он же освятил подворье в 1917 году. Подворью было присвоено имя великого князя Дмитрия Константиновича⁵. Есть предположение, что князю Иоанну в строительстве этой церкви помогал брат Константин.

2 апреля 1916 года, перед началом сооружения в Стрельне (очевидно, по поручению брата), князь Константин посетил Оптину пустынь, был он и в скиту, беседовал со старцами и настоятелем обители Исаакием (Бобриковым)⁶.

О высокой духовной мотивации благотворительной деятельности князей Константиновичей в годы Великой войны свидетельствует активное их участие в церковной жизни Петрограда, Павловска, Тярлево-Глазово.

Будущие алапаевские мученики были людьми воцерковленными. Владелец Павловска, князь Иоанн Константинович, как ктитора храма во имя Спасо-Преображения⁷ в годы войны проявлял трогательную заботу о нуждах храма: пожаловал для этой церкви и будущих благотворительных и богоугодных учреждений при ней 1500 сажень земли; к октябрю 1917 года помог храму Спасо-Преображения стать самостоятельным (первоначально он был приписан к Мариинской придворной церкви); подал ходатайство о награждении причтов Мариинской церкви в Павловске и церкви Спасо-Преображения в Тярлево-Глазово.

Как видно из письма графа Фредерикса, это ходатайство было удовлетворено.

«Ваше Высочество,

Государь Император, в 6 день сего мая Всемиловейшее соизволил на пожалование

¹ Ганф Т. И. Новомученик Алапаевский Иоанн Константинович. Материалы к составлению жития.

² По некоторым свидетельствам, с 1 января 1916 года князь Иоанн Константинович был назначен флигель-адъютантом в Ставку Верховного главнокомандующего.

³ РГИА. Ф. 532. Оп. 1. Д. 205.

⁴ РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 85. Л. 14–14 об.

⁵ Ганф Т. И. Шамординское подворье в Стрельне // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 30–31.

⁶ Исаакий (в миру Иван Николаевич Бобриков, 1856–1938), священномученик, настоятель Оптиной пустыни с 1913 года.

⁷ 6 июля 1914 года государь император Николай II «всемиловито соизволил разрешить князю Иоанну Константиновичу принять звание ктитора». (Храм-памятник Спасо-Преображения. Поселок Тярлево. СПб. С. 9.)

поименованным в прилагаемом списке лицам наград <...>. О таковом Всемиловейше пожаловании считаю долгом почтительнейше довести до сведения Вашего Высочества, в дополнение к моему письму от 6 октября 1915 года за № 8644, присовокупить, что пожалованные означенным лицам награды препровождены к заведующему Придворным духовенством, для выдачи по принадлежности.

С глубочайшим высокопочитанием имею честь быть Вашего Высочества преданный слуга граф Фредерикс»¹.

В руководстве строительством мемориального, в память 300-летия дома Романовых, Спасо-Преображенского храма вместе с братом Иоанном принимал участие князь Игорь, ещё в октябре 1912 года назначенный ктиторм церкви Павловского дворца².

В годы войны, несмотря на занятость, он продолжал выполнять обязанности ктитора: к Пасхе 1916 года князь Игорь отпускает 1820 рублей на устройство пасхальной ризницы³ в дворцовой церкви Петра и Павла в Павловске.

А князь Константин Константинович являлся ктиторм собора во имя Святой Живоначальной Троицы лейб-гвардии Измайловского полка в Санкт-Петербурге. Из письма протопресвитера Георгия Шавельского мы узнаём, что «17 мая 1916 года Святейший Правительствующий Синод за особо ревностную службу в должности ктитора благословил Его Высочество иконою Всемиловитого Спаса с выдачей о сем грамоты от Святейшего Синода»⁴.

С апреля 1916 года ревностная служба князя Константина как ктитора заключалась в обустройстве склепа Троицкого (Измайловского) собора. Находясь на фронте, князь Константин стал свидетелем гибели своих боевых товарищей. Лейб-гвардейская пехота уже в осенних боях 1914 года «сгорела, как солома в огне». Фактически к началу 1915 года от гвардейских пехотных полков остались одни лишь названия⁵.

Считается, что кадровое офицерство пехоты за два первых года войны оказалось фактически истреблено. Высокие потери офицерского состава были связаны с представлениями офицерства о долге и месте офицера в бою, побуждавшими проявлять личную храбрость и увлекать своим примером⁶.

Для князя Константина увековечивание памяти об ушедших однополчанам – обустройство склепа, в котором бы покоились их останки, – было делом чести.

Решение об устройстве склепа было принято во время относительного почти 9-месячного затишья на фронтах – вплоть до начала Стоходских боёв в июне 1916 года – когда лейб-гвардии Измайловский полк находился в назначенном ему квартирном районе – деревне Сергеевичи. Тогда был основан особый фонд на устройство и поддержание склепа в полковом Троицком (Измайловском) соборе, где уже покоились многие офицеры, погибшие в боях этой войны⁷.

Ещё в апреле 1915 года великий князь Константин Константинович приглашал инженера-строителя С. Н. Смирнова в Троицкий (Измайловский) собор для обсуждения устройства подвального храма⁸, но скорая кончина великого князя помешала осуществлению проекта.

Князя Константина Константиновича настолько волновала судьба захоронений офицеров-измайловцев, что в духовном завещании, составленном 22 февраля 1917 года и утверждённом императором Николаем II, он написал: «Пустопорожный участок, находящийся в Петроградском уезде, Лесном участке, по Полюстровскому проспекту, мерою в 20.000 кв. саж. завещаю продать, причем полученный от продажи капитал положить на особый текущий счет, проценты от которого должны идти на поддержку склепа при Свято-Троицком Л. Гв. Измайловского полка соборе <...> В случае кон-

¹ РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 77. Л. 9., на л. 10–10 об. – список награждённых.

² РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 48. Л. 3–4.

⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 668. Л. 1–2 об.

⁵ Веремеев Ю. Анатомия армии. Лейб-гвардии Измайловский полк. Ч. II, <http://army.armor.kiev.ua/hist/lg-izmail-2.shtml>

⁶ Гребенкин И. Н. Офицерство российской армии в годы Первой мировой войны. Вопросы истории. 2010. № 2. С. 52–66.

⁷ Генерал-майор Геруа. Боевой и мирный календарь измайловцев с июня 1915 года по июнь 1916. Военно-исторический вестник. С. 32.

⁸ Константиновский дворцово-парковый ансамбль: хроника, материалы, исследования. СПб. С. 166.

чины моей в бою или от ран, полученных в сражениях, завещаю хоронить себя в склепе при Свято-Троицком Л. Гв. Измайловского полка соборе»¹.

Кроме того, в своём завещании князь Константин Константинович написал следующее: «Пустопорожный участок, находящийся в Петроградском уезде, Лесном участке, по Реймеровской улице, мерою в 7000 квадратных сажен завещаю продать и полученный капитал положить на особый текущий счет, проценты от которого шли бы на устройство, поддержку и содержание служащих Трудового Инвалидного дома при Троицком лейб-гвардии Измайловского полка соборе»².

Больших затрат требовало также попечение о благотворительных организациях, доставшихся князьям Константиновичам от родителей, а также совместные с родителями новые благотворительные проекты, такие как:

- закладка, создание и открытие двухклассного училища памяти князя Олега в Осташёво (с 6 июля 1915 года)³;

- попечительство о детских яслях при Осташёвской больнице⁴;

- попечительство о Гаршинской земской школе Можайского уезда (с 12 марта 1914 года)⁵;

- устройство во исполнение желания князя Олега Народного дома в Осташёво;

- участие в деятельности состоящего под августейшим покровительством государыни императрицы Александры Фёдоровны Попечительства Императорского человеколюбивого общества для сбора пожертвований на ремесленное образование бедных детей (за эту деятельность князь Константин Константинович получил свидетельство, дающее

право на ношение золотого жетона, установленного для жертвователей означенного попечительства)⁶.

Воинское служение князей Константиновичей продолжалось их участием в создании и работе Всероссийского союза деятелей по увековечиванию памяти героев войны и устройству школ-приютов для сирот павших воинов в память князя Олега Константиновича⁷. На торжественном заседании Главного совета союза 16 сентября 1916 года было принято высочайшее соизволение на принятие на себя почётного членства в этой организации.

Князья Константиновичи более года, вплоть до начала революционных событий в России, решали вместе с другими членами этой крупнейшей благотворительной организации многочисленные задачи:

- сбор сведений о павших;
- увековечивание имён павших вне зависимости от вероисповедания;
- установление и благоустройство мест захоронений;
- перенесение праха по мере надобности;
- совершение панихид на месте захоронения воинов;
- сооружение памятников и храмов⁸.

Подводя итог этого небольшого обзора благих дел князей Константиновичей в 1914–1917 годах, можно сказать, что их участие в благотворительной деятельности и через столетие вызывает к нашей человеческой и христианской совести, служит нам и примером, и уроком.

Людмила ЮГОВА,
исследователь, автор книг
«Благочестивые Константиновичи»
и *«Русский след на Святой земле»*

¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1078. Л. 1–2 об.

² Там же.

³ Иллюстрированный художественно-литературный журнал «Искры». 1915. № 28. С. 224.

⁴ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 417.

⁵ Ганф Т. И. Новомученик Алапаевский Игорь Константинович. СПб., 2011. С. 294.

⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 664.

⁷ РГИА. Ф. 771. Оп. 1. Л. 1.

⁸ Сенина М. А. Благотворительность власти и общества: деятельность великих князей Романовых в Петрограде и на фронте (июль 1914 – февраль 1917). Автореферат. СПб., 2010. С. 20.

Поговорим о странностях любви

М. ПРИШВИН И ЛЯЛЯ

Михаил Михайлович Пришвин всю жизнь писал евангелие от Природы. Кроме той самой любви, которая возгревала его дар, а это была любовь соощущений, у него была своя редкая история большого и одухотворённого чувства.

Любовью М. Пришвина была его жена Валерия Дмитриевна. А путь к ней вёл долгий. Встретились они, когда ему было уже 60 лет.

Тогда и случилось самое главное в его жизни. И это называется «равновесие». Равновесие коромысла, на котором крепятся два ведра, полные воды.

Природа уравнилась искомой духовностью.

Валерия Дмитриевна, которую он называл Ляля или Денёк, в юности полюбила прекрасного человека. Его звали Олег. Любовь их была взаимной и сочеталась в христианских идеалах и богоискательстве.

Олег был одарённый, избранный человек, потому и чувства играли большую музыку. Но все они переплавились в поиск им Пути, в антроподицею.

Время было суровое, сразу после революции. Олег ушёл искать ответы на свои вопросы к редким тогда старцам – в горы Красной Поляны, что близ Сочи. О старцах, скрывавшихся в горах в советское время, есть книга о. В. Свенцицкого «Граждане Неба».

Старец, к которому пришёл Олег, принял его сразу. В ученики. Это исключительный случай. Через год он его рукоположил. А потом они оба были арестованы и убиты чекистами.

Олег писал Валерии Дмитриевне, проходя духовное ученичество. И это не могло не влиять на её душевный строй. Это была как бы планка высочайшая. И потому она искала любовь, но такую, которая была бы не ниже, не хуже того, что у неё было в сердце.

М. Пришвин, переживший в молодости грустную историю безответной влюблённости, окончившуюся в Париже, вернулся в Россию, стал писать, зарабатывать на жизнь и уходить в лес... Женится на «Павловне», как говорят источники, безграмотной крестьянке, родилось два сына, купил ей дом, корову. А внутренне подспудно шёл поиск, такой зов, что в дневниках восклицал: «...неужели никогда не встречу ТУ единственную, которую?!»

И встретил. А она не абы как пошла за известного писателя, лауреата Сталинской премии с квартирой в Лаврушинском, а ещё и вглядываясь пристально: тот ли? Достоин ли он её?

Оба – абсолютно целомудренные люди. Это какой-то апофеоз непогрешимости.

Потому и дневники М. Пришвина с приходом в его жизнь Ляли становятся откровением, сочетающимся с драгоценной интимностью, именно – соощутительной интимностью, и полны редких метафор. Например, «весна света», «весна воды», «весна не одетая» – всё разные грани природы.

А как прекрасна книга Валерии Дмитриевны «Невидимый град», где только о любви и о страшном времени. Очень драгоценная книга.

Редкость тут ещё и то, что взаимное чувство строится, прямо создается, как церковь, причём оба не были сугубо церковными людьми, но в том, как жили, были... религиозными.

Любовь, по М. Пришвину, – родственное отношение к миру, «выход одинокому в люди». И ВНИМАНИЕ как «основной питательный орган души». И «всеобщее дарование».

«Начало любви – во внимании, потом в избрании, потом в достижении, потому что любовь без дела мертва».

Любая страница его дневниковой прозы («Дневник любви», 1940) – открыть наудачу – ЛЮБАЯ! – открытие, когда можно услышать вместе с ним, как лопается почка, и узнать, как светятся глаза собаки, которая только что родила щенков и кормит их, что такое шишига (сухая чёрная веточка в виде чёртика), как существует на одной травинке и спелая ягода земляники, и белый цветочек её.

Это большая животворящая история чувства природных людей. История ЛАДА. Всё – жизненная сила.

А какая поэзия в описании собак пришвинских! Любимейших животных. Умных и талантливых. Охотничья собака по цене коровы. Богатство. Взаимоотношения с ними – такая многогранная игра, общение, обучение, в котором и человек учится кое-чему!

И что отрадно – никто никого не использует.

Можно думать, что то, о чём пишет Пришвин, было, да прошло. Но это не так. Для кого-то это и не пришло ещё. И любовь такая не случилась. И собака не стала другом в пути.

И лес не раскрылся до душевного восторга, до молчаливой ответственности. И один человек не увидел душу другого человека В ОБРАЗАХ ПРИРОДЫ. И значит, не стал бессмертным.

Михаил Михайлович обогнал наше время. Он ушёл в то, как должно быть, как... два ведра воды на коромысле, живой воды, из глаз земли – слёзки...

По сути, завет Пришвина – это найти своё счастье ВНУТРЕННЕГО ПОРЯДКА, от которого может произрасти и внешний порядок. Но это тайна художника. И Судьбы.

«То место, где я стою, – единственное, тут я всё занимаю, и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут и не поймут, из-за чего я на нём бился, за что стоял».

А вот такова тайна женской любви: «Женщина знает, что любить – это стоит всей жизни, и оттого боится и бежит. Не стоит догонять её – так не возьмёшь: новая женщина цену себе знает».

Если же нужно взять её, то докажи, что за тебя стоит отдать свою жизнь».

ПУЩИН

Иван Иванович (Большой Жанно) – был совершенно замечательный человек. Он имел СЧАСТЛИВЫЙ НРАВ и СВЕТЛЫЙ УМ, т. е. полную доброжелательность к окружающим, а также некое внутреннее благо равновесия. Причём с детства.

Семья была многодетная, предки высокородные (дед – адмирал с «Андреем Первозванным», отец – генерал). Всего детей было 11, и отношения в доме были хорошие. Только мать болела душевным расстройством.

Жанно отправили в Царский лицей, где он стал учиться наукам, рассуждать о правах людей и благосостоянии. Учился не «так себе», а очень хорошо, первых мест не хватало только из-за скромности.

Иван Иванович Пущин

Наталья Дмитриевна Фонвизина

Из стен лицея он вынес дух товарищества и дружеские связи. Пушкин стал его другом с 11 лет, а это уже целый мир. Этот мир поэт потом назовёт так: «Мой первый друг, мой друг бесценный!»

После лицея он поступил в лейб-гвардию Конной артиллерии, а потом бросил армейскую службу и стал... судьёй Судебной палаты.

Человек, принадлежавший к высшему свету, но занимающийся юридической практикой, – это был нонсенс, хоть и имел под собой идею: поднять службу до своего общественного статуса.

В это же время начинается «декабризм». А как иначе, когда «злой порядок вещей» и «надо что-то делать, господа!» ЧТО? Фер-то ке? Пишут КОНСТИТУЦИЮ! О! Лунин о цареубийстве. Страшно!

Но все отважные, просвещённые, успешные. Идеи благородные. Красивые. «Звезда пленительного счастья!»

Вот так и подкатило 14 декабря, когда пришёл наш Жанно на площадь с другом, а там

никого нет. И долго они ходили, продрогли, вернулись домой. Потом снова пошли. И только тогда там начала разворачиваться эта драма. Это соблазнение малых, что «убьём царя» и сразу всем счастье большое и просвещённая республика («братья меч отдадут»).

Всё вышло мучительно. Иван Иванович был взят под стражу 16 декабря (а мог убежать, ему лицейский друг Горчаков паспорт предлагал и содействие, но он остался. И сел в одиночку Петропавловской крепости, где через стенку перестукивался с Бестужевым).

Вёл себя на допросах достойно, лишнего не сказал (у него самые маленькие протоколы). «Не проявил участия ни в заговоре, ни в самом бунте, а приобрел черты декабристской святости» (Гастфрейнд).

И получил сначала «смертную казнь», а потом каторгу бессрочную, а уже потом «поминывали» до 20 лет в Сибири. А ему было только 27 лет.

Пущин в Сибири был своего рода центром, куда стягивались нитки информации и деньги.

Ибо жили они общим финансовым «котлом», которым и распоряжался наш Иван Иванович. А письма на почтовых в Сибири идут долго. Потому писать надо постоянно. Тысячи писем написал он, соединяя товарищей и поддерживая их в трудную и крайнюю минуту. Не только словом, но и делом.

Его переписка в Сибири огромная, и надо сказать, что чувство юмора, лёгкость пера – это не самое основное. Самое основное – понимать бытовую сторону жизни, но не до смерти на неё обращать внимание, искренне сочувствовать окружающим. И кстати, он ещё учительствовал там.

В 40 лет он стал отцом, хотя в браке и не состоял. Признал дочку Аннушку. Опекал её.

Иван Иванович был очень хорош собой, возможно, мать Аннушки влюбилась, а он не смог отказать. (Есть такой тип мужчин – «пожалел...») Потому что ровно через 6 лет история повторяется. В дом приезжает истерическая вдова Кюхельбекера, и случилось то, что случилось: она забеременела и родила мальчика Ванечку! А сама уехала к родителям, в Сибирь. Грудной Ванечка остался с Пушковым. Вот только записать его на имя отца было нельзя. Существовал специальный закон про детей декабристов.

Пушкин свою дочку и сына любил и много усилий положил, чтобы выучить, хотя воспитывать в полной мере не мог. Они даже папой его не могли называть, а только дядей. К тому же он был небогат и постоянно болел.

В 30-х годах в Сибири он сближается с семьёй генерала Фонвизина и его женой Натальей Дмитриевной. Они находились в постоянной переписке и иногда навещали друг друга. Наталья Дмитриевна – умная, активная, но невероятно романтическая – считала себя прообразом пушкинской Татьяны. Потому что эту историю (про неё!) рассказал Пушкину, как ни странно, сам Пушкин. А именно: сюжет с письмом человеку, в которого она влюбилась, отказ из-за бедности, затем замужество (генерал!), встреча на балу с «обидчиком». Ну и её ответ. Правда, Наталья Дмитриевна мужа всё-таки любила, детей от него рожала. Но вот втемя-

шилось ей в голову, что она и есть Татьяна Дмитриевна Ларина. И письма к Пушкину она подписывала «Таня». Ну и он в эту игру играл либо был уверен, что «буду век ему верна» – это про неё.

Когда истёк срок поселения (и муж Фонвизин умер), то она практически сама сделала Пушкину предложение. Так состоялся их брак. Думается, что по любви. Иван Иванович не стал бы из-за комфорта и богатства жениться. Не тот случай. Наталья Дмитриевна – надёжный друг, нежный, а он это ценил, хоть она детей его и не любила.

А в чём же «странность любви», спросят меня. В переписке Пушкина есть несколько коротеньких записок, где он просит отыскать дочку Рылеева, казнённого поэта и декабриста, которого он вовлёк в общество.

Зачем ему Настенька Рылеева? Оказывается, он занял у её отца деньги и искал дочь, чтобы отдать. Через 30 лет. И отдал. И вся странность его любви в этом случае – в благородстве отношений. Потому и было у него в ссылке прозвание «Маремьяна-старица обо всех печалится».

Но если вчитаться в его «Записки о Пушкине», то там и есть искры настоящей любви.

Вот он едет к другу в Михайловское, лошадь по брюхо в снегу, ящик аж свалился, заезжает во двор неубранный, Пушкин выскакивает в рубашке на крыльцо, начинают обнимать друг друга: один в шубе заледеневшей, другой в исподнем практически. И такая радость!!! И читает Пушкин в первый раз «Горе от ума», и говорит, что Чацкий неумён, а Грибоедов очень умён... И они счастливы.

И вот в ссылке привозят послание Поэта любимому Жанно:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

Татьяна ОСИНЦЕВА

НА ПАНЕЛИ

Лида с удовольствием потянулась в кровати. Сегодня долгожданный выходной. Не нужно никуда спешить и можно немного полениться, а уж потом приступить к делам, которые скопились за неделю.

Но стоило вспомнить о них, как «сей длинный выводок, сей поезд журавлиный» своим тяжким грохотом развеял ощущение беззаботности и томную негу. Лида с сожалением отбросила одеяло и пошла в ванную. Долго плескалась, а потом, освежённая и душистая, вошла на кухню, смолочила свежий кофе и всыпала в любимую турку. Уже начала подниматься чёрная блестящая пена и чудесный аромат защекотал обоняние, поплыл манким облаком...

Первым на это отреагировал телефон вежливым мужским голосом.

– Здравствуйте, у вас есть шиншиллы?

О да. «Их есть у меня!» У неё есть шиншиллы. Целый питомник шиншилл. Хотя начиналась эта история, как водится, с одной пушистой, невероятно милой зверушки. Но через несколько лет Лидино увлечение переросло в серьёзное основательное предприятие с капитальными вложениями и безнадёжной попыткой самоокупаемости.

Благодаря им она открыла столько нового в себе и людях! Вышла за зону комфорта, а там совершенно новые формы жизни. Обрела такие знания, умения и навыки, о которых раньше не подозревала...

Доска «пятёрка» сгрызается за полгода, а если взять обрезную аккуратную «дюймовку», то месяца через три пушистые зубастики изведут её на вологодские кружева... И тогда – благо рынок стройматериалов в шаговой доступности – шуруповёрт в руки – и вперёд.

Стеклянные дверцы витрин, которые периодически неизвестно почему разбиваются, заказать можно в стеклорезке, которая располагается в одном из гаражей в начале Архирейской рощи...

На внутренней стороне двери в шиншиллью комнату, бывшую раньше Лидиным кабинетом, висят листы с проверенными схемами успешного лечения инсульта, поноса и лишая.

Про горы разнокалиберных шприцов, медикаментов и средств обработки редкие гости спорят до хрипоты и на деньги: на что больше похожа Лида квартира – притон или реанимацию?

Реализация шиншиллы – результат удачной фотосессии, тонкой дипломатии и цыганского гипноза. Передать прелесть движений шиншиллы посредством фотографии – йога чистой воды. За один час работы сбрасывается три килограмма, в основном за счёт нервных клеток.

А генетика? Определённо шаманство, а не наука. Как иначе относиться к выкладкам по прогнозируемым окрасам будущих щенков от одной пары: 75% одного окраса, 25% другого, 15% третьего... Если бы их и рождалось столько, как и процентов, – сто, так нет – один, два, максимум трое. Вот и радуйся...

Но этой весной шиншиллы подарили Лиде целый детский сад! В каждой витрине шустро прыгали и попискивали пушистые комочки. Малыши подрастали, и уже настала пора искать для них новых заботливых владельцев. Поэтому Лиду воодушевил вопрос позвонившего незнакомца, и она обрадованно закивала:

– Да-да, есть. А кого вы хотели бы: мальчика, девочку, может быть, вам парочку подобрать? Какого окраса?

Мужчина чуть замялся:

– Ни то и ни другое. А можно ли у вас попросить шиншилльих какашек?

– ...В смысле? И использованные опилки, на удобрение?

– Нет. Самые свежие какашки, не старше двух часов.

– Зачем?

– Да я это... экскремент хочу сделать!

Лида разочарованно нажала отбой. Обернулась к плите. Конечно же, кофе сбежал, всё надо отмыть. Чёрт бы побрал таких шутников! А голос такой приятный показался вначале...

Оставшегося напитка хватило на половину чашки. Обидно, конечно, ну ладно... «Не испортят нам обедни злые происки врагов!» – бодро пропела Лида, добавив в кофе ложечку сгущённого молока, и сделала глоток.

Звонок раздался снова. И вновь обладатель сочного баритона:

– Извините, пожалуйста, за неудачную шутку. Ваш телефон нам дала ветеринар Ирина Сергеевна. У меня тоже есть шиншиллы, точнее одна. Она заболела, и вот ничем не можем остановить понос.

Лида не удержалась, съязвила:

– И что, вы хотите своей шиншилле показать правильные какашки?

– Я каждый день полки драю, утром и вечером. Всё размазано, Шуша грустная, грязная, похудела... И запах такой отвратительный...

Лида закашлялась и бухнула чашку об стол. А трубка тем временем расстроено продолжала:

– А Ирина Сергеевна сказала нам, что есть такой способ: взять помёт от здоровой шиншиллы, развести водой и выпаивать больную до восстановления микрофлоры. Ещё раз извините, надо было сразу сказать! Я могу прямо сейчас подъехать, только скажите куда. Пожалуйста, помогите, поделитесь...

Лида вздохнула. Отказать в спасении незнакомой, но страдающей зверушки она не смогла бы. Договорились встретиться на остановке возле её дома. И только положив трубку, Лида вспомнила, что не спросила ни имени его, ни как они узнают друг друга.

Решив, что на месте видно будет, она взяла совок со щёткой и пошла к витринам. Смела с полок свежие шиншилльи болюсы, ссыпала их в небольшой пакетик с zip-замком и отправилась на встречу.

В тени старых тополей на тротуаре рядом с остановкой примостился стихийный базарчик. Жители ближайших домов называют его «Панель». Здесь разнокалиберные старушки бойко

торгуют «с земли» дарами садов, огородов и оптовой овощной базы, разложив свои товары на клеёнках, картонках и деревянных ящиках.

Постоянных торговков две. Первую зовут «Красная Шапочка», у которой в корзинке вместо пирожков утрамбованы пластиковые стаканчики с малиной. Это её специализация и монополия. Однажды, обнаружив у какой-то случайной дачницы аналогичный товар, Красная Шапочка злобно выкатила налившиеся кровью глаза и заорала на всю улицу:

– Я в войну партизанкой была! В болоте с головой часами сидела, через камышину дышала, всё здоровье растеряла! А ты меня копейки трудовой пришла лишать со своей малиной краденой! Лазишь по чужим дачам, а потом сюда несёшь, спекулянтка! Да чтоб у тебя и у детей твоих...

Перепуганная женщина, сначала пытавшаяся робко возражать, не выдержала потока матерной брани, угроз и проклятий. Она подхватила свои ведёрки, отошла и села в одиночестве по другую сторону дороги. А Красная Шапочка с волчьей свирепостью продолжала бушевать до самого вечера, то бормоча, то выкрикивая всяческие непотребства, от которых проходящие мимо люди вздрагивали и шарахались.

Рядом с Красной Шапочкой обычно сидела вторая старожилка – согнутая в дугу старушонка Божий Одуванчик в чёрной затёртой плюшевой шубейке, с костылём и палкой. Лида не раз видела, как по утрам она, кренясь из стороны в сторону, ковыляла в стоптанных войлочных сапогах на Панель. А потом дети подвозили ей ящики с помидорами и огурцами. Одуванчик, поплевав на свои крючковатые пальцы, раскладывала их в небольшие кучки по три штучки.

– Это точно домашние? Мне для ребёнка надо, – глядя на крупные, идеально ровные, глянцевые помидоры, наивно попыталась какая-нибудь молодая женщина.

Маленькое сморщенное личико Божьего Одуванчика расплывалось в благостной елейной улыбке:

– Свои, деточка, с огорода, час назад на грядке ещё росли...

Людмила БРАГИНА

Людмила Петровна Брагина родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета.

Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г.) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея.

Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012).

Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

Автор поэтических книг: «Чистый звук» (1993), «Дождь снов» (1995), «Белый налив» (1997), «Найди меня, ветер» (2004), сборника песен «Защити меня, любовь» (2001). Являлась редактором-составителем сборника произведений для детей писателей Белогорья (2014), коллективного сборника «Серебряный браслет» (2021).

Пряча полученные деньги в кошелёк, её высохшие когтистые руки начинали дрожать, выдавая истинные чувства.

Остальные труженицы Панели были эпизодические, хмурые или чрезмерно угодливые, невзрачной и неказистой внешности, в затрапезных кофтах и юбках тёмных тонов.

Иногда по вечерам появлялась пожилая круглолицая румяная женщина в кокетливой белой кружевной шляпке. Её импровизированная витрина из табуретки и ящика отличалась разнообразием. Здесь было всего понемножку: кудрявые душистые пучки укропа и петрушки, тёмно-зелёные бархатные букетики молодой крапивы, сезонные овощи, фрукты, полевые и садовые цветы.

Однажды, по пути на дачу через луг, Лида встретила Кружевную Шляпку. Они поздоровались и разговорились. Выяснилось, что они почти соседки по дачам. Но Лида выбиралась сюда очень редко, а Кружевная Шляпка регулярно приезжает на дачу первым автобусом и не спеша, по утреннему холодку, трудится на своих грядках. Она оказалась ещё и полной тёзкой – Лидией Александровной – и на пенсии встаёт по-прежнему так же рано, как раньше на службу. Днём, после трудов праведных, её забирает на машине дочь. Пообедав и немножко отдохнув, Лидия Александровна нагружает тележку дачной продукцией и отправляется на Панель.

– А что за служба? – поинтересовалась Лида.

– Военная. Дослужилась в войсках связи до майора. А потом после смерти мужа у меня инсульт случился, и комиссовалась по болезни.

– Так а зачем вам торговать, военная пенсия разве не позволяет?

– Пенсия хорошая, но дома сидеть тоскливо, дочка своей семьёй живёт. Вот иной раз парадку надену и выйду на людей посмотреть, словом перекинуться.

Обитательницы Панели с хищным вниманием встречали подъезжающие автобусы и синхронно провожали цепкими взглядами каждого проходящего мимо потенциального покупателя, не забывая при этом отслеживать

успехи и считать доходы у коллег-конкурентов. Окликать клиентов и сманивать их друг у друга было не принято. За это немедленно следовала разборка с проработкой.

Продираясь через строй красноречиво молчащих торговков, как сквозь заросли шиповника, Лида высматривала своего таинственного адресата.

На остановке стояли несколько женщин и всего один мужчина средних лет неброской наружности. Лида сначала обрадовалась этому и направилась к нему, но в паре метров остановилась в нерешительности. Может быть, он ещё не подъехал? Так запросто подойти к незнакомцу со своим «волшебным снадобьем» она не могла. Не сводя глаз с мужчины, она осторожно достала из кармана пакетик, покрутила его в руках и мгновенно ощутила на себе несколько косых, удивлённых и даже недобрых взглядов. А мужичок тупо смотрел на неё в упор и молчал.

– Ещё раз здравствуйте! – раздался за спиной взволнованный радостный голос. Перед Лидой стоял высокий светловолосый мужчина ярко выраженного скандинавского типа, с голосом, как у диктора ночных передач. Он широко улыбался. Потом быстро наклонился к Лидиному уху и заговорщицки шепнул:

– Лекарство принесли?

Лида смутилась и почувствовала, как вспыхнули щёки.

– Выбрала самые красивые! Пусть ваша Шуша поскорее выздоравливает! – Она протянула пакетик и неожиданно почувствовала, как в её ладонь легла большая шоколадка.

– Да не стоит, это ж неравноценный обмен!

– Очень даже стоит. Ведь шоколад тоже считается лекарством – от плохого настроения. Не обижайтесь на меня, ладно?

Следующие пару дней Лида нет-нет да и возвращалась мыслями к забавному эпизоду, вспоминая, что имени нового знакомого так и не спросила. Но потом, в круговерти каждодневных забот и событий, она, казалось, и вовсе забыла об этой встрече.

Что-то похожее на дежавю она испытала, когда ровно через неделю солнечным суббот-

ним утром на экране смартфона высветился смутно знакомый номер. И снова девушка удивилась богатству оттенков голоса, ярко и зримо передающих эмоции их хозяина.

– Здравствуйте, Лида! А у нас дела получше... Какашки хоть и мягкие, блестящие, но уже без гнилостного запаха! Ещё надо вашего целебного средства!

Лида попыталась отпить глоток и поперхнулась. Кофе загорчил во рту. Шоколадку пришлось отложить до лучших времён. «Это ж надо уметь так всё испортить! Как он чувствует, когда я за стол сажусь? Пользуется моей добротой...» – пробурчала она про себя, но уже почему-то не очень сердито.

Не найдя пакетиков, оторвала кусок фольги, свернула из него кулёчек и пошла к витринам с шиншиллами. Смела новую дозу «лекарства», завернула и, чуть задержавшись у зеркала, тщательно причесалась.

На Панели утреннее торжественное построение. Все в сборе. Бабушка-майор, Кружевная Шляпка, тоже щебечет с какой-то покупательницей. Но, едва завидев Лиду, она оборвала разговор и незаметным жестом поманила её в сторону.

Отойдя под дерево, сразу после «здрасьте» быстрым шёпотом, оглядываясь на своих товарок, начала:

– Лида! Конечно, это не моё дело, но вы бы в другом месте встречались.

– А что такое?

– Тут некоторые, – лёгкий кивок головы в сторону Панели, – собрались участкового вызывать...

– Да что случилось, наконец? При чём тут участковый?

– Моё дело предупредить, а что вы там в маленьких пакетиках выносите и кому передаёте, того мне и даром не надо.

Она улыбнулась и энергично вернулась на своё рабочее место.

– Доброе утро, Лидочка! А я в деревне был и кое-что вам привёз, – вывел Лиду из состояния соляного столба жизнерадостный голос, обладатель которого протягивал ей пакет с какими-то деревяшечками. – То есть вашим шиншиллам. Веточек вот нарезал берёзовых,

грушевых, ореховых. Шуша больше всего яблоневые грызть любит, ваши, наверное, тоже, я их побольше положил...

Она машинально отдала ему кулёчек из фольги, обрадованно потянулась за пакетом, но тотчас отдёргнула руку.

– Послушайте, я даже не знаю, как вас зовут, но, похоже, мы по одной статье срок мотать будем...

Незнакомец хлопнул ладонью себя по лбу:

– Вот я валенок! Вадим. – Он сделал лёгкий поклон и весело подмигнул. – А что планируется такое криминальное? Расскажите! Мне, может, подготовиться надо...

Краем глаза Лида успела заметить подозрительную активность в овощном ряду, и, каким-то шестым чувством почуяв угрозу, она аккуратно взяла Вадима за рукав и тихонько потянула прочь от остановки.

– Да не планируется, а уже совершилось. Записали нас в наркодилеры! – на ходу принялась рассказывать Лида.

Вадим остановился и ошарашенно уставился на неё.

– Кто?

– Ну тут у нас, на Панели, – Лида махнула рукой на бабок, сидящих перед остановкой.

– Хм! – И вдруг смех накрыл его так, что слёзы брызнули из глаз. Он хохотал на всю улицу, порозовев до корней своих золотисто-пшеничных волос.

– Всё это было бы смешно, конечно...

– Но живыми мы им не сдадимся! Я дам вам парабеллум. Мы будем отходить в горы. Я знаю здесь рядышком кофейню, там мегаклассный кофе варят на 100% колумбийской арабике. Мне очень хочется вас угостить! Говорят же, хороший колумбийский кофе – это просто плохой колумбийский кокаин. – Он снова прыснул от смеха. – И раз уже мы с вами подельники и соучастники, обсудим, что с этими бдительными путанами делать.

Лида не относилась к кофейным наци. Куда больший интерес у неё вызывали интерьеры, оформление, атмосфера места.

Кофейня «Диск» находилась всего одной улицей выше, в пяти минутах ходьбы от её

дома. Странно, но Лида раньше здесь никогда не была.

Вадим распахнул перед ней большую стеклянную дверь, и девушка почувствовала густой обволакивающий аромат кофе, смешанный с аппетитным запахом свежей выпечки, что сразу расположило Лиду к этому заведению. Уютную атмосферу создавало мягкое тёплое освещение. Посетителей в зале было немного – парочка влюблённых, воркующих в дальнем углу, и две девушки.

Пройдя мимо высоких деревянных столов и стульев с коваными ножками, Лида направилась к тёмно-синему велюровому дивану, над которым на стене была прибитая лёгкая полочка, украшенная виниловыми пластинками. Она удобно расположилась, подложив под спину две маленькие чёрно-белые подушки с геометрическими узорами. Вадим сел напротив в серое мягкое кресло.

Лида огляделась и отметила сразу несколько по-домашнему уютных уголков. Рядом с барной стойкой обнаружился старинный, но работающий проигрыватель, из которого доносились тихая музыка с характерным шипением и потрескиванием.

Два лёгких удобных стула и широкая деревянная столешница у большого окна, слева небольшая стопка книг, справа неброский цветок с тёмно-зелёными плотными листьями. Здесь хорошо сидеть, смотреть на улицу и думать, а потом достать из сумочки нетбук и писать... Она решила, что придёт сюда ещё с подружкой или даже одна.

Приветливый бариста принёс кофейную и чайную карты. Лида улыбнулась ему, и вдруг ей в голову пришла мысль. Прощебетав комплимент о том, что настоящий профессионал умеет приготовить десятки видов эспрессо и кофейных напитков, она покосилась на Вадима и невинно спросила:

– А копи-лювак у вас есть?

– Да откуда? Он сто долларов за чашку стоит! Вы у нас первая его спрашиваете.

Вадим поспешно вмешался:

– Не проблема, принесите, раз гостя заказала!

Бариста смутился:

– Да нет его у нас. За ним в Лондон или Париж ехать надо, в крайнем случае в Москву...

Вадим удивлённо спросил:

– А что это за сорт такой?

Лида повернулась к нему:

– Давайте закажем лавандовый раф с шоколадными маффинами, а про копи-лювак я вам расскажу. – И улыбнулась краешками губ.

Вскоре на столике появились два стеклянных бокала, в которых пенился воздушным облачком кофе со взбитыми сливками нежно-сиреневого оттенка. И как только Вадим взял свой бокал за ручку и поднёс к губам, Лида, пристально глядя ему в глаза, произнесла чуть замедленным, загадочным голосом:

– Вы попросили рассказать про копи-лювак, так вот...

И сделала интригующую паузу.

Вадим сделал глоток, подался вперёд, подперев кулаком подбородок, и выразил готовность слушать.

– Да, Лидочка, что это за кофе, отчего он такой дорогой?

Многообещающе улыбнувшись, как можно более проникновенным голосом, каким рассказывают волшебную сказку, Лида начала:

– Живёт на острове Суматра такая маленькая серая зверушка с грустными глазами – лювак, это по-индонезийски. Двоюродная сестричка куны и кошачьим, её ещё называют пальмовая куница, циветта и мусанг.

Днём она спит на деревьях, а ночью охотится. Она, в принципе, всеядная, поэтому, если никого не поймает, с удовольствием ест свежие и спелые кофейные ягоды в лесу или на плантациях...

– И почему она грустит, эта милая зверушка?

– Из-за людей, конечно. Только им могло прийти в голову ковыряться в фекалиях этого бедного мусанга...

– Зачем? – Вадима передёрнуло, и он нахмурился.

– Зверёк свою территорию пометил, а люди увидели на земле кучки спрессованных кофейных зёрен, и самый рачительный решил собрать, отмыть, обжарить, перемолоть...

– Лида, только не говорите, что это...

– Именно это! Пищевые ферменты в желедке у мусангов придают потом этому чудо-напитку «карамельный», «цветочный», «сливочный», «шоколадный» оттенок. Это очень тяжёлый ручной труд – сборщики испражнений к концу дня с ног валяются, а ещё ж надо сортировать, мыть, сушить... Вот и дорого, конечно. Да если бы ещё только это. Как прибыль первая появилась, стали охотиться на этих бедолаг-мусангов. В клетках насильно кофе закармливать, чтобы побольше экскрементов получить. А они в неволе не размножаются. Замучают, новых ловят...

– Лидочка, а зачем он вам? Как можно это вообще пить, это извращение?!

– Советуют медленно – чтобы прочувствовать вкус и запах. Заедать конфетами не стоит.

Здесь Лида добавила в интонацию ещё больше певучести.

– А в Австралии есть «обезьяний кофе». А ещё слоны. Но это уже в Таиланде. Там слонам 100% арабику скамливают, а дальше так же, как и с люваком, только, наверное, ведрами собирают... Сорт называется Black Ivory («черный бивень»). Ароматный, без горечи.

Лида допила свой кофе. Вадим в прострации устался в окно.

За большим витринным стеклом неожиданно появилась фигура полицейского.казалось, он смотрел через него внутрь, как в аквариум, выбирая нужную рыбку.

Лида удивилась, вспомнила утреннее предупреждение и замерла. «Неужели?! Не гляди», – молил её какой-то внутренний голос, в котором отчётливо слышался жалобный всхлип философа Хомы Брута.

Лида опустила глаза. И тут же, против своего желания, не вытерпела и глянула. И как загипнотизированная стала считать звёздочки на синих погонах. По четыре. На каждом плече.

Капитан полиции вошел в кофейню. Зорко оглядел зал и сел за соседний столик, перекрыв дорогу к выходу.

Вадим, не отрывая от него застывшего взгляда, как в замедленной съёмке, достал из кармана свёрточек из фольги, развернул и

высыпал содержимое в кофе. Потом ложечкой размешал напиток и отхлебнул...

На вскрик девушки обернулись все, кто находился в зале. Капитан плакатно улыбнулся, многозначительно поиграв бровями: «Мы поможем – мы всё время на посту»...

Вадим криво усмехнулся и допил кофе.

– А говорили, что нет у них такого сорта...

Лида выбежала из кафе.

Утром, хмурая и невыставшаяся, Лида рассеянно смахивала щёткой мусор с полочек витрин и перебирала варианты ответов на вопросы, которые полночи донимали её хуже комариного писка. Перед глазами стояло отчаянное лицо Вадима. Что его заставило это сделать? Неужели он такой трус? А может, и с собой что-то было? И если бы их забрали, то это обнаружилось... Но он вроде не похож на наркомана. Нет, не похож, совсем! А вдруг он барыга... Хватит. Это нужно выяснить. Была не была! И она набрала номер:

– Привет, как самочувствие Шуши? А ваше? Я тут с утра уборкой занимаюсь, никому ничего не нужно, для профилактики?

Вадим ответил сразу бодро и бархатно:

– Лидочка, привет! А я как раз собрался вас набрать, хочу в гости пригласить. Я жене рассказал о нашем вчерашнем приключении, мы смеялись весь вечер. Она в честь спасительницы нашей Шуши такой пирог испекла вку-у-усный. Чаю попью, познакомитесь поближе. Да и свою подопечную проведаете.

Упс! Жена. Лида слегка растерялась. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо. Да, точно хорошо.

– Во сколько вас встретить?

Лида прикинула, сколько ей нужно на сборы, и решила не откладывать на поздний час. Договорились встретиться на прежнем месте в полдень.

Когда она надевала выходное платье, в голову пришла неожиданная и очень тревожная мысль: а вдруг никакой жены нет? И пирога тоже нет?! Или так: жена, может быть, и есть, но дома ли она? Вдруг это только усыпляющая бдительность уловка? Ведь она ровным счётом ничего о нём не знает. Может быть, его и зовут по-другому, и шиншилла была поводом, чтобы...

Чтобы что? Лида почувствовала такую сильную слабость, что даже присела на стул и задымалась.

Вот как она так опрометчиво согласилась пойти в неизвестно какие гости? А если он псих, маньяк, преступник? Конечно, он не похож, но кто из известных потрошителей был похож? Все эти свирепые и кровожадные душегубы жили среди нас и считались хорошими соседями, уважаемыми и преуспевающими людьми. А Чикатило вообще филфак окончил...

К лешему платью, только джинсы. Хотя разве кого-то спасали джинсы? Может, не идти никуда? У Лиды пересохло во рту.

«Общение с людьми совращает к самоанализу» – вспомнилось из любимого Кафки. И правда, что она хочет от этого человека? Помогла ему шиншилле вылечить, и хорошо. Зачем с ним встречаться, знакомиться с женой, чай пить? Внутренний голос с готовностью включился в диалог: «Разве не увлекательно узнавать что-то новое, набираться опыта?» – «Не смейся свои тапочки, Лида. Ты десять лет шиншиллами занимаешься, что ты от него узнать можешь?» – «А как же простая радость общения: просто сидеть, разговаривать, чай пить, улыбаться? Это ни телефонами, ни компьютерами не заменишь». – «Ага, ты уже повысила себе настроение, сидишь и думаешь, что лучше в гости взять: травмат или шокер. Хотя, если поставить себя на его место, не побоялся же он тебя к себе в дом пригласить? Вдруг ты воровка на доверии?» – «Всё начинается с общения, если общение интересно – возникает дружба». – «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. Так вот, ты, Лида, дура. И шиншилла твоя дура! И друзья у тебя такие же».

Лида взглянула на часы, сердце ёкнуло, упало и закатилось в пятку.

На Панели толпились люди. Бабки сидели с видом «молим тя, величаем тя, ублажаем тя». Поискав глазами белую кружевную шляпку, Лида подошла и, в надежде, что хотя бы одна сидящая рядом торговка услышит, грозно спросила:

– Которая из них бегала к участковому? – И, понизив голос: – Товарищ майор, можно вас на минуточку, дело есть срочное...

– Вот и дожилась! Взяли в дело, – добродушно проворчала себе под нос Лидия Александровна, когда они зашли за толстый, растрескавшийся чёрно-серый ствол тополя.

Лида быстро и сбивчиво обрисовала картину своего затруднительного положения и попросила помощи.

– Если человек спрашивает у вас совета, нужно просто одобрить глупости, которые этот человек уже совершил.

– Это кто такое сказал?

– Неважно. А вот что тебе инстинкт самосохранения говорит? Он редко ошибается.

– Говорит, что надо доверять людям, потому что хороших больше.

– А этот рыжий шиншилловод просто ангел с крылами?

Лида почувствовала, как краснеет, стало жарко глазам, загорелись кончики ушей...

Лидия Александровна усмехнулась и хитро прищурилась.

– Ладно. Иди и не бойся. Вон он стоит уже. И чтоб до вечерней поверки была как штык.

Лида шла к остановке, глядя в открытое лицо улыбающегося ей мужчины, и не могла решить, что ей делать: то ли улыбнуться в ответ, то ли развернуться и убежать.

Вадим оживлённо заговорил. Лида слушала вполуха, избегая встретиться с ним глазами, блуждала взглядом по сторонам, всё ещё пытаясь придумать приличную, хоть и запоздалую отговорку.

Где-то сбоку что-то ярко блеснуло. Лида и Вадим одновременно повернули головы в сторону вспышки. На Панели, как единственный зуб среди стёртых гнилых пеньков во рту безобразной старухи, стояла румяная женщина в кокетливой кружевной шляпке и почти в упор их фотографировала. Увидев, что её обнаружили, она не смутилась и телефон не спрятала. Более того, торжествующе улыбаясь, нашла ещё какой-то удачный ракурс и продолжила снимать.

– А это что за папарацци?!

Лида всё поняла, и настроение сразу поднялось.

– Ох, попали мы под объективы Шелленберга! Это ж не просто труженица Панели, это их

пресс-атташе. Хорошо, если на «Ютубе» выложит. Но, боюсь, снова к участковому на стол, дорожка-то уже протоптана...

Вадим было дёрнулся в её сторону:

– Пойду ей сейчас интервью дам...

Но Лида, загородив ему дорогу и придав лицу капризное выражение, произнесла:

– А пирог не остынет?

Когда Лида и Света подошли к просторной красивой витрине со множеством деревянных лесенок, полочек, домиков, Шуша и Паша, обнявшись, спали в беговом колесе одним большим серым клубочком.

– С первого дня, как мы его от тебя принесли, познакомили их, постоянно вместе! А теперь ещё и вот такое чудо у нас...

Умиляясь нежной семейной идиллии, Света повернула ключик в небольшом навесном замке, открыла стеклянную дверцу и положила рядом с пушистым клубком сушёных яблочек. И клубочек зашевелился и раскрылся, как лепестки. Яблочки мгновенно исчезли, только мелькнули два быстрых хвостика, а возле пустой ладошки топтался крохотный, но крепенький шиншеребёнок, который обнюхивал и легонько, но требовательно покусывал хозяйские пальцы.

– Ну и родители бессовестные! Дитё без угощения оставили!

Родители довольные сидели в углу и без всякого зазрения совести хомячили лакомство.

– Сейчас, маленький, дадим тебе вкусняшечку... – хлопотали возле малыша девушки, и обе протянули ему угощение.

Мальш схватил дольку зубами. Потом ещё одну в лапки и с добычей поскакал в укрытие.

– Свет, а как мы нашего первенца назовём?

– Лидочка, давай за чаем придумаем, а то пирог остывает. Вадим сейчас из мастерской придёт.

– А вот и я! Девочки, привет! – послышался из коридора знакомый оперный баритон. Вадим поставил на пол два здоровенных чёрных непрозрачных пакета и оживлённо повернулся к Лиде: – Малыша нашего уже видели?

– Видели! Мои руки – и за стол!

На большом блюде красовался румяными боками пышный ароматный пирог.

– О, это же мой любимый маковый пирог! Самый вкусный из всех, что я пробовала! Самый незабываемый!

– Да, Лидочка, тот, что я на наше первое знакомство испекла!

– Тот, которым маньяки заманивают в своё логово... – засмеялся довольный Вадим.

Разливая по чашкам с яркими расписными цветами чай, Света гостеприимно подмигнула:

– Я так думаю, по-хорошему такое событие обмыть надо бы, ты как, Лида?

– Я только за! Мы теперь как-никак сваты!

Света достала два бокала и наполнила их янтарным, благоухающим терпким осенним виноградным духом домашним вином.

– А почему два? – удивлённо спросила Лида.

– Вадим хотел тебя отвезти, ему ещё за руль садиться.

– Да ну, зачем? Тут идти три дома, что я, не дойду?

– Сюрприз. И маленький презент вашему шиншехозяству. – Вадим вышел в прихожую и вернулся с пакетами. В них оказались два добротных деревянных домика и два больших деревянных беговых колеса. – Вот, и вашим сделал, пусть бегают на здоровье.

– Ой, спасибо огромное, – Лида радостно захлопала в ладоши, – какие классные! А то мои старенькие все, погрызенные. Да, сама я их не донесу, и правда, тяжёлые...

Затормозив на достопамятной, почти легендарной остановке, Вадим достал из багажника машины пакеты:

– Я помогу донести.

Проходя по Панели, Вадим отдал честь свободной рукой Лидии Александровне.

– Здравия желаю! – отсалютовала она. – Везите вам не перевозить! Таскать не перетаскать! – И с лукавой иронией кивнула на пакеты: – У вас всё передачи увеличиваются, работаете с размахом, в крупных размерах.

– Да это колёса, – простодушно поделился Вадим.

Лида весело улыбнулась, увидев, как все до одной головы торгующих на Панели, как подсолнухи за солнцем, повернулись в их сторону.

Людмила БРАГИНА

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Вовка вытряхивал заварку из чайника и замер под раковиной, где стояло ведро с отходами, наверное, соображал, правильно ли он видит то, что видит. Он разогнулся: в руках была любимая тарелка тёщи.

– С нашей мамой беда, – сказал муж, разглядывая совершенно целую, без единой трещинки тарелку.

Нашей маме, а если точнее, моей – девяносто три года. Беды можно ждать каждый день, но вчера ещё ничего не предвещало. Она полна сил: зимой чистила снег, весной посадила огород, а вчера окутила картошку.

Муж поставил тарелку в раковину и сказал:

– Первый признак деменции – наличие любимой тарелки в помойном ведре.

– Давай не будем спешить с выводами и навешивать ярлыки, – сказала я, – деменция не

начинается с бухты-барахты даже в девяносто лет. Спорим, что этому найдётся здоровое логическое объяснение?

– Ну если логическое, то я пас... спорить не буду, женскую логику не переспоришь. Даже девяностолетнюю....

К завтраку вышла мама, как всегда, улыбающаяся, в беленьком платочке и чистом фартуке. Деменции ни в одном глазу.

В девяносто лет о здоровье надо спрашивать аккуратно и ещё аккуратнее о тарелке в мусорке, чтобы не обидеть. Обидчивость – жирная черта старости. Я начала заход издалека:

– Доброе утро, мама. Как спалось? Кошмаров не было? Гляжу, ты на ночь покушала? – Я положила кашу в тарелку и поставила перед ней на стол. Тарелка была та самая, любимая... из помойки.

– Ты её помыла? – спросила мама.

– Помыла, а что она делала в мусорном ведре?

– Пряталась, – сказала мама, помешивая горячую кашу. – Не смотри на меня так скорбно, как будто я умираю. Вчера не было сил помыть тарелку, а утром Вова проснётся, выйдет на кухню завтракать, а в раковине немытая посуда лежит.

Я повернулась к мужу:

– Ну, что я говорила? Всё логично! Это не деменция, а культ личности и нарушение одной из заповедей – не сотвори себе кумира. И в таком цейтноте я живу последние сорок лет. Первый кирпичик в фундамент постамента для тебя мама заложила ещё в утро свадьбы.

«Люся, – сказала она, – на свадьбе веди себя прилично. Никаких друзей! Ты должна хвостиком ходить за мужем. Теперь ты мужнина жена».

– Вот так с тех пор и хожу... хвостиком... вокруг постамента.

– И чем это плохо? Ты бы хотела, как у соседей? Каждый день через стенку транслируют скандалы зятя с тещей. И всегда новая тема для дебатов.

– А помнишь, рыба кость у меня в горле? Я тогда чуть не оттопырилась, пришлось в больницу ехать, трубку глотать. Ты примчался, когда уже всё закончилось, и не знаешь, с чего началось.

– Ты хочешь сказать, что я виноват и встал костью у тебя поперёк горла?!

Мы ещё не ссорились, но голос мужа был на полтона выше обычного.

– Не ты лично, но твой культ личности. Он складывался из любой самой малой мелочи. Например, полы надо мыть в пятницу, и никак не в субботу. Спросишь почему? А чтобы не отвлекаться на домашние дела, когда у мужа выходной и жена должна своё личное время всецело посвятить ему, то есть тебе. Так учила меня мама.

– Мамы плохому не учат! – муж старался перевести всё в шутку, но меня уже понесло...

– А кость в горле – это не просто кость, а ещё один штрих к возвеличиванию личности. Я пожарила рыбу к ужину, но не дождалась

тебя и начала отщипывать вкусные кусочки от каждой рыбки. Ты ж знаешь, я жарки люблю. И тут мама... толк меня под руку словами: «Люся, ешь всё подряд, не ковыряй. Вове не понравится некрасивая расковырянная рыба». Ну я и начала... всё подряд. Результат – кость в горле. Это был ужас! Я закрылась в ванной, пыталась сама вытащить косточку, загибала в рот полруки, но она уходила дальше и дальше... Мама бегала за дверью, стучала, сначала требовала открыть, потом стала умолять вызвать врача... Так продолжалось долго: я измучилась, вытаскивая кость из горла в ванной, а мама измучилась от чувства вины в коридоре. Я ей потом сказала: «Что ты носишься с Вовой как с писаной торбой?» Знаешь, что она ответила? «Он чужой, и ему стыдношний раз залезть в холодильник».

– Дорогая, не завидуй, что мне так повезло с тещей.

– Правильно, сынок, в наше время редко кому везёт не только с тещей, но и с зятем. – Мама доела кашу, положила тарелку в раковину и пошла к двери. – Вы тут завтракайте, а я пойду проверю жуков на картошке, а заодно присмотрю место в огороде под памятник золотой теще от любимого зятя.

Она вышла, но дверь за собой закрыла неплотно.

За сорок лет претензий накопилось много, и я продолжила:

– Каждое утро начинается с вопроса: «Что ты будешь готовить на ужин Вове?» А вечер заканчивается опять же вопросом: «Есть ли у Вовы на завтра чистая рубашка?» Иногда мне надо приложить усилия и вспомнить, что я у неё дочь, а ты не её сын, – сказала я с раздражением.

– Так вот почему у меня всегда есть чистая рубашка и ужин вовремя!

– Да, без прямых указаний мамы ты бы остался голодным.

Чём выше поднимались голоса, тем чаще мама мелькала в коридоре. Наконец она не выдержала натиска на своего кумира, приоткрыла дверь и строгим голосом сказала:

– Люся, не спорь. Вова всегда прав.

– Люся, слушайся маму, она всегда права и любит нас одинаково. – Муж чмокнул меня в макушку и примирительно обнял, тем самым заканчивая спор о том, кого больше любят в этом доме.

– Хорошо, уговорили. Я согласна прожить ещё тридцать лет – больше не выдержу – при культе твоей личности. Но иногда, чтобы народ не роптал, кумир должен слезать с пьедестала. Дорогой, вынеси, пожалуйста, мусор...

ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ

Желание придушить подушкой свекровь возникло в субботу в полночь.

Двадцать лет назад я подписала брачный контракт с её сыном, и одновременно с ней был подписан договор о ненападении. Двадцать лет нейтралитет соблюдался. Вчера она перешла границу. Граница пролегла по порогу квартиры Соньки, которая жила напротив.

Звонок раздался вечером, когда я домывала посуду.

– Ты что делаешь? – спросила Сонька. – Нет желания выпить чаю и поговорить об искусстве... кто с кем живёт? – Она была весёлым человеком, лёгким в дружбе.

– Сейчас, свекровь спать уложу и приду. Витька в командировке, я свободна. Хочу посуду мою, хочу чай пить.

Чай был чёрный, душистый, к нему полагались пирог с капустой и душевные разговоры. В общем, вечер проходил спокойно. В девять часов я засобиравшись домой, но Сонька начала рассказывать очередную длинную историю, и пришлось внимательно слушать ещё целый час. Потом была попытка уйти в десять, но она сорвалась – я вспомнила, как случайно зашла в магазин, а там стояла сумочка, о которой я мечтала всю жизнь. В одиннадцать, уже на выходе, Сонька остановила меня вопросом: «Когда ты последний раз видела Тамарку, тебе не показалось, что она располнела?» Пришлось задержаться и обсудить Тамаркину проблему.

Наконец пробило полночь, я засобиравшись домой.

– Пора! – сказала я. – Иначе карета станет тыквой, а кучер крысой.

Слова оказались пророческими: когда я вышла из квартиры, ни кареты, ни кучера не было – меня встретила свекровь. Она стояла в проёме настежь открытой двери с гневным лицом. Ещё не дойдя до середины коридора, я услышала много нового о себе, но больше всех досталось Соньке, которая только и думает, как разрушить мою семью, а квартира её – притон и логово разврата.

– Ты знаешь, какая слава о ней ходит? – кричала свекровь.

– Никакой Слава к ней не ходит, – я постаралась перевести всё в шутку, пока весь подъезд не вышел обсуждать личную жизнь Соньки.

– Ты дурочкой-то не прикидывайся. – Свекровь не любила, когда ей перечили. – Свою семью разрушила, теперь за твою принялась.

– Марь Васильна, а ничё, что мне пятьдесят лет и я сама могу решить, с кем мне дружить и где водку пить?

Про водку – это я напрасно. Свекровь на последних двух словах аж поперхнулась, но это её не остановило. Она начала перечислять все мои недостатки и прегрешения видимые и невидимые. Невидимых было больше. Особенно озаботилась моей дружбой с Сонькой.

– Как только муж за порог, так сразу шмыг к ней! – Больше всего её беспокоило, что Сонькина слава ляжет несмываемым пятном на мою репутацию. – Я Вите позвонила, пусть знает, где шастает его жена, пока он деньги на семью зарабатывает.

Зря она так... Витя – дело святое, и трогать его нельзя. И тут возник острый позыв ответить резко Марь Васильне, но общественный коридор не располагал к дебатам.

– Соня, – сказала я, – закрой дверь, иди выпей валерьянки и ложись спать, а завтра жди нас с извинениями. А с вами, мама, мы продолжим дискуссию о моём моральном облике за закрытыми дверями, без свидетелей и общественной поддержки, – я чуть повысила голос.

При этих словах дверной глазок в соседней квартире бабы Оли посветлел. Завтра не только подъезд, но и весь дом будет в курсе разногласий в нашей семье.

Не успели мы войти в квартиру, как раздался звонок, это был муж Витя.

– Дорогая, я тебя люблю. А мама любит меня. И с этим ничего сделать нельзя.

После звонка мужа меня немного отпустило, я сдержалась, свекровь осталась жива. Но кто ж ей будет памперсы менять? Лет через тридцать.

Валерьянка не помогла, долго не спалось. Посетила светлая мысль написать двухтомный бестселлер «Пакт о ненападении», и первые строки будут такие: «Девочки, любите свекровь – мать вашу, но знайте, она не вам мать, а вашему мужу. А если не повезло в жизни – достался титул свекрови, – то мой совет: берегите сноху – залог вашей счастливой старости».

СПАСИБО ВАСЬКЕ-ПАРАЗИТУ

Муж бережно относился к своей жене и не разрешал ей носить из магазина больше трёх сумок. В благодарность за это она родила ему сына: вырастила, воспитала, выучила, вывела в люди. В этом процессе она успела состариться: седина хной не закрашивалась, морщины от крема не разглаживались, маникюр не делал руки моложе.

В воскресенье после обеда муж, чуть помявшись и не глядя в глаза, сказал, что полюбил и уходит в другую жизнь, где много света, музыки и праздника.

– Ты посмотри, на кого ты стала похожа?! Ты давно смотрела на себя в зеркало? Когда последний раз вставала на весы?

Про весы было почему-то особенно обидно.

Мужик – это такая скотина, которую сколько ни корми, всё равно в чужое меню смотрит.

Она чуть поплакала, потом взяла чистый лист бумаги и написала: «Моя новая жизнь,

полная света, музыки и праздника». Список был короткий и состоял из двух пунктов: первый – похудеть, второй – отпраздновать своё освобождение из рабства каждодневного труда на благо неблагодарного Васьки.

Только прожив большую часть жизни, начинаешь понимать, что нельзя откладывать свои желания и мечты на потом... у женщин «потом» после замужества нет. Когда-то она рисовала, мечтала путешествовать, научиться танцевать танго. Вышла замуж и поняла, что муж и танго несовместимы, а путешествия возможны только раз в год к родителям в другой город и летом на дачу.

И вот теперь она свободна! Хочешь – рисуй, хочешь – танцуй, хочешь – пой, а не хочешь – от одиночества вой.

Быть не пришлось, сразу прискакали принцы на белых конях. Их, наверное, тоже хорошо кормят, но захотелось разносолов с её стола.

Первым в дверь позвонил сосед Сашка, предложил поменять дверной замок, чтобы паразит Васька (такую бабу кинул!) не смог вернуться. Вторым объявился друг Васьки-паразита, Сенька. Третьим был начальник Сергей Владимирович – предложил повышение и отпуск в Сочи. Четвёртым к финишу пришёл, вернее, прискакал, а точнее, приехал Мишка – друг детства, первая любовь – ничего не предложил, кроме воспоминаний. Где ж вы были... принцы на белых конях! Вас пока дождёшься, успеешь замуж выйти, детей родить, развестись и понять, что вы на фиг не нужны.

Некогда ей! Столько планов впереди! И все праздничные.

Первым делом начала ремонт в квартире: выкинула вещи из старой жизни – нечего захламлять новую. Добралась до антресолей, где нашлась вся её доваськина жизнь. Чего здесь только не было: старенькие коньки, выкройки для выпускного платья, школьные тетрадки со стихами о любви. В дальнем углу притаился фотоаппарат «Зенит» – папа подарил на день рождения со словами: «Впереди у тебя, дочка, долгая жизнь, полная чудес. И пусть они останутся с тобой навсегда».

Коньки и выкройки выкинула, а фотоаппарат взяла в новую жизнь, где ждали чудеса, за которыми пришлось ездить по стране.

Через год она читала свой план «новой жизни», как самую увлекательную книгу о путешествиях и встречах. За это время он дополнялся идеями, иногда трудновыполнимыми: прыгнуть с парашютом, пройти сплавом по бурной реке, покорить небольшую гору. Сто первым пунктом шёл Василий, который должен был захлебнуться от досады, что потерял главный приз своей жизни – жить долго, счастливо и помереть рядом с ней. «Скромнее надо быть», – подумала она и вычеркнула огорчённого Васюку из своей жизни насовсем... даже из плана. Но вдруг подумала: а ведь она должна быть ему благодарна, ведь если бы он не ушёл в свой праздник, то не было бы праздника у неё. Так бы и прожила у него бесплатной домработницей.

Поэтому, когда летела с парашютом, кричала: «Вася-я-я-я-а! Спасибо тебе!»

Когда пересекала бурные пороги на реке Пишляйке, то в страхе шептала: «Василий, век благодарна буду...»

Когда стояла на макушке небольшой Лысой горы, повторяла как заклинание: «Васюка-паразит, что ж ты меня раньше не послал на хрен?!»

Однажды утром она проснулась от яркого солнечного безумства за окном. Сквозь шторы пробивались весёлые лучи, которые разбудили её ласковым прикосновением к лицу. «Время только семь утра, – не открывая глаз, потянулась в постели, – а я уже счастлива», – подумала она. Прошла на кухню, сварила чашечку кофе, принесла себе в постель. Открыла еженедельник, где увидела плотный график праздников на целую неделю: встретиться с подругой, отказать очередному принцу, купить сумочку под сапожки, которые купит в следующем году, позвонить Васюке и поздравить его с годовщиной освобождения от брачных уз и пригласить на открытие своей персональной выставки фотографий, которые она привезла из последнего путешествия.

Когда листала еженедельник, выпал первоначальный план «новой жизни» с двумя пунктами. Первый позабавил. Она нагнулась под кровать и вытянула оттуда весы. Встала. Стрелка пошла резко вниз и замерла на той же цифре, что и год назад, но это её не огорчило. Ведь главное в жизни женщины не вес, а умение сделать мир вокруг себя праздничным.

Наталья БАРАНОВА,
фото автора

Сёстры

Прочно с тобою связаны
Жизнью, судьбою, кровью!
Все говорят, мы разные,
Разные мы с сестрою.

Я же твержу обратное,
Что мы с тобой похожи!
Всё ей могу рассказывать,
Она говорит, что тоже!

В нашей уютной комнате
Стали роднее стены
И разговоры долгими,
Просто мы повзрослели!

Там, за окном, красиво так!
Помнишь, о чём мечтали?
Будем с тобой счастливыми
На радость отцу и маме!

Если грущу, мне плачется
На хрупком плече, не скрою!
Прочно навеки связаны
С лучшей моей сестрою!

Полоса

У каждого в жизни своя полоса:
Она либо чёрная, либо белая!
Не надо так часто смотреть в зеркала,
Себя убеждать постоянно, что смелая!

У каждого в жизни свои пути:
Они либо сложные, либо простые!
Не нужно сжигать за собой мосты
И встречи не нужно искать пустые.

Ты снова заварить покрепче чай,
И мысли твои разбегутся по кругу.
Тебе говорят: «Никогда не скучай».
Но сердце твоё отвечает: «Буду!»

Ты хочешь с надеждой смотреть вперёд
И верить, что всё будет хорошо!
Самое главное – это любовь,
С которой всегда легко!

Алина АБДУЛЛАЕВА

Алина Викторовна Абдуллаева (творческий псевдоним Алина Рауди) родилась 3 апреля 1992 года в Северобайкальском районе Бурятии.

В 1999 году пошла в 1-й класс Кичерской средней общеобразовательной школы, которую окончила 25 июня 2010 года. В 1999 году поступила в детскую школу искусств пгт Кичера на художественное отделение и в 2003 году окончила полный курс названной школы по специальности «художник». В 1999 году поступила в хореографическую студию «Вдохновение» пгт Кичера и в 2010 году окончила полный курс обучения в студии хореографии. В 2002 году поступила в детскую школу искусств пгт Кичера на театральное отделение и в 2006 году окончила полный курс школы по специальности «Актёрское мастерство».

В 2010–2015 годах училась в Сибирском федеральном университете (г. Красноярск). Получила диплом о высшем образовании по специальности «Менеджмент организации». Присвоена квалификация «менеджер».

В 2015 году из Сибири переехала в южный город Анапу. В 2016 году выдано свидетельство № РО-46 по программе «Менеджмент в гостиничном бизнесе». Занимается индивидуальным предпринимательством. Замужем.

С детства сочиняет стихи. Пишет цитаты. Ей нравится этот творческий процесс! Публикует свои стихи на сайте Стихи.ру.

Мы не любим её

Ты не любишь её, ты играешь.
Почему бы во всём не признаться?
Ты привык жить всегда за гранью,
Но тебе далеко не двадцать.

Она ждёт тебя на рассвете,
Ты домой опять не торопишься.
Даже с ней не мечтаешь о лете,
Ну когда её ад закончится?

Ты придёшь утром смелый и пьяный
И уставишь свой взгляд на телике.
Назовёшь, как обычно, странной,
Растворяясь в немой истерике.

Она тень для тебя – не больше.
Для чего же тогда вас пути свели?
Ты не любишь её, но всё же
Продолжаешь с ней жить, а надо ли?

Бабушка

Ты совсем беззащитна!
Я не знаю, как быть.
Возраст нужно лелеять,
Уважать и ценить!

Годы не просто цифры!
Ты уже постарела.
Знаю, время так быстро
Шло куда-то, летело.

Жизнь лишь кажется длинной,
Пока мы молодые,
А потом незаметно –
С головами седыми.

С головами седыми,
За плечами наш опыт!
Со стихами своими,
Прочитает их кто-то!

Но твоя беззащитность
Так меня умиляет!
Можно буду защитой?
Можно буду, родная?

О нём

Это счастье минувших лет,
Это радость красивых снов!
Между нами была искра,
Между нами была любовь!

Под гитару его стихов
И обидных до боли слов
Между нами была война,
Так похожая на врагов!

В моём городе южных грёз,
В облаках густой синевы
Море чистых, зелёных слёз
Мне рисует его черты!

Лёгкость ветра, и шум дождя,
И растрёпанность в волосах!
Люди скажут, что так нельзя,
Но я помню ещё о нас!

Я танцую здесь под дождём
И пишу про него слова!
И мне снова приснится сон
В этом городе без тебя.

Я верю

Я верю, что лучшее там, впереди!
О прошлом теперь не грущу, не жалею!
Я знаю, как трудно и больно идти,
Когда ты разрушен и силы слабеют.

Когда ты один и вокруг так темно.
Когда ты прощения просишь у Бога!
Когда ты прочувствовал, как нелегко,
Какою сложнейшей бывает дорога.

А знаешь, я думаю: всё неспроста,
Иначе зачем были бы эти грозы?
Я вижу, как в небе плывут облака
И только дожди разделяют их слёзы.

И в жизни так часто бывает, поверь:
От всех понимания ждать – как же глупо,

Когда ты стучишься в закрытую дверь,
Не слышишь того, кто приходит без стука!

Не слышишь, не видишь и больше не ждёшь,
Уже не надеешься снова на чудо.
И только в стихах ухмыляется дрожь
В улыбке предательской, словно Иуда.

Но кто-то в душе распахнёт твоей свет,
И все испытания станут как сон!
Тогда мне казалось, что выхода нет,
Но знаю, спасал меня только лишь Он!

Пусть

Пусть на нашу жизнь влияют только Бог
и мы сами!
Пусть наши судьбы оберегает небо!
Каждый мой вдох и выдох наполнен стихами,
Каждый твой вдох и выдох наполнен верой!

Я не могла уснуть, рисовала зиму,
Небо ласкало радугой на рассвете!
Мне бы сейчас прижаться рукой к камину,
Мне бы счастливой быть, как бывают дети!

Ты не умеешь лгать, у тебя есть тайны!
Ты восхищён луною, закатом, морем!
Встреча с тобой тогда не была случайной,
Я уважаю нас и почти не спорю!

И не хочу меняться ни с кем местами,
Но не хватает часто добра и света!
Пусть на нашу жизнь влияют только Бог
и мы сами,
Пусть наши судьбы оберегает небо!

Зима

Здесь с рассветом пришла зима!
Сколько мне незнакомых лиц.
Я побуду ещё одна
Среди снежных зимы границ!

У меня на руках багаж
Непрочитанных книг, тревог.
За окном моим воет метель,
Заметает метель порог.

За окном моим выпал снег,
Он растает опять от дождя.
Холода длились будто век,
Что тоска забрала тебя.

В жизни также у нас с тобой
Было много различных дней.
Стало пасмурно, дорогой,
Скоро снова придёт апрель!

Настоящая любовь

Настоящая любовь никогда не проходит,
Но её не спасти, если в ней один только любит.
И рыдает она о несчастной доле,
Говоря себе: «Будь что будет!»

Настоящее чувство не смоешь годами
И не бросишь его как ненужное больше!
Если это случилось когда-то и с вами,
Вы прочувствуете точно кожей!

Настоящее сердце не прячет эмоций,
Настоящие искры в глазах влюблённых!
Может быть, есть смысл всегда бороться,
Но любовь бывает неразделённой.

Уходи, если нет больше уваженья,
Ты не сможешь спасти, всё давно сгорело.
Нет ни счастья, ни истового сближения
Ни душой, ни сердцем, ни даже телом.

Настоящая любовь никогда не проходит,
И я в это верю, наверное знаю!
Только плачет любовь о несчастной доле,
Говоря себе: «Я скучаю!»

«НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ»: САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОНБАССА

Человек существует в культуре, формируя сакральные пространства на основе культурной памяти и экзистенциального опыта. В военное время человек оказывается в ситуации предельного выбора, когда его личный опыт опирается на культурную память народа и земли, сохранённую в виде архаичных культурных архетипов. Одним из древнейших архетипов русской культурной памяти является образ России как пространства реализации христианской святости, которая проявляется в подвиге самопожертвования. В современном Донбассе в период войны с Украиной, идущей с 2014 года, ситуация предельного выбора приводит к воссозданию хранящегося в культурной памяти образа России как христианского пространства. Литература Донбасса получила мощный жизненный импульс, прикоснувшись к этим первичным структурам человекотворческой реальности в их действенности. Одно из бесспорных имён этой новой литературы – Елена Заславская, создающая в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) сакральное пространство русского военного Донбасса.

Война – это время обращения к глубинным пластам культурной памяти. Структуры коллективной психологии, латентно хранящиеся во времени рутины, разворачиваются в период

предельного выбора, когда каждый человек и социум в целом должны ответить на вопрос о смысле существования и борьбы за свою идентичность. Война в Донбассе поставила эти вопросы не только перед теми, кто находится в окопах на передовой, но и перед всеми людьми Русского мира. Живущие в Донбассе люди мирных профессий также оказались в ситуации экзистенциального выбора, когда каждый должен своей решимостью и своим действием утверждать своё собственное бытие и его сакральные основания, воплощая смыслы русской культуры, сохранённые в культурной памяти.

В русской культурной памяти хранится образ России как пространства, в котором сакральные христианские ценности в принципе могут быть реализованы. Одной из наивысших ценностей в христианской культуре является жертвенность – способность человека повторить путь Христа, пойти за Ним вслед, отдав свою жизнь за других. Места, где совершается христианский подвиг жертвенности, сакрализуют пространство, создают выделенные топосы реализации христианской святости.

Христианский подвиг жертвенности является принципом, формирующим сакральное пространство Донбасса в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз», созданной на протяже-

нии военных лет, начиная с 2014 года. В поэме показаны воюющие республики, Украина, Европа, настроения революционеров Майдана и ополченцев Новороссии. Поэма связывает настоящее и прошлое Украины и России, повседневный и сакральный планы бытия и показывает Донбасс как место жертвенного подвига.

Новороссия – исторически сложившееся название южнорусских территорий, значительная часть которых находится сейчас в границах Украины. Новороссия включает Северное Причерноморье, Донбасс, Крым, Кубань, область войска Донского. В 2014 году, после антирусского государственного переворота на Украине, Новороссия стала территорией сопротивления. Крым был присоединён к России в марте 2014 года, Северное Причерноморье осталось в составе Украины, а Донбасс начал войну за свою независимость от Украины. В первый год войны, описанный в поэме, Новороссия стала символом русского сопротивления. В последующие годы важнейшим в символическом плане регионом Новороссии стал Донбасс.

Тема родного Донбасса занимает центральное место в поэме Заславской, что подчёркивается сильной позицией текста – эпиграфами. Первый эпиграф, в котором описывается сакральный смысл происходящего в поэме, представляет собой цитату из жития старца-диакона Филиппа Луганского: «13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: "...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречется он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем"». Как разворачивается судьба Святограда Луганского в грозные дни 2014 года, показано в поэме.

Ещё один эпиграф принадлежит японскому писателю Кобо Абэ и взят из романа «Жен-

щина в песках»: «Да, у нас строго придерживаются заповеди: "Будь верен духу любви к родине"». Так происходящее в Донбассе вписывается в общемировой контекст. Последний эпиграф – это всего два слова героя России Магомеда Нурбагандова: «Работайте, братья!» С помощью этих слов события включаются в российскую действительность, становятся частью русской современности.

В этих заданных на первой странице координатах и формируется сакральное пространство Донбасса, в котором помещаются Луганск и другие донбасские города.

Луганск выступает как Святоград – сакральный и смысловой центр поэмы. Для жителей Донбасса и луганчан Луганск с первых же строк поэмы – «край света, край мира, фронтир, где дышит война». В то же время в Луганске находится дом героини, сохранивший довоенный уют: «Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой, с его

очагом и памятью – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...»

Довоенный Луганск задаёт ориентиры, позволяя героине выстоять и выжить во время войны, в период масштабной трансформации и экзистенциального выбора: «И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж».

Решение защищать родной город и свою землю соединяет героиню с другими русскими людьми, вводит её в пространство памяти, сохраняющей погибших и живых: «Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце». Так земля Донбасса, Новороссия гроз, становится пространством реализации жертвенного подвига, местом оживания исторической памяти и формирования христианского пространства на западном рубеже Русского мира.

В сакральное пространство Донбасса включены и другие донбасские топосы, включённые в сакральное пространство войны: «Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу без жалости, оставляя кровавый след».

Городки Донбасса конкретизируются в человеческих судьбах, в реакции людей, там проживающих, на идущую войну, воспринимаемую ими как вызов, требующий ответа в христианском пространстве самопожертвования. Таким образом автор выстраивает все образы донбасской земли: деревню, пострадавшую от артобстрела, разрушенный завод, затопленную шахту.

«Хаты, побитые "градами". Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом

дверного проёма застыл в вопле немом после артралёта. Бабулька собирает пожитки: "Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел"».

Аналогично строится образ завода в одном из городов Донбасса – локализация места действия даётся вместе с комментарием пережившего событие человека: «На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли. "Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!"».

Одна из многочисленных шахт Донбасса, пострадавших во время войны, также показана в двух аспектах: как символ войны и разрухи, но одновременно как воплощение веры и надежды людей, для которых подвиг самопожертвования стал принципом существования: «Ствол шахты "Знамя коммунизма" затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы. "Разве это жизнь? Доедаем свои гробовые. Горе, мне горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это неплохо. Ещё немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа"».

Такое двухплановое построение образа позволяет поэту показать читателю весь Донбасс как землю Святограда, которая оживает и освящается страданием людей, её любящих, оставшихся на родине, защищающих её и надеющихся на победу наперекор всему. Именно незаметный подвиг людей, их любовь к родной земле, стремление работать для её восстановления, способность пожертвовать за неё жизнью вводят донбасскую географию в сакральное пространство.

Без сопереживания и осознания подвига жителей Донбасса его территория предстаёт десакрализованной землёй ада: «Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...» Так, для одних героев поэмы Луганск – Святоград, потому что его жители

жертвуют своей жизнью за родину, а для других Луганск – грешный город, который должен быть стёрт с лица земли, потому что не хочет существовать в культурном пространстве постмайданной Украины.

Взгляд с другой стороны представлен в поэме в монологе украинского добровольца, карателя АТО: «Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство моё живёт, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и урок. В городе Перевальске, или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался».

«О, эти маленькие донбасские города! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто чёрная дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Серёгу подрезали в тюрьме... И как эпитафия на пачке надпись "мучительная смерть"».

Неспособность противостоять смерти, распаду и аномии, которые герой видит вокруг себя в довоенных депрессивных городах Донбасса, вызвана недостатком душевной силы, веры и любви к людям. Такое мировидение приводит к тому, что человек не может участвовать в преображении мира и нацелен на разрушение, а не на созидание. Сначала он идёт на Майдан, чтобы разрушить то, что в его представлении мешает создать новую Украину, потом идёт на войну, чтобы стереть с карты Донбасс, который не вписывается в новые реалии. Неспособность увидеть за событиями людей, почувствовать их живые души на разрушенной и бедной земле приводит к тому, что украинский военный не видит сакрального плана событий: «И всё-таки мне невдомёк, на хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за

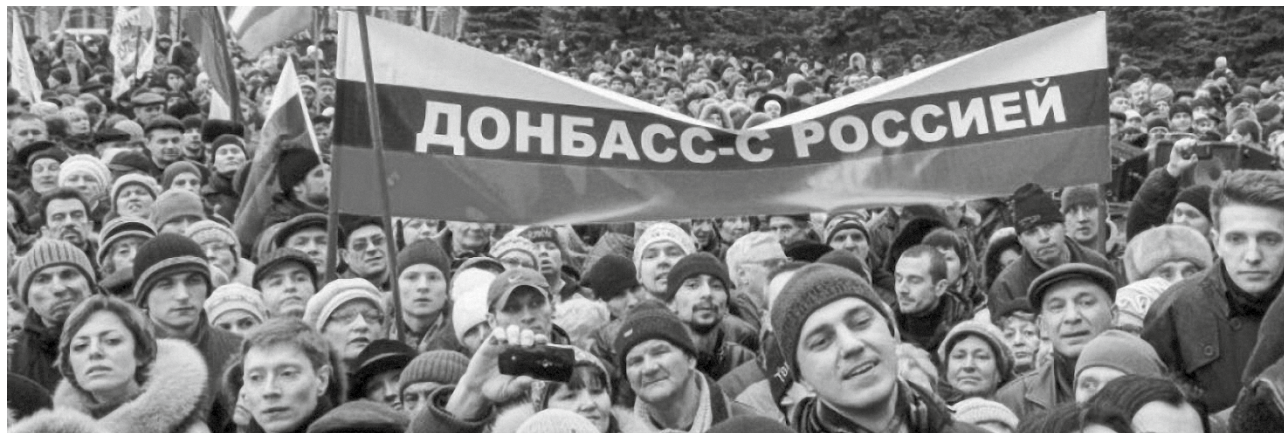
земли эти корнями и жизнями, которые никуда не ведут?»

Противостояние двух взглядов на историю, двух способов осмысления происходящего проводится в поэме до самого финала: «Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает замертво, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. И поле возделывает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдаётся: любовь не сдаётся и не умирает! Ведь так, пацаны?!»

Итак, в образе Луганска и городов Донбасса в поэме выражены две версии истории – сакральная и десакрализованная. В первой из них Луганск – это Святоград, попавший в сакральное христианское пространство благодаря самопожертвованию своих жителей. Во второй, десакрализованной версии, которую высказывает украинский доброволец, Луганск и Донбасс – безжизненная территория, лишённая смысла, дикое поле истории, на котором ничего нет. Однако это поле засевают люди, превращают его в возделанную землю, создавая смысл своими действиями, чувствами, любовью.

В поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» Донбасс предстаёт как порубежье Русского мира, где в реальной жизни объединены темы памяти, защиты Родины, христианского самопожертвования ради других. Война Донбасса с Украиной в 2014 году показана в её символическом значении, а художественные образы городов Донбасса в поэме позволяют сохранить военные события в культурной памяти русского народа.

Нина ИЩЕНКО

ДРУЖБА ДЕВОЧКИ САШИ С УЛИТКОЙ ТАНЕЙ

Ах, как же хорошо лежать на чуть тёплом и влажном песочке, подальше от обжигающего солнышка, там, где деревья и кустарники, изнемогая от зноя, низко склонились, устраивая своими кронами прохладный шалашик.

Так приятно предаваться неге, что вовсе не хочется ни двигать лапками, ни шевелить усиками...

Здесь, в самой глубине детской площадки, у забора, улитка Таня ждала свою подругу – пятилетнюю девочку Сашу. Издалека до Тани доносился гомон ребят, их весёлое взвизгивание и смех, и Тане стало понятно, что подруга вот-вот оторвётся от озорной ватаги и появится в тенёчке у забора. Она возьмёт Таню робкими розовыми пальчиками, осторожно проведёт самым малюсеньким из них – мизинчиком – по Таниному склизкому бочку и тихо прошепелявит:

– Ну здравствуй, Таня...

И в ответ Таня осторожно выдвинет свои маленькие рожки и робко тронет Сашин мизинчик.

– Привет!

Тут следует заметить, что Таня и Саша – закадычные подруги, они дружат очень давно – со вчерашнего утра, когда мелкий дождичек разогнал визжащую ораву ребятишек по верандам, в сухие места.

Пока дети прятались от дождя и марсиан на веранде, улитка Таня преспокойно семенила по песчаной дорожке в тенёк, и ей так неудобно было передвигаться, потому что всё

время мешали то палочки, то камешки и загораживали путь.

Ведь известно, что улитки не могут передвигаться без специальной жидкости, скользкой, как кисель, который подают детям на полдник в детском саду. А для выработки этой жидкости требуется время, именно поэтому все улитки очень медленно передвигаются, всего 30 см в час! А это очень маленькое расстояние, чуть больше подошвы Сашиного сандалика. И всё же, несмотря на такую маленькую скорость, улитки обожают путешествовать!

Когда-то, давным-давно, 200 лет назад, все улитки были огромными и жили в тёплых странах, а к нам попали благодаря всё той же клейкой жидкости, которой они приклеились к днищу корабля и таким образом благополучно приплыли в более прохладные страны.

Вот и у нас в России улиткам очень понравилось жить! Всё лето мы видим их в затёнённых местах, на стволах деревьев, камнях. А уже с первыми заморозками улитки начинают готовиться к зиме. Они зарываются в землю или прячутся под листья. Потом втягивают всё тельце в раковину и закрывают вход в неё пленкой из слизи, которая потом твердеет.

Закрыв «двери», улитка засыпает до весны. Так они могут переносить и сильную жару, и холод. А весной, когда солнышко начинает припекать улиткины домики, они дружно просыпаются.

Вот и наша Таня была самой обычной улиткой, какие сотнями встречаются и у нас

в Подмоскowie каждый день. Давно уже закончилась длинная холодная зима со снежными сугробами и морозом, которую Таня провела в своём тихом домике.

Затем наступила нарядная весна, когда с первыми солнечными лучами стоял весь снег и сначала появились подснежники – скромные цветочки – и нежно-зелёная травка, а Таня, наша Таня, проснулась, высунула свои усики из домика, отклеив слизь от двери, и выползла на улицу подышать свежим воздухом. И вот наконец-то на смену весне пришло долгожданное шумное и жаркое лето.

Так вот, когда в детском саду на утренней прогулке мальчишки в очередной раз задумали поиграть в Человека-Паука, им тут же срочно понадобилось много-много мелких камешков и ракушек, потому что такими полезными вещами настоящие Человеки-Пауки никогда не разбрасываются, а, наоборот, складывают их в кармашки штанишек, курточек, даже могут класть в кепку. Хоп! – надел и... готово! – никто не замечет горсть драгоценностей прямо на голове, перед самым носом неприятеля! Очень удобно и хитро!

И вот, когда доблестные Человеки-Пауки в очередной раз спасали человечество от марсиан и прочей вселенской напасти, мальчик Коля, самый отважный из группы воинов-освободителей, неожиданно покрылся красными пятнами и громко, протяжно заревел, прячась за верандой от посторонних глаз.

А как раз именно в это время девочки готовили вкусный обед из ароматных листьев сирени и берёзы – этим кулинарным изыскам они научились из маминых поварских книг, – и им срочно понадобилась горсть мелких камешков для украшения их вкуснейших блюд.

И вот как только одна из поварих подбежала к Коле, чтобы узнать, в чём дело и почему это он плачет, как тут же увидела вырванный лоскут на штанишках мальчика, на том месте, где обычно у Человеков-Пауков находятся карманы с боеприпасами.

– Там... Там... всё моё богатство, – не унимался Коля, размазывая слёзы грязными кулачками по пухлым щёчкам.

– Эка напасть! – попыталась Саша – а это была именно она – успокоить отважного воина. – Ещё собираешь себе такого добра! А вот карман-то жалко, ну да мама пришлёт новый! – уже по-взрослому рассудила девочка. – Да я помогу тебе сейчас набрать твоих камней!

И вот они уже вдвоём на коленях ползут по периметру веранды, до ссадин стирая ноги о палочки, веточки и тщательно отбирая мелкие камешки от больших, складывают их в Сашину кастрюльку из-под несостоявшегося предположительно вкусного супа.

– Ур-р-р-а-а-а! – вдруг завопил Коля, тут же вскочил и растопырил ладонь, на которой была маленькая улисточка в

**Галина ПОДЫМОВА
(БОРШКОВСКАЯ)**

Педагог по образованию и по сути. Самозабвенно любит жизнь во всех её проявлениях. Любимые писатели – А. С. Пушкин, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, М. Твен, Г. Х. Андерсен, Д. Лондон; из современных отдаёт предпочтение А. Г. Михайлову, которого называет своим учителем.

Родилась и выросла Галина Юрьевна в глубинке России – под Рязанью, а позже переехала с родителями в необыкновенно красивейшие места, по праву считающиеся «жемчужиной» Подмоскovie, расположенные близ усадьбы Отрадное – родового гнезда графов Орловых, дарованного щедрой рукой императрицы Екатерины II ещё в далёком XVIII веке. Галина Юрьевна с ранних лет впитала в себя синь рязанского неба, аромат лугов, тихое журчание подмоскovieй речушки с певучим названием Лопасня, что и нашло отражение в её творчестве: удивительно добрых и уютных сказках, которые она читает своим внукам Сашеньке и Маргариточке; философских рассказах, в которых она неустанно пытается донести до читателя, насколько важно оставаться в гармонии с собой и окружающим миром.

сереньком домике-катушке. Саша подошла и потихоньку потрогала мизинчиком крошечный улиткин домик.

– Давай знакомиться! Я – Саша!

Улитка в ответ чуть шевельнулась и замерла.

– Ты, верно, Таня? – вдруг решила Саша, но улитка молчала, а ведь известно, что они всё очень медленно делают, а особенно молчат. – Ты – Та-ня, Та-ня, – нараспев произнесла девочка, будто привыкая к звуку нового имени, и тут же запрыгала на одной ножке перед Колей, на ладони которого была улитка. – Таня! Таня!

– Да с чего ты взяла, что она Таня?

– Глупый! Совсем не понимаешь, что это и так видно, что она – Таня! Таня! Таня! – повторила девочка много раз подряд, продолжая прыгать вокруг Коли уже на обеих ногах. – А как, по-твоему, тебе выдали имя? Глупый! Совсем и не знаешь, что имена так и выдают – глянут на человека, ну там на улитку какую, и тут же становится понятно, какое имя выдавать! – Саша недоумённо глядела на Колю, удивляясь его неведению. – Ха! А ещё Человек-Паук называется! Глупый какой! Имена не умеет выдавать! – С этими словами Саша выхватила из всё ещё растопыренной Колиной ладони твёрдый комочек улиткиного домика и помчалась, на ходу поочерёдно притопывая то одной, то другой ногой в такт только ей, Саше, известной песенке.

Коля совсем недолго стоял, разинув в Сашину-Танину сторону рот, потому как тьма марсиан неумолимо приближалась к планете Земля дождевым облаком, угрожая устроить самый настоящий потоп.

Оно и понятно: если не он, то кто же спасёт всё население от катастрофы? И вот бесстрашный воин Человек-Паук спасает землян, он ведёт их в укрытое место – на веранду.

Несчастные люди вовремя кинулись за Колей в укрытие. Начался дождь.

Так и произошло знакомство девочки Саши и улитки Тани, которое очень скоро перешло в дружбу. И целый день подружки Саша и Таня не расставались.

За обеденным столом Таня лежала на самом дне кармашка Сашиного розового платья. Когда все заснули и Саша тоже засопела, уткнувшись носиком в белое облако подушки, Таня примостилась рядышком с подушкой и носиком девочки. После сна подружки тоже не расстались – вместе пошли умываться.

Саша и Таня, и Таня на дне Сашиного кармашка. Ужин прошёл весело. Запеканка была хоть и вкусной, но сильно надоевшей, и Саша поделилась ею с Таней прямо в кармашек.

Уже дома, перед сном, когда Саша перед зеркалом урча чистила зубки и с наслаждением умывалась, окунаясь затем лицом в пышное голубое полотенце, Таня переселилась в кармашек любимой Сашиной сиреневой пижамы.

Там было тихо и уютно. Всю ночь напролёт Сашин носик сопел в подушку, а Таня никак не могла заснуть и всё мечтала то о восходе солнышка, то о тенёчке под клумбой с душистой петуньей, что расположена рядом с детсадовским забором.

«Как славно быть Сашиной подружкой!» – думала улитка Таня, засыпая в такт Сашиного сопения и сладко потягиваясь в своём уютном крошечном домике, который лежал на самом дне Сашиной сиреневой пижамы.

Наутро подружки пошли в сад, где их ждали в меру строгие воспитатели и дети, уже с утра шумные и неугомонные.

А Таня всё лето и часть осени так и прожила с подругой, путешествуя вместе и на дачу, и в гости к бабушке.

Теперь уже глубокая осень, и холодный промозглый дождь по-прежнему стучит по карнизу. Но дома, в уютной кухоньке да с чашкой горячего какао, я чувствую себя в полной безопасности, вдали от непогоды и прочих неурядиц.

Так лучше думается и вспоминается жаркое лето с его солнечными деньками, забавными приключениями и совсем неслучайными случайностями, когда происходят незабываемые встречи, перерастающие в прочную, крепкую дружбу, такую как у девочки Саши и обычной улитки Тани, которых в наших подмосковных местах пруд пруди...

НОВАЯ ПОДРУГА

Дорога домой лежала через детскую площадку. Там было оживлённо. Малыши постарше играли в прятки и догонялки. А те, что помладше, катались с горки, съезжая с неё на попе или коленях. Самые маленькие жители Бумажного городка сладко посапывали в своих колясочках с соской во рту. И мамы бережно их покачивали, чтобы детки хорошенько выспались.

– Крепкий сон для малышей очень важен! – вспомнила Маришка слова мамы. – Ведь известно, что все дети на свете растут во время сна!

И тут Маришка увидела коляску с малышом, но без мамы. Она так сиротливо стояла в сторонке, что Маришке стало жаль и коляску, и ребёночка в ней.

– Странно! У каждой коляски есть своя мама, а эта коляска одна-одинёшенька! Бедный малыш. Он, наверное, испугался, что мамы нет!

– Вероятно, мама отвлеклась! Так бывает, – сказала Лера Павловна.

И только Маришка встала на цыпочки, чтобы глянуть на ребёночка, который начал громко кричать, как незнакомая рыжая девчонка подскочила и больно дёрнула Маришку за хвостик.

– Ай! Больно же! – вскрикнула Маришка. – Что ж за день сегодня такой? То Листик кусает! А теперь ещё и девчонка за волосы дёргает! Ну, чего тебе?

– Это тебе чего? Не лезь к моему брату! Он спит!

– Ничего и не спит! Он вон кричит и ножки поднимает, видишь? – возразила Маришка.

Но рыжая девчонка рассердилась:

– Значит, это ты его разбудила! – И со словами: – Спи, Андрюшенька, спи, мой сладкий! – начала прокатывать коляску взад-вперёд.

– А где же ваша мама? – вступила в разговор Лера Павловна. – Почему она оставила вас одних? Вы же ещё совсем дети!

– У мамы голова разболелась, и она пошла в аптеку за лекарством!

– Понятно! Ты большая молодец, что при-

сматриваешь за братиком. И всё-таки нельзя обижать других детей и дёргать их за волосы.

– Я боялась, что она разбудит Андрюшу! – виновато сказала рыжая девчонка и тут же добавила: – Давай поиграем?

– Не могу, мы идём домой! – сказала Маришка, вопросительно глядя на Леру Павловну.

– Девочки, вы пока поиграйте, а я присмотрю за Андрюшей. Только не забудьте сначала познакомиться!

Девочки рассмеялись и взялись за руки.

– Как тебя зовут? Я Маришка!

– А я Таня!

И девочки, мило беседуя, сели на лавочку.

– А почему у тебя нога перебинтована? – спросила Таня.

– Меня ещё утром укусил Листик!

– Больно?

– Ага! И обидно... – ответила Маришка, кивая. – Видишь, и моё любимое платье порвал!

– Да. Платье у тебя красивое!.. Скажи, а эта тётя-врач – твоя мама?

– Нет! Это Лера Павловна! Она просто шла мимо, когда я плакала. Потом увидела мою рану, обработала её и забинтовала. А теперь провожает меня домой. Вообще-то меня бабушка давно ждёт! – вдруг вспомнила Маришка и поняла, что проголодалась. Ей вдруг страшно захотелось оказаться дома, где бабушка готовит вкусный обед. Маришка вздохнула. – И Фантик! – чуть подумав, добавила она.

– Какой фантик? – заинтересовалась Таня.

– Просто Фантик! Мой кот!.. Он такой ласковый! – с нежностью сказала Маришка, вспоминая своего питомца. – А у тебя есть кот?

– Нету. Только рыбка была в аквариуме... Утонула... Зато теперь у меня есть Андрюша! – сказала Таня, и Марина в ответ только кивнула одобительно.

– А у меня и мама есть, – продолжила Маришка, – только она сейчас на работе. Делает нужный план... И папа в командировке. Он там испытывает новую технику по уборке бумажного мусора на улицах... – покачивая здоровой ногой, рассказывала она. – А у тебя папа есть?

– Есть! – беспечно ответила Таня. – А скоро будет ещё один. Новый!

– Новых пап не бывает! – заявила Маришка. – Они всегда старые! Ну ведь и в самом деле, у папы много морщинок вокруг глаз и у рта, – вспомнила Маришка папино лицо. – Особенно когда он улыбается. А на голове ещё и седые волосы есть.

Таня с удивлением слушала новую подружку. Ишь, удумала, новых пап не бывает! А вслух сказала:

– Ещё как бывает! У нас же будет, значит, бывает.

– Странно. А куда же мама денет старого папу? Ну когда новый придёт?

– Не знаю. Мы ещё не придумали.

За этой беседой и застала девочек Лера Павловна.

– Ну всё, Маришечка, прощайся с новой подружкой. Нам пора! А то до дома ещё идти надо, а во-он, смотрите, туча какая плывёт! Тем более Танина мама давно уже вернулась из аптеки!

Маришка шла и думала о том, как хорошо, когда дома тебя ждут бабушка с вкусным обедом и Фантик!

– Маришка! – вдруг окликнула её Таня. – А почему твоего кота зовут Фантиком?

– А потому что он всё время играл в фантики, когда был ещё маленьким! – прокричала Маришка новой подружке.

3 ПРОСТО МУЖ

И всё-таки они попали под дождь! Вы можете себе представить дождик в Бумажном городе? Для его жителей это очень неприятно, ведь они могут размокнуть. Поэтому на улицах началась паника!

Горожане, которые совсем недавно спокойно разгуливали по улицам, мчались что есть духу в укрытия! Все они были без зонтов, ведь с утра ласково светило солнце и ничто не предвещало непогоду.

А дождь вначале сыпал мелкими каплями. Он будто предупреждал жителей Бумажного города о том, чтобы они прятались от него в безопасные места.

Маришка с Лерой Павловной забежали под крышу песочницы, разрисованную в горох. Её крыша, как и все крыши Бумажного города, была из плотного картона и покрашена влагостойчивой краской.

– Смотрите, Лера Павловна! Грибок такой же, как и моё платье, в горох! – обрадовалась девочка.

И только тут она увидела, что подол платья мокрый. Маришка тут же захлопала носом, а Лера Павловна строго запретила ей разводить сырость. И так уже дождь идёт!

– Высохнет твоё платье, не переживай! Вот сейчас тучка уплывёт, выйдет солнышко и обсушит всё вокруг. И конечно же, твоё платье в первую очередь! – уверяла она Маришку.

Маришка успокоилась, присела на краешек песочницы и под стук дождя по крыше залюбовалась пузырями в лужах.

– Бурлит, прямо как бабушкин борщ в кастрюле!

И вновь загрустила о доме, Фантике.

– А у вас есть дом, Лера Павловна?

– Ну конечно! Как и у каждого человека. Почему ты спрашиваешь?

– Мне просто интересно! А где ваш муж?

– Нет у меня мужа! – ответила Лера Павловна.

– Странно! Как это так – нет мужа? – удивилась Маришка.

– Ничего странного!

– А дети-то хоть у вас есть? – продолжала Маришка.

– И детей у меня тоже нет!

– Что... и даже кота?

– Нет и кота.

– Скучно вы живёте! – заключила Маришка.

– Нисколечко! Мне некогда скучать! Я дома бываю редко!

– Как так?

– А вот так! С утра я работаю – лечу ребятшек. Я педиатр! Потом дежурю в больнице... А сегодня у меня хоть и свободный день, но я занята! Да и потом, мы так долго добираемся до твоего дома, что если бы у меня и был муж, то он непременно бы умер от голода!

– Подумаешь! Нашли бы себе нового мужа! Как Танина мама!

– Глупости! Да что вообще за тема такая? Не нужен мне никакой муж!

Между тем ударов по крыше и пузырей в лужах становилось всё меньше. И это означало, что дождик заканчивался и скоро можно будет пойти домой. Маришка опять призадумалась: «Интересно, а где сейчас Таня с мамой и Андрюшей?»

И как только она вспомнила о новой подруге, то в голову ей тут же пришла блестящая идея!

– Лера Павловна! Мы нашли вам мужа!

– Как нашли? Кто это – мы? И что значит «нашли»?

– Ну то и значит! Раз Танина мама нашла себе нового мужа, то старого-то ей куда девать? Вот вы его себе и забирайте! Так все делают! – со вздохом облегчения закончила Маришка.

Тут Лера Павловна громко рассмеялась. И было отчего. А Маришка подумала, что эти взрослые такие смешные: уверяют, что муж им не нужен, а сами радуются, как дети, что он всё-таки нашёлся!

4

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА

В то время когда Маришка и Лера Павловна не спеша подходили по дорожке домой, бабушка на кухне готовила обед. Аромат от еды просачивался через входную дверь прямо в подъезд. Местные кошки в надежде на угощение уселись рядом на коврик, поджав хвосты и нетерпеливо облизываясь.

– Мр-р-р! – сказал Барсик. – Скоро бабушка угостит нас котлетой!

У важного Барсика была целая династия котов Барсиков. Дед Барсик, отец Барсик и даже дядя по материнской линии и тот Барсик! В детстве он, конечно, как и все дети, мечтал вырасти и стать настоящим Барсом. Но потом передумал и понял, что не имя красит котов!

– Да, она добрая! Мр-р-р! – поддержал Крокус Барсика.

Крокус был замечательный кот! Своим нравом никому не доставлял хлопот! Откуда у

него появилось цветочное имя, он никогда не интересовался. «Ну имя как имя!» – размышлял он.

– А вчера мы угощались замечательными пирожками с мясом. Мр-р-р! – вдруг вспомнила красавица Марта, закатывая от удовольствия свои зелёные глаза.

Кошка Марта и на самом деле была очень красивой! Спинка была белой и плавно переходила в палевый. На лапках были пикантные белые носочки. Забавный хвостик, полупушистый и живой: он всё время плавно извивался.

И Марта так привыкла, что ею все восхищались, что недоумённо глядела вслед тем, кто равнодушно проходил мимо. Родилась она в марте, поэтому и имя выбрала себе соответствующее. Хотя дома её все называли просто Дуськой и за назойливость частенько выпроваживали из дома.

– Это ещё что! Однажды она закатила нам такой пир! – вдруг вспомнил рыжий Шипр. – Отдала нам целую миску холодца! Мр-р-р-р! Вкуснотища!

Шипр не любил резкие запахи и на аромат папиного парфюма всегда угрожающе шипел и ставил хвост трубой. За это дома его и прозвали Шипром.

– Да уж! Повезло нам с бабушкой! – все они дружно подвели итог.

Между тем каждый житель Бумажного города был занят своим делом. Тетя Люся из соседнего подъезда пошла в магазин, аккуратно обходя лужи и боясь запачкать обувь. Ван Ваныч тащил за руку сына, который упирался и норовил вырваться, чтобы прыгнуть в лужу. Девочка из дома напротив пускала мыльные пузыри прямо в распахнутое окно. И они плавным каскадом спускались вниз, цеплялись за ветки деревьев.

А сосед дядя Миша дождался, когда закончится дождик, и вышел на балкон делать гимнастику. Ведь после дождика воздух становится свежее и чище. В руках он держал синие гантели, ведь дядя Миша был очень сильный.

– И... р-р-ра-аз! И... два-а-а! – разносилось по округе.

Но когда он почувствовал запах бабушкиного борща с котлетами, то решил немедленно

закончить свои упражнения. Потому что у него разыгрался волчий аппетит. Именно волчий! Ведь Маришка сама сколько раз слышала, как дядя Миша жаловался на него своей жене из-за вкусного аромата бабушкиной стряпни.

Когда Маришке было пять лет, она страшно боялась соседа.

«Кто его знает, может, он в волка превращается и всех ест! Ведь недаром же у него аппетит волка!» – думала маленькая девочка.

Но когда она этим делилась со своей бабушкой, то та начинала громко смеяться. Затем ласково гладила внучку по головке и шла по своим делам. Печь пироги или жарить котлетки.

– Ну что ты, Маришка! Вот ведь фантазёрка! – увещевала вечерами мама. – Это образное выражение такое. Ну сама подумай, какой дядя Миша волк? Где же его серый хвост и клыки?

«Да-а. Ну и смешная же я была в детстве!» – с улыбкой размышляла Маришка, вспоминая себя.

5 ДОМА

А пока Маришка с Лерой Павловной продолжали идти домой, бабушка жарила в сковороде внучкины любимые котлетки, а кот Фантик тёрся ей об ноги, выпрашивая хоть маленький кусочек.

– Мр-р-р-р! Ну ба, хочу котлетку! Мр-р-р! Дай котлетку!

Бабушка уговаривала подождать ещё немного.

– Фантик! Надо потерпеть! Котлетка ещё не готова! Экий ты торопыжка!

И в это время внезапно раздался звонок в дверь. Бабушка, торопливо вытирая руки о цветастый передник, пошла её открывать.

«Должно быть, Маришка проголодалась и прибежала!» – думала бабушка.

И верно! На пороге стояла Маришка за руку с незнакомой женщиной.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровалась Лера Павловна. – Это ваш ребёнок?

– Угу, – кивнула Бабушка, дожёвывая котлету. – Моя. А то чья же?

– Ну конечно, я бабушкин ребёнок! – радостно выпалила Маришка, обнимая бабушку.

– Очень приятно! А я детский врач Лера Павловна!

– Проходите, чего ж мы стоим на пороге?

– Спасибо! – вежливо поблагодарила Лера Павловна бабушку, потому что была очень воспитанной.

– Маришка, марш руки мыть! – приказала бабушка. – Батюшки-светы, а что с ногой? А платье-то, платье! – разглядев внучку, она взялась за голову.

– Ба, меня укусил этот противный Листик!

– Какой ещё листик? Опять фантазии? – возмутилась бабушка.

– Да нет же! Говорю тебе, что правда он меня укусил! Ну скажите же, Лера Павловна!

– Девочка говорит правду! Её укусила собака, – подтвердила та.

– Батюшки-светы! Как же так? Небось, дразнила! Я сколько же раз буду...

– Очень просто, ба! – перебила бабушку Маришка. – Я гуляла на улице, никого не дразнила, а он, Листик, подбежал и ка-ак цапнул меня за ногу!

– Так бывает! – снова подтвердила Лера Павловна. – Животные часто проявляют агрессию! Но вы не волнуйтесь, там нет ничего страшного. Я всё обработала зелёной. Однако ребёнка надо отвести в поликлинику на прививку! И немного покоя. Меньше разгуливать по улицам. Тем более одной, без взрослых, – добавила она.

– Хорошо! Я передам ваши слова её маме. А вам спасибо большое за заботу о внучке!

– Чего уж там! – отмахнулась Лера Павловна и вслед за бабушкой пошла на кухню обедать. Хотя давно наступило время ужина.

«Какой же хороший денёк сегодня выдался! – довольно размышляла Маришка, лёжа в своей постельке. – И ничего, что с утра не повезло и меня укусили! Зато потом я познакомилась с Таней и Лерой Павловной. И самое главное, что мы нашли ей мужа!»

А Фантик тем временем устроился поудобнее в кресле, свернувшись клубочком, и мечтал о том, как однажды он выйдет в подъезд и непременно встретит красавицу Марту!

Галина ПОДЫМОВА (БОРШКОВСКАЯ)

Арина БЕЗЗУБЦЕВА

* * *

Нет смысла бежать,
Если двери закрыты.
Нет смысла стучать,
Если не горят свечи.

Умыты водой,
Что стекала с убитых.
Нам с этой войной
Не понять, что забыто.

Уезжает трамвай,
Полны окна улыбок.
Этот путь только в рай:
По стандарту ошибок.

Не поёшь – восхваляй,
Что ещё не закрыто!
Только лишь засорай
Колокольный звон смыслом.

Громче церковный хор
В словесной лишь битве.
На запад твой взор
Пусть потухнет в молитве.

Онемее язык,
Холодеет и тело:
Курок к горлу впритык
Связки рвёт до предела.

Нет смысла бежать,
Если голоса стихли.
Нет смысла кричать,
Если был уже выстрел.

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Мои глаза устали от шумного света,
Я не представляю, куда шагает планета.
В мелком океане пустых ожиданий
Я растворяюсь в общем сознании.

Лечу по простому миру, будто комета:
Рассекаю космического Бога заветы.
Галилей, прости, я не из твоих вдохновений –
Бываю к солнцу ближе вековых мгновений.

Для жарких стран я – богиня неба,
Что льёт по ночам новые приметы.
Главное не забыть, кто есть на самом деле,
А кто есть я – кусок горящей сферы.

Ю. А. ГАГАРИНУ

Человека отпустило не небо,
Человека отпустила земля.
Полёты виделись в грёзах,
Когда приходила весна.

Сквозь чертежи и схемы
Свободней становилась петля.
Мысль, где бы ты ни был,
Звала на орбиту, звеня,

Тысячу лет поэмы
Писали, на тьму смотря,
Звёзды ломали стены
И купол из хрусталя.

Марс и Венера стали
Ближе на шаг, как судьба.
Потомки, гордясь, вспоминали
Про жизнь на планете Земля...

Человека отпустило не небо,
Человека отпустила земля.
Полёт наяву, а не в грёзах!
Но всё так же в душе весна.

БОРЬБА ВНУТРИ

Было время, что бежала вода,
Киты плескались у причала огня,
Но не тушили, касаясь его,
Порождая простое немое кино.

Вода стекала с вершин самих гор,
И порою казалось, будет потоп,
Но пожар не разгорался даже малость:
Река превращалась в песчаную заводь.

Киты больше колыхались по времени
И с годами истерзали стены бремени.
От огня ничуть не случалось жарче,
Да и жизнь становилась только ярче.

Но вот однажды случилось нечто:
Капли от волн попали в То место...
Пожар разгорелся синим пламенем,
Не оставляя берег песчаной заводи.

Киты задыхались без кислорода.
Огонь пожирал всё, не касаясь моря,
Вода бурлила, сварились все рыбы,
«Океан» оказался озером – нельзя выплыть.

Многотонные животные кричали и выли,
В усладу пожару под дымом плыли.
Осушилось и озеро, киты умирали,
Огонь доедал их синюю память.

НЕДЕТСКАЯ СКАЗКА

Колким, но нежным ударом,
В глаза, как всегда, не смотря,
Мысли лишь мчатся по парам,
Друг друга в ночи обходя.

Маленький заяц от волка
Бежал, так истошно крича.
Вороны, словно иголки,
Вонзались в спину, летя.

«Защита по горю собрата!» –
Метался животный весь мир.
Когда-то здесь не было зайца –
И хищник их многих забил.

Белый гонялся полями,
Петляя и в воду ведя,
Серый никак не отстанет,
Навязчивый, будто дитя.

А вдруг всё закончится кратко?
И вот одинокий пустырь!
Спасение? Нет, будет гадко...
Сценарий, затёртый до дыр.

Заяц под старой берёзой
Дрожит, и в глазах темнота.
Волк его точно не бросит,
Останется с ним вся «еда».

Колким, но нежным ударом,
В глаза, как всегда, не смотря:
«Я буду твоим кошмаром,
Не тронув и не уходя!»

ФАЛЬШИВАЯ ДРУЖБА

Тебе на север, мне на юг:
В печали радость скрою.
Отныне ты мне и не друг,
Но я теперь спокоен!

Во всех сражениях войны
Такие результаты:
Тут выиграл я, а тут вот ты –
Не разведёшь дебаты.

Конец настал, и вся игра
Теперь не стоит массы,
Что, так усердно проиграв,
Выплачивает штрафы.

Во всех сражениях войны:
Дуэтом, как в театре!
И в духе атомной зимы:
Один тянул палатки.

«Тебе на север! Мне на юг!»
В улыбке слёзы скрою,
Смотрю: а повернёшься вдруг?
Но нет. И я спокоен.

Художник: Евангелина Олеговна Потёмкина

– Да когда же вы все уgomонитесь! – зло прошептал маленький силуэт, поправляя старый клочок ткани на импровизированной кровати из пуговиц.

Шаг. Два. Бег. Кто-то явно опаздывал домой. Нередко можно увидеть таких поздних «птичек». Даже очень часто. Из-за этого и злился маленький силуэт. Наконец послышался последний за сегодня скрежет железных дверей. Они закрылись всего на двадцать минут, но удивительно тихих минут. Или нет. Всё постепенно потухло. Остался только дежурный свет. Тишина.

– Ну теперь можно и пройтись, – озабочено произнёс Метровой, вылезая из крупной щели в ступеньках и прикрывая своё логово небольшой дощечкой, – а вдруг крысы?

Он осторожно поправил распашонку, постоял возле порога своего дома, оглядел простирающуюся перед ним станцию и отправился в путь. Совсем скоро придут уважаемые ночные служители – уборщики, электрики, разнорабочие и другие немаловажные люди. Нужно успеть оглядеть владения до их появления. Не всегда хорошо переживает обычный человек встречу с Метровым. Часто, конечно, его стараются не замечать вовсе. «Привидится же ночью!» Поначалу маленькому блюстителю подземного

закона это даже не нравилось. Он здесь главный, а его ни во что не ставят. Впрочем, спустя столько лет его это перестало волновать. Люди стали чувствительнее. В девяносто седьмом году один электрик упал в обморок. Не подготовлен человек был к чертыхавшемуся гному. «Удар током», – заключил тогда врач. Оно и к лучшему. Но Метровой уяснил: надо себя вести тише. Чего нельзя сказать о прекрасных падших нимфах. Упали они, к сожалению, не из райского сада, а просто с перрона. Под поезд. Теперь сидят под лавочками и поют свои песни, которые больше похожи на скулёж собаки.

– Ну что? Сегодня без улова, дамы? – громко крикнул Метровой, подходя к длинной лавочке.

– Нет, батенька, на наши песни почти не отзываются простые путники, – хором пропели упадочки. Вдруг одна из них вскочила на лавочку и начала хвастливо напевать:

– А вот как сейчас помню – в начале недели я парнишку всё-таки поймала! Хорошенький был, как меня увидел, так рот открыл и замер.

– Маруся, он замер оттого, что ты его телефон под поезд скинула, – подала голос из-под лавочки самая старая упадочка, с 80-х всё сидит, – у него там вся жизнь на рельсы упала, тут уж слишком легко его душу поймать было! Она буквально из него сама и вышла.

– Ой, Клавдия, современные проблемы требуют современных решений! – обиженно махнула волосами Маруся и полезла обратно под лавочку.

Осмотрел Метровой девушек, улыбнулся. Каждая как дочь родная была с момента их падения. Да только от графика начали отставать, отчёт за последний квартал совсем негодный был.

– Ладно, дамы, не печальтесь, скоро осень наступит, а там как раз депрессия, апатия, разбитые сердца. Ну вы понимаете. Догоним и перегоним соседнюю станцию, вы уж не переживайте! – патриотично произнёс Метровой.

– А может, не надо? – крикнула самая молоденькая упадочка, спускаясь на пути.

– Как это не надо? А премию в виде заблудших душ уже расхотели? Совсем изголодаетесь, и так еле видны. Так и исчезнете совсем, – озбоченно рассуждал Метровой, качая головой.

– Покоя бы... – вздохнула упадочка и пошла к туннельным феям – будить.

– Зря мы её здесь оставили, – проронила Маруся.

– Никто ей не обещал после падения покоя! Тут ещё больше пахать надо, – бодро заявила Клавдия, кивая на подплывших из соседней лавочки упадочек, – правда, девочки? Я вот только тут по-настоящему и ощутила, что живу.

Молчали упадочки, грустные были. Думали на другую станцию перевестись. Здесь больно живые все. Непривычно. Да только старого Метрового обидеть не хотели. Ему уже скоро на пенсию. Проводить в последний путь бы надо.

– Ладно, заболтали вы меня, дамы! – постучал ножкой Метровой и посмотрел на электронное табло с часами. – Мать моя крыса! Десять минут осталось. Побежал ломогномов проверять. Ах, чуть не забыл! Правило помним? Обслуживающих не трогать.

– Помним, батенька Метровой, любим, не скорбим! – опять хором пропели упадочки и принялись с лавочки на лавочку перепрыгивать.

Повеселел хозяин подземной станции. На путях резвились ломогномы. Сами ломали, сами чинили. Одним словом – работали. По-

правил свою распашонку Метровой, осторожно сел на перрон. Ножки свесил. Кричит:

– Ну что, стахановцы, как успехи ваши?

– Здорово, Начальник Батькович! – молвил старший ломогном, отрываясь от работы. – Придумали, как меньше чинить, но больше ломать. Мы болты с одной стороны шпал откручиваем, а с другой – нет.

– А в чём же новшество, товарищ ломогном старший? К отчёту как припишем вашу деятельность? – заинтересованно болтал ножками Метровой.

– Таки слушай! Мы ж один болт выкручиваем, а непригодна вся шпала! – начал объяснять работник, постепенно кладя болт для наглядности. – Выходит, всю шпалу разом ломаем, а когда обратно вкручиваем гайку, так всю разом чиним, а энергозатрат меньше вышло! Смекаешь, начальник?

– Смекаю. Инновация! Вернусь в свою однушку – запишу в отчёт, – задумчиво пробормотал блюстителю ночных законов. – Скоро на ветковое совещание поеду, там поведаю вашу идею энергосберегательную! Ух, другие станции обзавидуются. Молодец. Так держать! Четырёхгайку за одну шпалу – это сильно. А где близнезломогномы?

– А, так они вчера утром собственные энергозатраты превысили и отъехали!

– В отпуск, что ли?

– Да нет, их поезд сбил. Заработались и забылись, бедолаги.

– Беда, беда. Вы их в ремонтную отнесли?

– Конечно, только их повозило сильно, весь день, по слухам, мотались. На конечной станции теперь. В управлении сказали, что к следующей неделе по частям отправят на попутках, – вмешался виновато средний ломогном.

– Ай, так это я их в отпуск отправлял. Да-да, задним числом, так сказать. А оповестить их и забыл. Ух, удачно совпало! С Веткового управления штраф за несоблюдение норм безопасности не придёт! – протараторил Метровой и, не дождавшись соображений от рабочих, деловито вскочил на ножки и крикнул: – Три минуты до конца ночи, товарищи!

Почесали дружно затылки ломогномы и продолжили страдать. Это у упадочек сончасы настанут, а у этих товарищей – нет. Простые работяги – существа неприметные: их и люди не замечают, и другие фантастические твари. Оно и правильно. Души у ломогномов нет, глаза ночью, как фонари, включаются, да только ультрафиолетом светят. А для хищников они добыча вообще нежеланная. Не каждый захочет есть то, что может на части открыться и внутри тебя шевелиться. Как ящерица бросает хвост, так ломогномы бросают всё: руки, ноги, голову. Рассеянные бывают, правда. Это минус. Но Метровой, как опытный начальник, в характеристике, если что, напишет: «Мечтательная и в силу этого крайне изобретательная натура». Порой от хозяина станции можно услышать: «Ты что, голову забыл?» Однако, зная, что собой представляют эти существа, такой вопрос может показаться неуместным. Без головы на плечах иногда легче живётся.

Нельзя того же сказать о туннельных феях. Истинные ночные бабочки. Как мотыльки, летят на свет. За день им напитаются и ночью светятся. Красиво так, в розовых оттенках. Часто пассажиры их видят в окне вагона. Изредка мелькающие в темноте огоньки – это они и есть. За их искреннюю яркость их часто воруют. Крысы. Удивительные создания, которые раз в месяц берут своё и уходят. Пытались с ними и едой расплачиваться, и монетами. Без толку. Чтобы другие жили спокойно, туннельные феи раз в месяц жертвуют собой. Вот и опять придётся идти и разбираться – почему так, а не иначе.

– Внимание, господа подземные жители! У людей начинается новый рабочий день. Будьте бдительны и осторожны, иначе попадёте в Кунсткамеру! – прокричал Метровой, спрыгивая в туннель. – А я пошёл разберусь с платой за подземное бессмертное хозяйство. Эти крысы из ПБХ совсем распоясались.

Тишина была ему ответом. Оно и к лучшему. В туннеле вовсю светились феи. Настоящая цветомузыка. Аккуратно поймал уважаемую ночную бабочку одну и спрашивает:

– Крысы во сколько к вам захаживают?

– Это ты, Метровой, зря так без уважения за спиной говоришь, – молвил работник ПБХ, выходя из тени.

– Прошу прощения, но после нарушения вами существенных условий договора никак не могу вас называть иначе, – отозвался начальник подземелья, отпуская туннельную фею.

– Нарушаем? Где же?

– Зачастили вы наших светил воровать, – деловито произнёс Метровой.

– Инфляция, товарищ, инфляция! А пересчёт по старому договору мы не проводили, поэтому, извините, ворует, – вышла на свет крыса, раза в два больше хозяина станции, – так что не жалуйтесь, а то мы на вас нажалуемся куда следует.

– Вы мне тут не угрожайте! Без вас знаю про инфляцию, но наши туннельные бабочки бесценны, – постучал ножкой начальник подземного мира, почесал затылок и сказал...

– Крысы! Огромные крысы! – неожиданно за спиной Метрового прокричал человеческий голос.

– Сам ты крыса, – процедил он и, махнув работнику ПБХ в знак прощания, взобрался на перрон. Бежал в свою родную щель уже под ор ночного дежурного метро. По пути прихватил какой-то фантик. Будет блеснуть в его логове, создавать праздничное настроение. Наконец Метровой юркнул в трещину меж ступенек, отпихнув предусмотрительно оставленную дощечку, и оказался дома.

– Привидится же ночью! – послышалась снаружи привычная фраза, означающая, что начался новый день для Московского метрополитена.

«Так и прошла ночь длиною всего в двадцать минут. И пусть никого не смущает столь малый отрезок времени. За него успевают происходить поистине фантастичные вещи, которых люди не замечают. Возможно, им и не дано замечать это. Но хочется верить, что однажды, посмотрев на себя со стороны, они поймут, как комично выглядят», – записал в своём дневнике Метровой, слушая, как начальник смены бранит электрика, и, вздохнув, поправил на стене небольшое семейное древо, состоящее из домовых.

Арина БЕЗЗУБЦЕВА

ТРАМВАЙ «ЖЕЛАНИЕ»

Классик американской, да и мировой драматургии Теннесси Уильямс написал эту пьесу три четверти века назад, в 1947 году. Долго подыскивал ей точное и звучное название: то это был «Лунный свет», то «Покерная ночь»... А в конце концов остановился окончательно на том наречении, под которым спектакль 75 лет (!) триумфально шагает по театрам стран и континентов, собирая полные залы и восторженные отклики потрясённой публики. «Трамвай "Желание"» послужил и основой голливудского фильма с легендарными Вивьен Ли и Марлоном Брандо.

Ничего странного в несколько экстравагантном названии нет. Громяхая на стыках (для достоверности в канву спектакля вплетается киномонтаж) носится по улочкам затхлого городка старый трамвай, именуемый здешними жителями «Желание», следующая остановка за домами которых – «Кладбище». Всё именно так, как сложится в жизни и судьбе главной героини пьесы – Бланш Дюбуа.

Столько горестей и бед, сколько в одночасье обрушилось на плечи этой одинокой хрупкой женщины (скажем сразу – блистательна в заданной роли актриса Ольга Дикова!), не под силу вынести и дюжему молодцу. А тут – на молодую 27-летнюю особу сыплются несчастья одно за другим: после смерти родителей продана за долги родовая усадьба, нет у осиротевшей учительницы ни семьи, ни детей; муж, который, как неожиданно выяснилось, гомосексуалист, покончил с собой, утрачена работа в школе, после того как директору стало известно, что учительница Бланш Дюбуа «закрутила» роман с юным, неоперившимся старшеклассником... Выход остаётся лишь один: собрать жалкие пожитки, уместающиеся в старый потрёпанный кофр, и отправиться из Нового Орлеана в глушь, тьмутаракань, к младшей сестре – Стелле, живущей в более чем скромной

«двушке» с мужем – поляком Стенли Ковальски – как раз на той самой улочке, где, увы, денно и ночью погромыхивает трамвай «Желание». (В скупой и выразительной сценографии спектакля подтверждением тому служат обрезки рельсов.)

Вот так, неспешно разворачиваясь, не претендует вроде бы на оригинальность завязка остродраматической пьесы. Более того, на первый взгляд среди действующих лиц нет ни одного положительного героя. Судите сами: распутную жизнь вкупе с пристрастием к спиртному до переезда к сестре ведёт Бланш Дюбуа. Пассивна во всём, кроме как в любви к мужу, безропотно сносящая его дебоши и даже побои младшая сестра Бланш Стелла. Распоясавшийся циник и хам, в финале спектакля вообще похотливое животное – её супруг Стенли. Не лучшим образом выглядит и трио его друзей. Хотя каких там друзей – собутыльников, таких же картёжников, как и он, просиживающих все вечера за пивом и покером в квартире Ковальских. И даже Митч – единственный из троих покеристов обративший вдруг внимание на Бланш как на привлекательную женщину и оказывающий ей искренние знаки внимания, чуть ли не влюбляющийся в неё – оказывается в итоге жалким слизняком. Вовсе не мужчиной.

Повторимся: это на первый взгляд. А по сути? Вот эту-то глубинную суть трагедии опытному главному режиссёру театра Николаю Елесину и предстояло понять, решить, передать актёрам, а им – донести до зрителя

– Вначале я нашёл подходящую музыку к каждой мизансцене, а затем приступил к репетициям, – улыбается, принимая поздравления театральной публики, Николай Глебович.

Поверим. Музыка действительно конёк Елесина и непременный спутник всех поставленных им на сцене МДТ спектаклей. Не исключением стал и «Трамвай "Желание"». Но

мы говорим об игре актёров, трактовке ими заданных образов. Смотрите!

В приземлённом, задымлённом, пьяном быте окраинного рабочего квартала могла ли мечтать о чём-то таком величественном Стелла – покорная серая мышка без образования и определённой работы? Ей, беременной, мнится лишь одно: как можно прочнее привязать к себе непутёвого хулиганистого мужа да благополучно произвести на свет долгожданного ребёнка. Эту вялость, слабость характера, заведомую сдачу судьбе своего персонажа актриса Анастасия Дьячкова передаёт филигранно, точно, причём в немалой степени благодаря чёткой дикции, грации и пластике – завидным свойствам, не так уж часто встречающимся даже у столичных исполнительниц характерных женских ролей.

Законченный вроде бы забулдыга, циник и шпана Стенли Ковальский (удачный дебют молодого актёра Андрея Алексеева!), но ведь Стенли (так по пьесе) полгода терпит присутствие в своём доме постоянно пикирующей с ним свояченицы Бланш. Терпеливо сносит её подначки, болезненные уколы, откровенные насмешки, бесцеремонное употребление ею его виски...

Но наступает момент, когда чаша переполнена. Обозлённая на весь белый свет Бланш публично унижает национальное достоинство Ковальского (это при знаменитом-то польском гоноре!), в открытую глумится над Стенли, обзывая и его самого, и его приятелей человекобезьянами, предсказывает им беспросветность и полный крах... Потому акт насилия, учинённый оскорблённым до глубины души Стенли над пьяной и беспомощной Бланш в ту ночь, когда его жена Стелла отправилась рожать первенца, не закономерная и не оправданная, но в чём-то логичная по сюжету и понятная по фабуле расплата злом за зло.

Жалок и смешон поддавшийся на сплетни о Бланш типичный маменькин сынок Митчелл (на грани комизма рисует хлюпика артист Павел Шуть). Таким робким и трусливым Митч и останется до седых волос, не способным ни на защиту женщины, ни на дружбу, ни тем более

на любовь. Человек без стержня, без решительного шага. Облако в штанах.

Наконец, Бланш Дюбуа. Актриса Ольга Дикова в заданном образе проживает за три часа сценического действия не одну, а несколько жизней – драматических, горьких, изломанных. То она гордая и величественная, то робкая, послушная, растерянная, то она недоступная, то распутная... Какое же пиршество для профессионального мастера сцены творить такую многогранную роль!

И в свою творческую копилку Ольга Дикова может смело занести роль Бланш Дюбуа как большую, звёздную удачу. Актриса очень тонко сумела понять: её героиня, пытающаяся после всех жизненных попыток, передраг обрести покой, гармонию, а там и любовь, в окружающем её реальном мире сталкивается лишь с крушением надежд. Нет хода её романтическим увлечениям, попыткам делать людям только хорошее. И – лишённая волей обстоятельств такой возможности – ужасно заканчивает свой земной путь несчастная женщина, тщетно искавшая хотя бы крупницы счастья... Бланш Дюбуа...

Экзистенциальное прозрение сводит её с ума. Она оказывается не в силах выдержать всестороннее давление обывательского быта, обывательской философии, глумления, преследования, сплетен, травли...

Остаётся ещё раз сердечно поблагодарить за прекрасный спектакль главного режиссёра театра Николая Елесина, всех занятых в спектакле актёров, сценографа Сергея Мищенко, художника по костюмам Ирину Кузнецову.

Зрители покидали театр. А за кулисами кипит ночная работа, доносятся актёрские и режиссёрские голоса. Но останавливает всех любопытствующих строгая табличка у входа – «Тише! Не входить! Идёт репетиция!». Значит, можно ждать ещё премьеры в новом, 125-м театральном сезоне любимого Мичуринского драматического театра? Ждём!

Валерий АРШАНСКИЙ,
заслуженный работник
культуры РФ

АЛЕКСАНДРЪ

На снимках: сёстры Блани и Стелла Дюбуа (артистки Ольга Дикова – справа – и Анастасия Дьячкова); Митч (арт. Павел Шуть); Ольга Дикова – Блани Дюбуа; главный режиссёр театра Николай Елесин (в центре) и актёры труппы.

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru